

Комитет по культуре администрации г. Перми
МУК «Объединение муниципальных библиотек г. Перми»
Центральная городская библиотека им. А. С. Пушкина
(Дом Смышляева)

«СМЫШЛЯЕВСКИЙ СБОРНИК»

ИССЛЕДОВАНИЯ И МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ
И КУЛЬТУРЕ ПЕРМИ

ВТОРОЙ ВЫПУСК

Пермь 2010

УДК 947.1 (470.5)
ББК 63.3 (2 Рос - 4 Пер)
С 50

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Составитель и редактор **Т. И. Быстрых.**

Ответственный за выпуск: директор МУК ОМБ **Е. Н. Клешина.**

Для оформления обложки использован подлинный экслибрис «Из книг Д. Д. Смышляева».

Смышляевский сборник: Исследования и материалы по истории и культуре Перми. – Вып. 2 / Центр. городская б-ка им. А. С. Пушкина (Дом Смышляева); сост. и ред. Т. И. Быстрых. – Пермь, 2010. – 215 с.

© МУК ОМБ, идея, 2010.
© Коллектив авторов, тексты, 2010.

В 2009 году Центральная городская библиотека им. А. С. Пушкина в Перми (Дом Смышляева) начала издание краеведческих альманахов под общим названием «Смышляевский сборник. Исследования и материалы по истории и культуре Перми».

Приступая к осуществлению этого проекта, библиотека стремится следовать традициям, сложившимся в пермском краеведении в XIX – начале XX вв. Благодаря этому яркому явлению в истории Пермского края, мы располагаем сейчас замечательным фондом краеведческой литературы, в частности, полным сводом летописей города Перми, а также получившей всероссийское признание культурой книгоиздательства.

Именно Дмитрий Дмитриевич Смышляев стоял у истоков зарождения этих традиций в середине XIX века. Ему удалось из разрозненной, практически не связанной между собой группы людей, увлеченных изучением пермской истории, создать настоящее сообщество краеведов и направить интересы и стремления отдельных «ревнителей края» в общее русло. С этого времени мы уже можем говорить об организованном краеведческом движении, о его характерных особенностях и соблюдаемых принципах.

Имя «Дом Смышляева» не случайно появилось в логотипе Центральной городской библиотеки Перми – она находится в бывшем доме Дмитрия Дмитриевича, принадлежащем ранее его отцу, также весьма известному в городе человеку. Осознав однажды свою непосредственную причастность к судьбе Д. Д. Смышляева, библиотека вот уже много лет выстраивает отношения с общественностью города в соответствии с этим высоким неформальным статусом. В последние годы и ее краеведческая деятельность все более соотносится с трудами Смышляева, проявившего себя, в том числе, и профессиональным библиографом, и составителем самого первого в Перми специализированного краеведческого книжного фонда.

Библиотека взяла на себя обязанность составления полной библиографии трудов Д. Д. Смышляева и литературы о нем и уже подготовила библиографический указатель «Д. Д. Смышляев (1828–1893 гг.)», включенный в первый выпуск «Смышляевского сборника». В указателе представлены основные публикации Д. Д. Смышляева и посвященная ему литература, но многое по тем или иным причинам осталось за рамками пособия. Библиографы Пушкинки намерены и дальше продолжать эту работу.

Имя Дмитрия Дмитриевича Смышляева – земского и общественного деятеля, издателя и журналиста, краеведа и библиографа – по-прежнему интересует исследователей. Появляются все новые посвященные ему труды, выявляются не известные

ранее архивные документы. Все находки должны быть донесены до читателей, и библиотечный «Смышляевский сборник» призван по мере возможностей решить эти проблемы.

Помимо библиографического указателя в первый выпуск альманаха вошли несколько статей и очерков по истории и культуре города. Сборник был посвящен знаменательной для пермского краеведения дате: 150-летию со дня выхода в свет уникального краеведческого издания «Пермский сборник», подготовленного Д. Д. Смышляевым и изданного им в Москве на собственные средства.

Во втором выпуске альманаха личность Дмитрия Дмитриевича Смышляева представлена интереснейшей статьей доктора филологических наук В. В. Абашева и очередной «главой» родословной Смышляевых, выстроенной по архивным документам Е. П. Субботиным. Е. Г. Власова в статье «Чудь в «ученых путешествиях» по Уралу конца XVIII века» перекидывает мостик от смышляевского «Пермского сборника» к современным исследователям чудских древностей и предлагает неожиданный взгляд на историю взаимоотношений русского народа и коренных народов уральского севера.

В то же время этот выпуск сборника не несет определенной тематической направленности. Его содержание делится на три основных раздела: «Исследования по истории и культуре Перми», «Публикации документальных материалов» и «Библиография». В числе авторов сборника – пермские ученые, историки и филологи, библиотекари, краеведы.

«Смышляевский сборник» будет интересен, прежде всего, исследователям истории Перми и специалистам в области краеведения – архивистам, музейным работникам, библиотекарям, учителям, журналистам. Помимо очерков, здесь представлены архивные документы, сопровождаемые современными комментариями. В частности, П. А. Корчагиным впервые опубликован целый ряд послужных списков пермских чиновников начала XIX века. А. В. Шиловым подготовлены к публикации неизвестные воспоминания о Старой Перми. Впервые увидели свет выдержки из дневников пермского краеведа В. С. Верховланцева, неоднократно упоминаемых исследователями в разных работах.

Вместе с тем составители полагают, что книга найдет читателей и среди представителей пермской общественности, неравнодушных к истории своего города, а также в студенческих и научных кругах.

С замечаниями, пожеланиями и предложениями по содержанию «Смышляевских сборников» следует обращаться в Центральную городскую библиотеку им. А. С. Пушкина в Перми: e-mail: pushlib@permregion.ru

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ ПЕРМИ

В. В. Абашев

Д. Д. СМЫШЛЯЕВ: АВТОПОРТРЕТ НА ФОНЕ ПАЛЕСТИНЫ

Первые месяцы 1865 года Дмитрий Дмитриевич Смышляев провёл на Ближнем Востоке. Десятилетие спустя в Перми вышла его книга о путешествии – «Синай и Палестина. Из заметок 1865 года». Недавно она переиздана палестинским обществом *. По мнению издателя, очерки Смышляева «сохранили свое значение и обаяние для людей, интересующихся судьбами Святой Земли и русского <...> паломничества» (280). Действительно, книга Смышлева насыщена самыми разнообразными сведениями о святынях Палестины.

Правда, чтение очерков Смышляева потребует от читателя усилий. Прежде всего, потому, что они чрезмерно отягощены грузом ученой оснастки и напоминают значительной своей частью отчет об экспедиции. Надо сказать, Смышляев-повествователь обнаруживает себя в тексте по преимуществу в роли исследователя. Он предстает перед читателем то с альбомом, где делает зарисовки местности, то с дневником путешествия, а то собирает гербарий местной флоры. Избранная повествователем роль ученого путешественника обязывает его к объективизму, к критичности, и Смышляев строит повествование, следуя известным ему правилам ученого письма.

Демонстрируя основательное знание литературы путешествий и трудов по библейской археологии, он насытил повествование ссылками на работы Тейлора, Робинсона, Кварезми, Сольси, Пиеротти и многих других. И, конечно же, ссылками на тексты Ветхого и Нового заветов. Каждый увиденный им объект Смышляев помещает в плотный исторический контекст, а также в сетку высказанных об этом объекте мнений специалистов. Следуя стилю ученых записок, Смышляев, вводит в повествование многочисленные цифровые данные. Например, справку о распределении

* Смышляев Д. Д. Синай и Палестина: Из путевых заметок 1865 года. – М.: Индрик, 2008. Далее ссылки на это издание даются в тексте: номер страницы в скобках после цитаты.

жителей Иерусалима по этнико-конфессиональным группам * или таблицу химического состава вод Мертвого моря *. Особую склонность повествователь питает к точной локализации объектов и передвижений в пространстве. Он приводит географические координаты мест, указывает направление движения по компасу, оценивает расстояние в сажнях или верстах, приводит размеры объектов и описывает их взаимное соположение. Если добавить к этому обилие топонимов, а многие из них даны как в русских, так и в арабских наименованиях, то получается текст подобного рода: «От Силоамского колодезя мы направились на юго-восток, через сады, которыми покрыта значительно раздвинувшаяся здесь Иосафатова долина, и, оставив вправо устье Гинномской долины (Геенну), сажнях в полутора от этого устья, достигли колодезя Иова (Бир-Эйюб), в древности Эн-Рогел, именуемого христианами колодезем Неемии. Эн-Рогел указывал границу между коленами Иуды и Вениамина (Нав. 15, 7-8)» (84).

К счастью для тех читателей, у которых хватит выдержки пробраться сквозь дебри ученого дискурса, текст смышляевских заметок им не исчерпывается. Значительно больший и живой интерес в заметках о путешествии на Синай и в Палестину представляет, на наш взгляд, не столько путешествие, сколько рассказ о путешественнике. Помимо доминирующего пласта ученых записок в очерках Смышляева выделяется иной план повествования, выражающий субъективность автора. Игра этих планов и составляет главный интерес смышляевских записок.

В письме к Смышляеву Иван Аксаков отметил, что его заметкам свойственна «сдержанность в выражении впечатлений», но она «только усиливает внимание и возвышает достоинство». Замечание об усилении внимания важно, оно касается стратегии чтения. Задача чтения путевых очерков Смышляева в избранном нами аспекте в том и состоит, чтобы за ученостью, за сдержанностью в выражении впечатлений различить живое лицо, личные проблемы, предрассудки, увлечения, симпатии и антипатии. Попытаться выявить тот общественно-исторический, национальный и национально-географический тип субъективности, который представляют нам смышляевские путевые заметки.

* «Обращаюсь к населению Иерусалима. По исчислению Пиеротти, оно простиралось в 1864 году до 20 330 человек. Эта цифра делилась по вероисповеданиям так...» (134)

* «По исследованиям в 1848 году Буса и Мокля, специфический вес воды Мертвого моря оказался равным 1, 22742. по разложению найдено в воде составных частей: Хлористого магния 14, 8971...» и т. д. (169)

Прежде всего, они достаточно ясно обрисовывают его общественные установки. Это сознание колониальное. Положение, при котором Святой Землей владеют мусульмане, «безнаказанно» «профанирующие <...> дорогие для нас святыни» (65), кажется русскому страннику историческим парадоксом. Ведь европейским державам ничего бы не стоило «изгнать <...> навсегда невежественные, дикие и бесильные орды» (65) из Палестины. И то что этого не происходит, является загадкой, скорее, провиденциального, чем политического плана. В смышляевских описаниях быта Палестины нет ни грана ориентальной романтики. Арабский восток у него – невежественный, ленивый, кишачий толпами и – прежде всего – *грязный*.

Это доминирующая у Смышляева характеристика Востока – *грязный, неряшливый*. Все европейское, напротив, – *чистое и опрятное*. В этом смысле вид Суэца, который «представляет, за исключением нескольких европейских зданий, отвратительно грязную грудку развалин» (10), – скорее архетипический, чем реальный пейзаж. Поэтому не выглядит неожиданным то, как Смышляев описывает пресловутую восточную экзотику – арабский танец: «Штук двадцать весьма грязных образчиков местной человеческой породы явились у нас на дворе и <...> начали бесноваться». (167). Даже романтический символ восточных путешествий верблюд вызвал стойкую антипатию путешественника. «Говоря об арабах, – замечает Смышляев, – нельзя умолчать и о верблюдах. <...> Это самое несносное животное: неприятный рев его, отвратительная вонючая отрыжка, склонность кусаться и подчас непреодолимое упрямство могут вывести хоть кого из терпения». (49)

Далее. Заметно, что в Палестине Смышляев чувствует себя скорее европейцем, чем православным русским. Его взгляд с неизменной отрадой и симпатией отмечает *чистые и опрятные* здания католических и протестантских духовных миссий, с удовольствием выделяет в толпе «красивого брюнета англичанина <...> с красным гидом под мышкой» (71). Ему близка позиция протестантов. В отличие от других конфессий они «держат себя в стороне от <...> препирательства о правах на владение какими-либо святынями, неумоимо преследуя цель просвещения человечества учением Христовым» (136). Он восхищен просветительской работой Лондонского библейского общества. И в компании путешествующих англичан или немцев Смышляев чувствует себя более комфортно, предпочитая избегать попутчиков-соотечественников.

И это тоже осознанная позиция. Вот знаменательный эпизод его заметок – описание Русских Построек в Иерусалиме – комплекса зданий, построенных Россией в начале 1860-х годов для размещения паломников. «Русские, – пишет Смышляев, – не по-

щадили издержек на этот великолепный приют. Как внешностью, так и прочностью постройки делают честь архитекторам, под наблюдением которых они возведены». (137) Везде здесь царят чистота и порядок. Все хорошо, если бы не странники: «Благодаря неопрятности странников» помещение страннического корпуса второго класса «довольно грязновато» (140). А далее следует та же конструкция перехода от предмета к предмету, что уже встречалась при описании арабов и их верблюдов.

«Говоря о приюте для русских поклонников в Иерусалиме, — начинает Смышляев, — нельзя умолчать и о самых поклонниках. Смирный прощатый милостыни, <...> русский странник за границами России совершенно перерождается. Он становится груб и неприступен; слова молитвы <...> сменяются бранью и наглыми выходками. Если, признав его в толпе за земляка, вы подойдете к нему и, желая завязать разговор, спросите: откуда (140) он, — то почти всегда рискуете услышать в ответ: «А тебе что за дело?» <...> подобная любезность не поощрит вас на дальнейшие попытки к сближению, и вы будете избегать встречи с полудикими соотечественниками. Взаимные ссоры и препирательства не прекращаются в этой толпе, которая валит к Святому Граду, возбуждая к себе общее отвращение своей грубостью, неизобразимой нечистоплотностью и озорничеством» (140-141).

«Вот верное изображение большинства русских поклонников на Востоке, — настаивает Смышляев, — Да не сочтут его клеветой» (142). Действительно, изображение русского странника настолько расходится со стереотипом, что даже современный православный комментатор Смышляева счел необходимым опровергнуть его суждение как «заведомо преувеличенное» (248).

Но, дело, конечно, не в том соответствует ли образ русского странника у Смышляева действительности, нам важнее, как видит Смышляев русского странника и почему видит его именно так. В рисуемом Смышляевым контрасте европейских цивилизаторских усилий русского правительства, создавшего в виде Русских Построек в Иерусалиме чистую оправу для русского паломничества в Святую Землю и нечистой толпы этих самых паломников узнаваем стереотип русского же европеизма. И в Смышляеве мы встречаем исторический тип или разновидность типа русского европейца хорошо известного по литературной типологии XIX века, но не потерявшего и сегодня своей актуальности.

Идем далее. Помимо черт для характеристики общественных позиций Смышляева его палестинские заметки представляют интересный материал и для характеристики его личности с точки зрения психологической.

Возвращаясь к замечанию Аксакова, напомним, что он подчеркнул сдержанность Смышляева в выражении впечатлений. В выражении общественных позиций Смышляев, скорее, резко определен. Но замечание Аксакова более чем верно, если говорить о сфере личных переживаний автора.

В путевых заметках есть любопытный эпизод. К Иерусалиму Смышляев направляется в обществе английского пастора, который, как выяснилось, «недавно лишился жены» и «ехал в Иерусалим искать утешения в своей потере». Обращает внимание, что о несчастном спутнике Смышляев отзывается, мягко говоря, не сочувственно. Ему кажется, что горе повлияло на «умственные способности» пастора. Тот «мало говорил, отвечал невпопад и большей частью пел псалмы» (56). Этому эпизоду легко не придать значения, если не знать, что путешествие Смышляева на Восток имело ту же, что у пастора, драматическую подоплеку. В октябре 1864 года он потерял жену и тогда-то решил осуществить давнее намерение: «забыв все, связывавшее меня с миром материальным, я обратил мои взоры к Востоку — единственному источнику, из которого надеялся почерпнуть утешение и успокоение для моего больного духа...». (59)

Так что, в скорее неприязненно ироническом, чем сочувственном взгляде Смышляева на товарища по несчастью, можно предположить скрытый автокомментарий. Кажется, русский путешественник чувствует себя более «англичанином», чем англичанин природный: он считает недостойным обнажать свои чувства. С этой точки зрения, можно понять, почему в столь драматической личной ситуации, Смышляев едет в Палестину во всеоружии ученой подготовки, проштудировав целую библиотеку тогдашней палестиноведческой литературы.

Его стоицизм в личном несчастье — это позиция. И этой позиции соответствует стратегия смышляевского путевого текста — молчать об интимном, лишь указывая на него. Это молчание касается не только личных житейских переживаний, но и переживаний религиозных.

В этой связи нам кажется характерным, как Смышляев описывает посещение храма Гроба Господня в Иерусалиме, что и было одной из главных целей поездки. Поклонение Гробу Господню вызвало у Смышляева подлинно глубокие, потрясающие переживания. Но как раз об этих переживаниях он не говорит ни слова прямо. Лишь обозначив степень волнения и глубину, он оставляет их в зоне молчания. Отказываясь от навязчивых услуг гида, путешественник замечает, что «не хотел пока развлекать-

ся подробностями, не хотел, говоря прямее, дать остыть внезапному, необъяснимому ощущению, родившемуся во мне при мысли о близости святыни» (72). Он выжидает момент, когда в пещере Гроба никого не остается и вот: «На мое счастье, я очутился один...». (72) Многообразием после этой фразы Смышляев прерывает описание. Мы не узнаем, что произошло с путешественником у Гроба Господня, но текст дает понять, что произошло нечто значительное, что овладело им целиком: «Легко и бодро вышел я из часовни; обошел *наскоро* весь храм, *не обращая ни на что особенного внимания*, даже на многократные предложения непрошенных чичероне: в голове у меня было вовсе не то... Долго я бродил по всему Иерусалиму, так же машинально, пока голод и усталость не напомнили, что человек есть существо земное и что ему свойственны потребности, которым он должен поневоле подчиняться» (72).

Обошел наскоро, ни на что не обращая внимания, не развлекаясь подробностями – эти замечания имеют, на наш взгляд, метатекстовое значение: они описывают структуру описания. Первое посещение храма Гроба Господня едва ли не единственный случай в тексте, когда Смышляев избегает ученого описания святыни: не приводит исторических справок, не описывает архитектуру, не ссылается на авторитеты. И, надо сказать, от этого описание храма в художественном отношении только выигрывает. Повествование неожиданно приобретает напряженно эмоциональный характер, появляется ритм беглого перечисления случайно выхваченных взглядом деталей. Вот при входе в храм веет сыростью, вот турки играют в шашки, вот странник на коленях перед плитой, где лежало тело Спасителя, вокруг шум, ходьба, крики, полусвет и колонны, греческий монах, предлагает услуги гида – все эти подробности внешней обстановки как бы машинально фиксируются рассеянным и обостренным вниманием, еще более подчеркивая внутреннюю эмоциональную напряженность. Заметим, не развертывая утверждения, что повествование о первом посещении храма приобретает символизм истории о преображении. Путь к храму начинается встречей с прокаженными и завершается просветлением.

Особенность приведенного фрагмента тем более обращает на себя внимание, что его можно сопоставить со следующим в другом месте развернутым ученым описанием храма (104-109). Здесь повествователь приводит множество подробных сведений исторического характера, ссылается на ученую литературу, описывает маршрут к храму и его архитектуру т. п. Взгляд по-

вестователя здесь подчеркнута объективированный и как бы отчужденный, лишенный какого-либо оттенка благоговейного волнения. Так в убранстве часовни Гроба Господня повествователь обнаруживает «полное отсутствие вкуса» (108).

Сопоставление двух описаний храма обнаруживает внутренний нерв путевых записок. Пользуясь образным языком его можно было бы обозначить как конфликт рассудка и сердца, ученой дотошности и сердечного воображения, позитивистской учености и мистического чувства. Безусловно, в повествовании Смышляева господствует рассудок. Тем ценнее своей неожиданностью отступления, обнаруживающие более глубокие уровни авторского сознания.

Надо заметить, что конфликт этих двух начал обнажен в тексте.

«Несмотря на самые тщательные изыскания ученых, – завершает описание Иерусалима Смышляев, – топография» древнего города «представляется еще в довольно неопределенных чертах. <...> Тем не менее, самая таинственность, которой облечены следы минувшей жизни Иерусалима, влечет к себе силой неодолимой. Археологи неутомимо трудятся над раскопками и разысканиями <...> Для верующего нет необходимости в точных научных определениях: для него уже самый воздух Палестины дышит священными воспоминаниями». (133)

Текст заметок Смышляева как бы колеблется между этими векторами: позитивистская ученость и сердечное воображение. Все его описания арабского востока выдержаны с точки зрения колониального сознания, но вот он уступает эстетическому чувству и любуется бедуинами, замечая выразительные черты лиц, поразительную белизну зубов и то, что «манеры их не только не имеют ничего грубого, но по большей части полны изумительной грации» (46).

Наиболее явно раздвоение текста проявляется в эпизоде восхождения на Синай. Оно вызвало сильные религиозные переживания. Но, как и в случае с посещением храма Гроба Господня, Смышляев и здесь избегает прямого выражения своих переживаний. Он замещает их напряженным и взволнованным изложением рассказа пророка Илии из 4 книги Царств о встрече на Синае с Богом, который пришел не в буре, сокрушавшей скалы, не в грохоте землетрясения, не в огне, а в тихом дуновении ветра. Библийский текст замещает рассказ о собственном опыте. Вскоре следует выразительное описание бури, настигшей путешественников у подножия Синая: «Буря ревела как на море; к свисту ветра присоединялся страшный раскатистый грохот, как бы раздававшийся изнутри гор. Этот грохот порою покрывался необыкновенным отрывистым сту-

О ТАК НАЗЫВАЕМОМ «ГУБЕРНАТОРСКОМ МОСТИКЕ» В ПЕРМИ

В январе 2002 г. при прокладке дворового дренажа во дворе памятника истории и культуры «Управление Уральской железной дороги» (административный корпус) по ул. Горького, 1, в квартале 39 исторического центра г. Перми в траншее были обнаружены древние элементы благоустройства Перми. В феврале-марте 2002 г. отрядом Камской археологической экспедиции под руководством П. А. Корчагина проводились аварийные охранно-археологические исследования. Результаты исследования были обобщены в научном отчете для ИА РАН¹ и апробированы в научной публикации². Результаты раскопок вызвали заметный общественный интерес. С легкой руки журналистов объект получил название «модераховский мостик»³, хотя правильнее было бы говорить о двух мостиках и подпорной стене.

В сентябре 2009 г. А. В. Васильевой были проведены повторные противоаварийные раскопки. Согласно техническому заданию, основной целью исследований являлось выявление и научная фиксация скрытых под землёй конструкций благоустройства и дренажной системы (облицованные гранитом кирпичные мостики, гранитная выростка, канава и др.), построенных в начале XIX в. (во время осуществления программы губернатора Карла Модераха по благоустройству Перми) для их дальнейшей музеефикации. Позднее на большей площади выяснилось, что сооружение, ранее атрибутированное как подпорная стена, на самом деле является прямоугольным фундаментом с чрезвычайно узким межстенным пространством. Открывшиеся обстоятельства, с одной стороны, не позволяли настаивать на интерпретации сооружения как подпорной стены, с другой — также не позволяли сформулировать объективных суждений о функции искомого объекта. Для этого необходимо было продолжить архивные изыскания о строительной истории квартала 39. Настоящая статья представляет собой первую попытку собрать воедино по возможности всю известную из литературы информацию, ввести в оборот новые источники. В ней обобщены материалы письменных, картографических и иконографических источников, сведения из опубликованных источников и научной литературы, позволяющие интерпретировать и датировать объекты, раскрытые в раскопках 2002 и 2009 гг.

Наиболее полно облик Набережной улицы можно увидеть на фото К. Ф. Чайковского в фондах Пермского краеведческого музея⁴, датируемом не ранее 1879 г. На фотографии хорошо видны все дома

ком, подобным тому, как будто громадные массы скал, сорвавшись с места, в несколько скачков раздроблялись в падении. Громовой гул вслед за этим потрясал воздух...

Мне теперь понятен рассказ пророка Илии о том, как «ужасный ветер сокрушал горы и разбивал скалы», когда пред ним прошел Господь. Это было на Синае» (38).

Но сразу же, переключая план повествования, Смышляев обнажает рациональную подоплеку пережитого: «По мнению ученых, — продолжает он, — синайская вершина заключает в себе <...> пустоты, имеющие сообщение с внешним воздухом, и этим обстоятельством объясняют <...> необыкновенный грохот во время бурь» (39). Заклучая же описание поездки на Синай и вновь ссылаясь на мнение ученых, Смышляев ставит под сомнение полуторатысячелетнюю традицию и сам факт своего пребывания на Синае: «Заклучу <...> мнением серьезных исследователей библейской древности, предполагающих, что настоящий Синай не есть та гора, которая означается в Библии под этим названием» (49).

Вот так, между двумя полюсами: познавательным, позитивистским и мистическим и эстетическим колеблется повествование путевых очерков Смышляева, отражая двойственность его собственного сознания. В лице Смышляева мы видим человека, у которого ум с сердцем не в ладу. У него была религиозно-мистическая склонность и развитое эстетическое чувство, но в публичном выражении он не склонен был их проявлять, подчиняя нормам и принципам того ученого и просветительского письма, которые на его взгляд имели общественное значение, и которым он считал нужным следовать.

Наверное, правы современные издатели. Очерки Смышляева «сохранили свое значение и обаяние для людей, интересующихся судьбами Святой Земли и русского <...> паломничества». Но для тех, кто занимается историей культуры Урала, рассказ Смышляева о Палестине интересен, прежде всего, как источник для понимания личности путешественника — одного из самых значительных общественных и литературных деятелей Пермской губернии второй половины XIX века. Ради этого их стоит перечитать.

Наше обращение к путевым заметкам Смышляева продиктовано общей проблемой. Изучение региональной литературы ставит нас перед необходимостью прочтения большого массива текстов со слабо выраженной либо замаскированной субъективностью. Между тем история литературы немыслима вне персоналогического аспекта. Поэтому мы должны учиться искать следы выражение лица в безличном по видимости письме.

заводовладельцев: Абамелек-Лазаревых, А. Яковлева (будущий Мешкова), Н. А. Стенбок-Фермор, а далее – особенно интересующий нас дом. Это стоящий на углу двухэтажный каменный дом с семью окнами по фасаду, выходящему на Каму, и с семью окнами, выходящими на улицу Соликамскую. Слева и справа из-за него видно каменное здание какой-то одноэтажной хозяйственной постройки, стоящей как раз на месте каменного фундамента и мостиков, раскрытых в раскопках 2002 и 2009 гг. Этот же вид содержится на акварели конца 1820-х – начала 1830-х гг. П. Е. Размахнина «Вид г. Перми» из фондов ПГХГ⁵. Интересующий нас дом также показан двухэтажным на семь окон по фасаду. И так же, как на фото К. Ф. Чайковского, из-за дома с южной стороны видна часть одноэтажной каменной постройки под железной крышей, покрашенной суриком, стоявшей на месте откопанного археологами фундамента. Естественно, мостики, находящиеся за зданием на изображениях разглядеть невозможно.

«Список владельцев недвижимых имуществ г. Перми» 1898 г. указывает, что искомым участком земли в квартале 39 «между Соликамской и Обвинской улицами» владел «Попов Петр Карпович, купец, на углу Соликамской улицы» – дом № 5/1⁶. Однако он не был ни первым владельцем участка, ни строителем дома. К сожалению, обнаружить документы с описанием участка, подобно описанию участка Стенбок-Фермор, не удалось. Однако можно предположить, что и он, как и его дом-близнец, был окружен «каменной банею, помойной ямой, деревянным птичником, **каменным сараем** (выделено мною – П. К.), навесом, деревянным погребом, колодцем и каменной оградой»⁷.

По сведениям А. А. Дмитриева во 2-ой половине XIX века: «На набережной Камы стройным рядом тянулись дома известных Уральских заводовладельцев: Лазаревых и Яковлевых между Обвинским и Соликамским переулками, а еще ниже, ближе к старому заводскому рынку, – дома Сысертских заводов Турчанинова, Суксунских – Демидовых и около самого «Нижнего рынка» дом местного купца Антона Пономарева»⁸. Это значит, что в квартале 39 по ул. Набережной было только два участка: относительно небольшое домовладение Лазарева на западном углу квартала, а большая часть северо-западного фаса квартала принадлежала Яковлевым. Графиня Н. А. Стенбок-Фермор, владевшая третьим домом в 70-х гг. XIX в., была дочерью и наследницей А. И. Яковлева. Когда четвертый дом (тоже яковлевский) перешел в собственность П. К. Попова, установить не удалось. Дом А. И. Яковлева (будущий Мешкова) был построен около 1796 г. Время же возведения остальных яковлевских домов определить можно лишь приблизительно.

Из «Плана губернского города Перма составленного 1797 году»⁹, «Плана губернского города Перма»¹⁰, составленном в 1798–1800 гг., явствует, что часть квартала 39, обращенная к р. Каме занята «обывательским строением каменным», однако очертаний отдельных домов на них не показано. «Геометрический специальный план губернского города Перми...»¹¹ 1822 г. фиксирует четыре стоящих по красной линии ул. Набережной каменных здания, а за ними, в глубине квартала, вытянутые параллельно улице так же каменные надворные постройки. Другими словами, к этому времени все «яковлевские» дома уже были построены. План г. Перми 1842–1853 гг. из «Дела Департамента народного просвещения о постройке здания гимназии»¹² также содержит изображения отдельных каменных зданий в квартале 39. Особенно интересно то, что на этом плане в глубине квартала за «домом Попова» показано узкое и длинное каменное строение, явно хозяйственного назначения. Оно стоит примерно в том месте, где в 2009 г. был раскопан фундамент, к которому и примыкают мостики.

Так какую же функцию выполняли мостики?

Территория, занимаемая кварталом 39 исторического центра Перми, начала застраиваться в начале 30-х гг. XVIII в., еще в бытность города поселком Егошихинского медеплавильного завода. План 1738 г.¹³ фиксирует здесь прямоугольные кварталы, застроенные одноэтажными деревянными домами-шестистенками с приусадебными огородами. Сравнение плана 1738 г. с более поздними планами, перспективными рисунками и акварелью из альбома Шлаттера¹⁴ позволяет сделать вывод, что во второй и третьей четверти XVIII в. на месте будущих домов Попова и Стенбок протекали три ручья, на которых были устроены четыре небольших пруда; городская застройка сосредотачивалась возле них, не поднимаясь на водораздел, хотя уже приблизилась вплотную к нему.

Представить себе топографическую ситуацию в квартале 39 города Перми в начале XX в. (уже после постройки Пермь-Котласской железной дороги) позволяет «План станции Пермь I (составитель техник А. Калашников)» 1906 г.¹⁵ Чертеж выполнен в масштабе «0,01 саж. – 20 саж.», содержит подробную экспликацию. В левой (южной) части плана показаны под цифрами 1 и 2 «Дом управления [железной дорогой]» согласно экспликации розовые (каменные), стоящие по «Отведенной Соликамской ул.». Восточнее дома 2, между ним и эскарпированным спуском берега расположен деревянный «кадетский для фургона» размером 2,10 x 4,20 саж. Интересно, что он показан на месте открытого в раскопках фундамента. Весьма вероятно, что при его строительстве был использован более древний фундамент.

Восточнее каретного сарая, выше эскарпа на протяжении 23 саж. от ул. Соликамской отмечены «Владения бывш. Попова». С юга к ним примыкают на протяжении 23,70 саж. «Владения Продовольств. Отдел.» Из середины этих владений в направлении на север до природного эскарпа пролегает дренажная труба, обозначенная пунктиром. Через эскарп труба проходит наискосок по направлению на северо-восток до южного края дома 2, а затем под ним перпендикулярно длинной стене. Это немаловажная информация, позволяющая вкуче с другими источниками определить функцию кирпичных мостиков.

Наложение центральных кварталов и гидросети с планов Егосихинского поселка на план 1842—1853 гг. позволяет утверждать, что по территории квартала 39 с высокого коренного берега к Каме стекали пять ручьев, а в месте расположения каменного фундамента и мостиков как раз находился один из них. Именно на его месте на «Плане станции Пермь I» 1906 г. показана дренажная траншея, проложенная, как видно, по руслу ручья XVIII в. Сложная гидротехническая обстановка в квартале вынуждала владельцев участков (в данном случае — Яковлевых) создавать разветвленные дренажные системы, частью которых и являлись обнаруженные при раскопках 2002 г. мостики. Они были переброшены через водоотводную канаву, ведущую со двора дома в сторону ул. Соликамской.

Собственно говоря сложная ситуация с водоотведением была во всех пермских кварталах, расположенных на местности, имеющей покатый уклон к реке. Состояние города и кв. 39 на 1800 г. зафиксировано в «Хозяйственном описании Пермской губернии» Н. С. Попова: «Песчаная почва и покатое местоположение к р. Каме причиною, что улицы в городе почти во всякое время года сухи и чисты, к чему, однако ж, много споспешествуют устроенные по обеим сторонам планированных улиц и дерном обложенные **канальцы, из которых вода стекает в пространнейшие посреди нижних поперечных улиц вырытые с колодцами, дерном укрепленные и сверху крытые каналы, проведенные в Каму, и ежегодно поправляемые и вычищаемые, как и самая улицы**»¹⁶.

О том, что К. Ф. Модерах в 1804—1805 гг. кардинально решил проблему благоустройства и весенней распутицы в Перми свидетельствовали Ф. А. Прядильщиков¹⁷ и Д. Д. Смышляев¹⁸. Однако, сведения известных пермских краеведов не совсем точны. Они считали, что благоустроительные работы в Перми начала XIX в. завершились к 1805 г. Поверив этим свидетельствам, автор раскопок 2002 г. в своем отчете¹⁹, приурочив создание мостиков к кам-

пани по благоустройству Перми, так и датировал их. Однако обнаруженные новые документы, позволяют утверждать, что благоустройство города затянулось на более длительный срок.

«Предложение наместника Пермского и Вятского К. Ф. Модераха Пермской градской полиции о благоустройстве улиц Перми» от 21 апреля 1808 г., помещенное в приложении к настоящей Записке, свидетельствует о том, что грандиозная программа по приведению губернского города (с 1804 по 1811 г. даже столицы Пермского и Вятского наместничества) продолжалась, по крайней мере, до 1809-го, а, скорее всего, до 1810 г.

Особое внимание военный инженер К. Ф. Модерах уделял актуальным вопросам водоотведения:

«3). Канавы по отделанным улицам, содержать везде в исправности, загородить надолбами, где еще не поставлено.

4). Канавы по сторонам и посредине улиц, в течение прошлого года недоконченных, без всякого промедления отделать, поправить и все старые, содержать их так, чтобы вода везде беспрепятственно стекать могла...

10). Набережную улицу, начав от дому макшейдера, чисткою до анбаров купца Пономарева выправить, насыпав и выровняв ее хрущом, зделав скат к воде, берег же укрепив плитою, на подобие того, как зделано против дома господина корнета Яковлева, а потом и балюстрат поставить по прежнему в линию, и укрепить его по надлежащему, выкрасив краскою белою с черным и оранжевым.

11). Ряж против каменных анбаров отделать таким же образом, хотя деревом, со выездами, которые усыпать хрущом, дабы можно было спускать безостановочно до реки Камы и вывозить все нужное...

16). Обрушившейся за кузнецкими воротами мост обратить в трубу и, засыпав бока оной землю на фашиннике, поправить, и оба въезда, ограничив их каналами по сторонам, дабы те въезды не попортило с пригоркою водою...»

В заключение генерал-губернатор писал, особенно выделяя частного пристава первой части города Морозова, в ведении которого находился и квартал 39:

«20). С сего предписания дать в части копии с строгим подвержением частных офицеров, дабы все здесь написанное ими впредь выполняемо было без упустительно под выписанием строгого с них взыскания, а смотря по обстоятельствам; и отрешением от мест. Особо же подтвердить г. Морозову, чтобы он по своей части имел лучший присмотр, а не так как я ныне нашел, что весь берег Камы весь завален навозом, не смотря на частые мои подвержения, которые очистить на его счет; да и г. городничему

подтверждаю: иметь по городу лучший за всем надзор, ибо за каждую неисправность будет и он отвечать.

С подлинного подписал Карл Модерах»²⁰.

Данный документ подчеркивают особую роль К. Ф. Модераха в деле благоустройства Перми в кон. XVIII – нач. XIX в. В наследство от предшественников ему достался «План Губернскому Городу Перми. На подлинном написано собственною Ея Императорского Величества рукою: Быть по сему. Генваря 16 дня 1784 года в С. Петербурге»²¹. Другими словами, у него на руках были изрядно устаревший документ. За 13 лет, прошедших с учреждения наместничества, множество усадеб, стоявших еще в сетке улиц поселка Егошихинского завода, «у которых обывателей строения не придут в линию», были перенесены на новые места согласно высочайше утвержденной регулярной планировке города, построены новые казенные и общественные здания. Всех этих изменений план 1784 г. уже не отражал.

В легенде плана подробно описывалось, что и каким образом следует строить в Перми, однако же, имелся пункт, допускавший известную свободу, которым губернатор не преминул воспользоваться: «Если чего в натуре исполнить будет не можно и востребуется надобность сверх сего расположения, чтобы не править, предоставить в должности Генерал Губернатора, однако ж, не выходя из настоящего основания сего плана».

Город должен был развиваться, и первым крупным делом К. Ф. Модераха стало составление нового, выражаясь современным языком, генерального плана развития Перми. «План губернского города Перма, составленный 1797 году»²² стал отправным пунктом в его благоустроительной деятельности в губернском центре.

Не вдаваясь в подробности методов и сроков строительства, подробно описанных Д. Д. Смышляевым, отметим лишь финансовые источники строительства. Современники и мемуаристы подчеркивали, что К. Ф. Модерах, в отличие от своих предшественников и преемников, осуществлял строительство, не прибегая к чрезвычайным сборам с населения города: «Никто из граждан, при этом случае, не был отягчен поборами, все сделано средствами чисто экономическими»²³. В то же время он никогда не расходовал губернских средств на городское строительство, проходившее по другой статье расходов. Объекты благоустройства, находящиеся на территории усадеб частных лиц, должны были устраиваться за счет домовладельцев. Все общественные строительные работы в Перми осуществлялись за счет поземельного сбора, взимаемого с городских домовладельцев в зависимости от величины их усадебных

мест. Единственным исключением стал случай с прокладкой «пятиверстной дистанции» дороги, проходящей по городскому выгону, т. е. формально за пределами города²⁴.

Обнаруженные письменные, картографические и иконографические источники свидетельствуют о том, что раскрытые в раскопках 2002 и 2009 гг. сооружения принадлежали усадьбе наследников С. И. Яковлева и были построены в период 1800–1820 гг. По косвенным сведениям о благоустроительной кампании губернатора К. Ф. Модераха можно, с известной степенью уверенности, сузить датировку до 1808–1810 гг., поскольку ранее в документах упоминался только дом корнета А. Яковлева (ныне «Мешковский»). В пользу такой датировки, свидетельствуют и находки изразцов начала XIX в.

Несомненно, что гранитный фундамент слишком узкий для жилого здания устраивался для хозяйственного помещения, которое можно видеть на фото и акварелях с видами ул. Набережной XIX в. Мостики были переброшены через водоотводную канаву, ведущую со двора дома в сторону ул. Соликамской. После того как в 1890-х гг. в северной части квартала 39 были проложены железнодорожные пути и выстроены два здания Управления Уральской железной дороги, мостики, хотя и сохранились, оказались ниже уровня дневной поверхности и были засыпаны. Возможно, фундамент некоторое время использовался по первоначальному назначению – на нем был выстроен каретный сарай.

Обнаруженные при раскопках 2002 и 2009 гг. кирпичные мостики и фундамент из гранитных блоков являются древнейшими из сохранившихся каменных **сооружений** Перми. Музеефикация данных объектов позволит добавить еще один исторический объект (памятник градостроительства и архитектуры) в экскурсионные программы и прекрасно впишется в концепцию Музейного квартала. Хотя мостики находились в большой усадьбе заводчиков Яковлевых, и были построены их иждивением, но они, как и многие другие водоотводные сооружения Перми, возникли во времена осуществления планового благоустройства города, осуществляемого по инициативе К. Ф. Модераха. Поэтому их несколько неточное, образное название «мостики Модераха» вполне имеет право на существование.

¹ Корчагин П. А. Отчет об археологических исследованиях на городище Искор Чердынского района Пермской области в августе-сентябре 2001 г. и охранно-археологические исследования на месте прокладки дворового дренажа памятника истории и культуры «Управление Уральской железной дороги» (Административный корпус) по ул. Горького, 1 в квартале 39 исторического центра г. Перми в феврале–марте 2002 г. – Пермь, 2002.

ПЕРМСКИЙ ГОРОДСКОЙ ГОЛОВА: СТАТУС, ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ЛИЧНОСТЬ (конец XIX в. – январь 1917 г.)

Городовые положения 1870 и 1892 гг. сохраняли отдельные элементы дореформенной структуры городских органов в частности, институт городского головы. Городской голова одновременно являлся председателем городской думы (распорядительного органа) и городской управы (исполнительного органа). От его личностных и профессиональных качеств во многом зависело направление деятельности органов общественного самоуправления и результативность работы обеих ветвей власти. Фигура городского головы вместе с тем играла решающую роль и в складывании взаимоотношения общественного управления и административных структур. Учитывая потенциальную оппозиционность городских дум, правительство возложило на их руководителей всю ответственность за деятельность органов самоуправления.

На должность городского головы думой, по закону, мог избираться не только гласный, но и другое лицо, имеющие право голоса на выборах. Лицо, избранное на должность городского головы, утверждалось в губернских городах – министром внутренних дел, в остальных – губернатором. Законом определялся срок службы городского головы (4 года).

Сфера компетенции городского головы была довольно широкой. Он мог по своему усмотрению назначать заседания городской думы, отдавать распоряжения о созыве, уведомляя губернатора о времени заседаний и их программах. В основном дела в думе решались простым большинством голосов, при равенстве их голос председателя являлся решающим. Кроме того, городской голова имел право принимать единоличные решения по отдельным вопросам, а в чрезвычайных условиях – даже по тем вопросам, которые подлежали коллегиальному обсуждению городской управы. Городской голова мог лишиться гласного слова, запретить обсуждение внесённого предложения, не допустить присутствия (или удалить) посторонних, закрыть собрание и т.д. Злоупотребление головы своими «диктаторскими» правами могло привести к обострению обстановки в думе. Поэтому на таком посту крайне важен был человек, умевший находить разумный баланс в интересах общественного управления. Все связи городского общественного управления с губернским начальством осу-

² Корчагин П. А. «Губернаторский мостик»: Охранно-археологические исследования в квартале 39 исторического центра г. Перми // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Омск, 2003. – С. 203-205.

³ Дерягина О. В. В Перми найден древний мост // Пятница. – 2002. – 15 февр. № 6(79) – С. 1-2; Наймушин В. Мостик Карла Модераха // Пермский обозреватель. – 2002. – 18 февр. № 5(65). – С. 19.

⁴ ПОКМ. 4486/15.

⁵ ПГХГ. КП-23911.

⁶ Список владельцев недвижимых имуществ г. Перми. С приложением сборника обязательных постановлений Пермской Городской Думы для жителей Перми / Издание Пермского губернского Статистического Комитета. – Пермь: Типография губернского правления, 1898. – С. 4-5, 12.

⁷ ГАПК. Ф. 72. Оп. 1. Д. 377. Л. 9-9об.

⁸ Дмитриев А. А. Очерки из истории губернского города Перми с основания поселения до 1845 г. – Пермь, 1889. – С. 222.

⁹ Шквариков В. А. История русского градостроительства XVIII в. и начала XIX вв. – М., 1953. Рис. 101. В книге ошибочно подписан «План города Вятки».

¹⁰ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 22345.

¹¹ ГАПК. Ф. 716. Оп. 3. Д. 5.

¹² РГИА. Ф. 733. Оп. 96. Д. 54.

¹³ РГАДА. Ф. 248. Д. 347.

¹⁴ ГАСО. Ф. 55. Оп. 7. Д. 990 (два документа под одинаковым номером); Описание с чертежами горным заводам и рудникам в России, собранные Тайным Советником Шлаттером Президентом Берг-Коллегии («прешпект» из Альбома Шлаттера опубликован в: Каменский В. А. Художники крепостного Урала. – Свердловск, 1957. – С. 29).

¹⁵ ГАПК. Ф. 716. Оп. 3. Д. 26.

¹⁶ Попов Н. С. Хозяйственное описание Пермской губернии сообразно начертанию Санктпетербургского Вольного Экономического Общества, сочиненное в 1802 и 1803 году в г. Перми. – Ч. 2. – Пермь, 1804. – С. 234-236.

¹⁷ Прядильщиков Ф. А. Летопись губернского города Перми (1781–1844 гг.) – Пермь, 1883. – С. 11.

¹⁸ Смышляев Д. Д. Источники и пособия для изучения Пермского края. – Пермь, 1876. – С. 83.

¹⁹ Корчагин П. А. Отчет об археологических исследованиях на городище Искор Чердынского района Пермской области в августе-сентябре 2001 г. и охранно-археологические исследования на месте прокладки дворового дренажа памятника истории и культуры «Управление Уральской железной дороги» (Административный корпус) по ул. Горького, 1 в квартале 39 исторического центра г. Перми в феврале – марте 2002 г. – Пермь, 2002.

²⁰ ГАПК. Ф. 280. Оп. 1. Д. 197. Л. 47-49.

²¹ РГИА. Ф. 1488. Оп. 3. Д. 239.

²² Опубликован в: Шквариков В. А. История русского градостроительства XVIII в. и начала XIX вв. – М., 1953. – Рис. 101.

²³ Прядильщиков Ф. А. Летопись губернского города Перми (1781–1844 гг.) – Пермь, 1883. – С. 11.

²⁴ Смышляев Д. Д. Сборник статей о Пермской губернии. – Пермь, 1891. – С. 262-263.

ществлялись через посредство городского головы¹. По большим церковным праздникам городской голова организовывал взаимные поздравления граждан (например, в первый день после Пасхи). Для этого рассылались специальные приглашения.

Городовое положение 1892 г. значительно уменьшило самостоятельность органов городского общественного управления, усилив их зависимость от административных властей. Отныне официально городские головы считались людьми, «состоящими на государственной службе». Кроме того, в определённых случаях губернатор имел право назначения городских голов. Сфера компетенции городского головы в целом не претерпела серьёзных изменений, ужесточился лишь контроль над ней².

Должность городского головы в Перми в 70-80-х гг. XIX в. обычно замещалась представителями купечества. Только последний городской голова Перми А. Е. Ширяев был инженером. Как говорилось выше, от профессиональных и личных качеств городского головы зависела во многом эффективность работы всего городского самоуправления. Важное значение, в частности, имел уровень образования городских голов. Обычно городские головы имели среднее образование, реже – домашнее. В Перми, при наличии гласных, обладающих высоким образовательным цензом, городскими головами были лица, закончившие уездные училища.

Средний возраст городских голов Перми составлял примерно 46-47 лет. Анализ их имущественного положения свидетельствует о том, что чаще всего это были наиболее состоятельные граждане. Кроме того, городские головы получали содержание за свою деятельность (П. А. Рябинин – 5000 р. в год)³.

Наиболее дальновидные городские головы внимательно относились к развитию образования и науки. При И. И. Суслине и П. А. Рябинине в Перми открывались новые училища, субсидировались гимназии, научно-промышленные выставки⁴.

Большинство пермских городских голов исповедовали православную веру. При вступлении в должность городской голова должен был принести, согласно своей вере, присягу о добросовестном выполнении принимаемых на себя обязательств. Строительство и материальная поддержка храмов и церквей со стороны городских голов свидетельствует о их религиозности.

Для городских голов Перми были характерны активное участие в общественной жизни, широкая благотворительность. А. В. Синакевич (голова Перми с 1893 по 1898 гг.) состоял председателем в Пермском дамском попечительстве о детях бедных и в комиссии по разбору и призрению нищих, а также членом Комите-

та Общества попечения о лицах, освобождённых из мест заключения⁵. Иногда городские головы не жалели даже собственных средств для решения насущных городских проблем⁶.

По формулярным спискам можно видеть, что городскими головами становились люди, которые уже имели опыт работы в органах городского самоуправления. Например, потомственный почётный гражданин И. И. Суслин являлся гласным с 1879 г., а статский советник А. В. Синакевич был гласным Пермской городской думы с 1883 г.⁷ В истории городского самоуправления Перми часто встречаются случаи повторного избрания на должность городского головы. Большинство городских голов имели многочисленные знаки отличия, полученные за активную деятельность и особые заслуги.

В целом портрет городского головы соответствовал менталитету и имущественному положению той сословно-социальной группы, к которой принадлежал городской голова, интересы и традиции которой являлись для него первоначально важными.

Пост городского головы с одной стороны представлял большие возможности, а с другой стороны налагал большую ответственность. Далеко не всегда достойные кандидаты стремились занять этот пост, особенно в городах, отягощённых бюджетным дефицитом. Случаи отказа городских голов от должности по состоянию здоровья были не так уж редки, обычно по собственному желанию уходили главы городских самоуправлений, прослужившие обществу не один срок.

П. А. Рябинин – последний дореволюционный городской голова Перми – занимал свой пост 11 лет подряд: с 1905 по 1916 гг. Это абсолютный рекорд для губернского центра, где сменяемость городских голов в предыдущий период была выше, чем в уездных городах. Дольше занимал главный в городском самоуправлении пост лишь Иван Филиппович Любимов – 18 лет, но не подряд, а в течение 30 лет (до городской реформы) (1835–1838 гг., 1844–1853 гг., 1859–1865 гг.)⁸.

Некоторые главы городского самоуправления Перми оставили заметный след в его истории. Например, И. Н. Суслин, занимавший пост городского головы Перми в 1891–1893 и в 1898–1905 гг.

Потомственный почётный гражданин, купец 1-й гильдии Иван Николаевич Суслин был одним из немногих пермских купцов, дважды занимавших пост городского головы. Родом из купеческой семьи, он получил образование, окончив полный курс Котельнического уездного училища. Основным занятием И. Н. Суслина было заведение торговым домом братьев Суслиных, где он являлся главным распорядителем. Иван и Николай Суслины содержали девять харчевен, ренсковых погребов, трактирных заведений, винных лавок в

Перми и округе. В 1889 г. на берегу Камы они построили спиртоочистительный завод, впоследствии перешедший в собственность казны (ныне на этом месте стоит предприятие «Пермалко»).

Иван Николаевич Суслин, именем которого названо училище, был удивительным человеком, посвятившим всю свою жизнь благу города. С 1879 г. он являлся бессменным гласным Городской думы; по его инициативе было осуществлено устройство водопровода и городского освещения.

Его деятельность была отмечена тремя золотыми медалями. Он состоял попечителем многих детских приютов, IV-го городского училища, Алексеевского реального училища и Мариинской женской гимназии; был членом учётного комитета Пермского общественного Марьинского банка и Пермского отделения Государственного банка; за оказанные пожертвования Обществу Красного Креста Суслин получил «Знак Красного Креста». С 1889 г. Иван Николаевич стал директором комитета Пермского губернского попечительства о тюрьмах и состоял членом комиссии по разбору и признанию нищих, членом общества велосипедистов...

28 июля 1909 г. Иван Николаевич Суслин скончался. Городу он завещал капитал в 3 тыс. руб., проценты с которого должны были поступать в нищенский комитет для выдачи средств бедным города Перми. Часть капитала пошла на строительство училища его имени. В настоящее время в бывшем здании Суслинского училища находится специализированная английская школа №7.

Сменивший Суслина пермский купец 2-й гильдии Рябинин Павел Александрович был сыном фельдшера, получил образование, окончив пермское уездное училище. Занимался торговлей различными товарами. В собственном доме, расположенном на Торговой улице, 47, имел магазин по продаже аптекарских, москательных и парфюмерных товаров.

Рябинин отличался энергичностью и организаторскими способностями, поэтому в 30 лет был избран гласным городской думы, занимал различные должности в городской управе, проявлял активность в ведении любых дел. В истории Перми Рябинин известен тем, что с 1905 года до революции был городским головой, единственным, занимавшим сей пост столь длительное время, да к тому же самое беспокойное.

Павел Александрович был попечителем многих учебных заведений города, жертвуя различные суммы денег на их нужды. За усердие и благотворительную помощь губернскому детскому приюту Рябинин был награждён орденом св. Станислава 2-й степени. В традициях того времени он также жертвовал деньги на нужды церкви, много лет состоял старостой Кирилло-Мефоди-

евской церкви при духовном училище. В годы русско-японской войны 1904-1905 гг. активно помогал средствами обществу Красного Креста, за что был награждён серебряной медалью⁹.

Рябинин был владельцем двухэтажного полукаменного дома, построенного в 1900 г. Одна торговая фирма Рябинина – аптекарских и парфюмерных товаров – размещалась в этом доме, другая – москательных товаров – находилась в доме Рязанцева на Сибирской улице, 8.

Не случайно П.А.Рябинин был избран городским головой и находился на этом посту такой большой срок – с 1905 по 1916 год: его живо волновали вопросы развития города; он был попечителем Ольгинского VI городского женского начального училища, членом совета торговой школы, вольного пожарного общества, комиссии по разбору и признанию нищих, почётным членом научно-промышленного музея, не раз избирался гласным Городской думы¹⁰.

В пермской думе созыва 1909–1912 гг. Рябинин был вновь вне конкуренции. Баллотироваться на пост городского головы предлагали А. П. Гаврилову, М. М. Гладышеву, З. М. Благоднравову, М. И. Наговицыну, но они дружно отказались. 11 января 1909 г. Рябинин стал городским головой с 35 голосами против 10. Ещё до выборов городского головы дума решила увеличить оклад городского головы с 5 до 6 тыс. руб. П. А. Рябинин отказался от этой прибавки, говоря, что не может получать больше жалования при дефицитном бюджете и для него главное – преданность делу. Это выступление было встречено бурными аплодисментами¹¹.

6 января 1913 г. в Перми прошли выборы городского головы на предстоящее четырёхлетие. Им вновь стал П. А.Рябинин со следующими результатами голосования: 41 – «за», 8 – «против». Кроме Рябинина были предложены кандидатуры А. П. Гаврилова, Н. А. Вармунда и Е. Д. Калугина, но они отказались от баллотировки¹². П. А. Рябинин продолжал оставаться таким же бескорыстным человеком. За командировку на юбилей Романовых он оплачивал сам¹³. 28 января Рябинина избрали в почётные члены попечительства о бедных за пожертвование – 1063 р. 24 к.¹⁴

У губернаторов Рябинин был в целом на хорошем счету, хотя отношения с А. В. Болотовым едва не были испорчены упорным нежеланием городской думы перестроить городской театр (из-за нехватки средств). Вопрос решался почти три года. Не поощрял А. В. Болотов и попыток завязывания связей между думами Пермской губернии и самоуправлениями других регионов, а также с общественными организациями (например, с Санкт-Петербургской Лигой образования, возникшей в 1907 г.).

8-9 августа 1914 г. в здании Государственной думы в Москве состоялся съезд городских голов по вопросу организации помощи призванным на войну. Инициатором съезда был исполняющий обязанности московского городского головы Брянский. На участие в съезде от губернии был уполномочен Г. В. Юрьевский как заместитель Рябинина, который решил не покидать Пермь в сложных условиях воюющей страны¹⁵. Г. В. Юрьевский сделал на съезде заявление о пермском пожертвовании в фонд только что созданного Всероссийского союза городов (20 тыс. руб.) В середине сентября состоялся ещё один съезд городских голов – 11-го – в Петербурге, 14-го – продолжился в Москве. П. А. Рябинин, получивший приглашение, не поехал, занятый городскими делами¹⁶.

В 1916 г. он ушёл с поста городского головы после 11 лет работы в этой должности и стал рядовым гласным. Стало подводить здоровье, и дала себя знать усталость. Обязанности Рябинина до выборов в думу созыва 1917–1920 гг. исполнял Г. В. Юрьевский, тоже имевший большой опыт работы в городском хозяйстве. Но он был деятелем старой формации. Баллотироваться в городское самоуправление ещё раз он не стал.

5 февраля 1917 г. прошли последние выборы в истории дореволюционной городской думы в Перми, на которых был избран М. В. Кукаретин. Он был известным в Прикамье общественным деятелем, председателем мобилизационной комиссии и местного управления Красного Креста¹⁷, в последние предреволюционные месяцы редактировал «Пермские ведомости». В августе 1916 г. Кукаретин выполнял почётную миссию вместе с епископом Андроником и депутатом Государственной Думы А. В. Перовщиковым, а также П. А. Рябининым. В действующую армию для 101-го пермского полка были доставлены стяг-знамя, почётный адрес и подарки: духовная литература, иконы, крестики, мыло, табак, папиросы, бумага, карандаши, сухари, белье и т. д. Подарки собирала вся Пермь по призыву Андроника¹⁸. Знамя полку вручили в день Нерукотворного Спаса. Пермскую депутацию в Ставке принимал Николай II в присутствии наследника.

М. В. Кукаретину не довелось стать в полной мере городским головой. После свержения российской монархии, в марте 1917 г. в Перми были объявлены выборы новой думы на основе всеобщего избирательного права. На пост главы города был избран А. Е. Ширяев.

Подводя итоги вышесказанному, необходимо отметить, что личность городского головы могла оказывать решающее влияние на ход дел городского самоуправления. Однако, городская дума

являлась коллективным органом, и выбор приоритетов, эффективность её работы зависели от ряда факторов. В том числе от профессионализма членов управы; от инициативности заместителей городского головы (они именовались «заступающие место городского головы»); от наличия в думе влиятельных, преданных делу общественного управления гласных; от того, что представлял собой корпус гласных в целом. В Перми в изучаемый период деятельность городских властей являлась достаточно успешной.

¹ Полное собрание законов Российской империи. – СПб., 1874. – Т. XIV. – С. 829-831.

² Свод законов Российской империи. – СПб., 1892. – Т. 2. – С. 3, 27-29.

³ Екатеринбургская неделя. – 1889. – 10 дек. – С. 794; 1879. 12 дек. – С. 290-291.

ГАПК. Ф. 65. Оп. 2. Д. 47. Л. 3-Зоб.

Там же. Д. 50. Л. 17-18.

⁴ Екатеринбургская неделя. – 1894. – № 18. – С. 284-288.

⁵ Альбом городских голов. – СПб., 1903. – С. 142, 210.

⁶ *Верхоланцев В. С.* Город Пермь, его прошлое и настоящее. – Пермь, 1994. – С. 207-208.

⁷ ГАПК. Ф. 65. Оп. 2. Д. 65. Л. 13-17.

Там же. Ф. 35. Оп. 1. Д. 50. Л. 263-267 об.

Там же. Д. 144. Л. 272-288.

⁸ Пермь от основания до наших дней: ист. очерки. – Пермь: Кн. мир, 2000. – С. 68.

⁹ *Баяндина Н. П.* Пермь купеческая. – Пермь, 1997. – С. 117.

¹⁰ *Спешилова Е. А.* Старая Пермь: Дома. Улицы. Люди. – Пермь, 1000. – С. 110-111.

¹¹ Журнал заседаний Пермской городской думы за 1909 г. – Пермь, 1910. – С. 5-6.

¹² ГАПК. Ф. 512. Оп. 1. Д. 445. Л. 7.

¹³ Там же. Л. 19об.

¹⁴ Там же. Л. 26.

¹⁵ Журнал заседаний Пермской городской думы за 1914 г. – С. 382.

¹⁶ Там же. – С. 421.

¹⁷ ПГВ. – 1917. – 7 февр. (№ 30). – С. 3.

¹⁸ Адрес-календарь и памятная книжка Пермской губернии на 1917 год. – Пермь, 1916. – Хроника: С. 5.

О ПРОЕКТЕ ПАМЯТНИКА ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ II ДЛЯ ГОРОДА ПЕРМИ

В феврале 1908 г. в связи с подготовкой к празднованию годовщины уничтожения крепостничества (на 1911 год приходилось пятидесятилетие отмены крепостного права) в Пермскую городскую думу поступило предложение от А. Г. Лебедева ¹ об установке в губернской столице памятника Царю-освободителю.

«Такое выдающееся своей мощью благо народное, – писал он, – нельзя пропускать, очевидно, не увековечив его каким-либо видом и каждому видимым вещественным памятником. В большинстве случаев выходящие из ряда обыкновенных события знаменуются устройством церквей, часовен, училищ, приютов, богаделен и иных богоугодных и благотворительных заведений, а также учреждением всевозможных стипендий и т. д., но все это, несмотря на безусловную полезность, не слывет, по моему мнению, наглядным для всех и каждого вещественным памятником этого или иного события. Итак, способы празднования и увековечения разных незаурядных событий весьма разнообразны... желательнее было бы устройство первого в Перми Памятника-Монумента почившему Царю-Освободителю Александру II с мощной и величественной фигурой Его во главе, которая всем своим существом внушала всем и каждому свои всеобъемлющие права и милость русского народа, а также с размещением в надлежащих местах и видах главнейших сотрудников по введению этой драгоценной реформы и с рельефным начертанием далее приведенных многозначительных слов «Осени себя крестным знамением, русский народ» и т. д. и проч. выдающиеся изречения Высочайшего Манифеста 19 февраля 1861 г. и вообще всего такого, которое с полной ясностью давало бы уму и сердцу каждого взирающего на памятник непреложное и должное памятование о событиях введения величайшей из великих реформ освобождения многомиллионного русского народа от веками тяготившего на нем крепостного рабства. Памятник прилично было бы соорудить из чугунных и гранитных частей, близость месторождения которых и местное производство выделки дает полную возможность оборудовать это дело быстро и недорого, увенчать его декоративными растениями и обнести чугунною резною оградкою. Высказав таким образом о претворении, я не буду вдаваться в подробности форм и размеров памятника и разбирать и других возможных материалов для него, так как для этого,

по моему мнению, должна быть образована особая комиссия, которая и занялась бы выработкой всех последующих идей, а затем, конечно, должен быть объявлен конкурс на представление проектов памятника, который по своим сюжетам должен получиться прямо-таки чудным, наконец, можно предложить хотя не высокую премию за лучший из них. ... Мест для постановки памятника в г. Перми очень много. Выбор будет зависеть от комиссии, мне же казалась более подходящим местом площадка перед театром, место центральное и многовидное. Постановка здесь памятника придавала бы местности чрезвычайно красивый вид; можно поставить его на берегу в загон, можно на площадке перед собором, наконец, можно на площадке перед Воскресенской церковью».

Согласно резолюции Пермской городской думы от 15 мая 1908 г. при Пермской городской управе был образован «Комитет для обсуждения и разработки вопроса о сооружении в Перми памятника в честь Царя-Освободителя Императора Александра II и в ознаменование уничтожения крепостного права 19 февраля 1861 года». Открытым голосованием было принято, что в состав комитета войдут члены городской управы: П. А. Рябинин ², Г. В. Юрьевский ³, В. П. Петров ⁴, А. Д. Степанов ⁵. Помимо них к работе комитета было решено привлечь Е. П. Пермякова ⁶, Н. И. Михайлова ⁷, А. П. Бабалова ⁸, Я. И. Альфионова (Алфионова) ⁹, Н. И. Попова ¹⁰, А. Г. Лебедева. 20 сентября 1908 г. губернское правление уведомляло городскую управу, что в комитет для разработки вопроса о сооружении в Перми памятника «в Бозе почившего монарха» делегирован Н. А. Иванов ¹¹. 27 сентября того же года Духовная консистория сообщала, что представителем от духовенства назначен протоиерей Иоанн Пьянков ¹². 8 октября 1908 г. на очередном заседании уездного земского собрания членами комитета были избраны: А. М. Кирпищиков ¹³, М. Е. Таранжин (Тараньжин) ¹⁴ и А. М. Губин ¹⁵ (в октябре 1909 г. в связи с выбыванием последних двух из состава земских гласных их места заняли А. И. Онуфрович ¹⁶ и М. М. Гладышев). Губернское земство выдвинуло кандидатуру губернского гласного М. М. Гладышева ¹⁷. Кроме того, было предложено на усмотрение комитета пригласить с правом совместного голоса управляющих местными отделениями банков: Крестьянского поземельного – Лоцилова Василия Александровича, Государственного – Медведкова Федора Ивановича (к 1910 г. управляющим Пермским отделением Государственного банка стал статский советник Доппельмайер Анатолий Гаврилович), Сибирского торгового – Хлусевича Станислава Осиповича, Русского для внешней торговли – Ли-

бермана Клемент Наумовича, «Марьинского» общественного – Тупицына Александра Евграфовича, Волжско-Камского коммерческого – Прейсфрейнда Александра Ивановича, а также председателя правления Пермского общества взаимного кредита Ремянникова Павла Семеновича. Таким образом, в состав комиссии кроме работников банковской сферы входили обладающие опытом общественной работы и навыками управления финансовыми средствами состоятельные граждане (преобладали купцы), так как участвовать в выборах в органы местного (преимущественно городского) самоуправления (представителями которых являлись вышеперечисленные люди) могли только лица, прошедшие имущественный ценз. Художественная интеллигенция не привлекалась. Отчасти к ней можно причислить лишь инженера-механика М. М. Гладышева (т. к. в систему подготовки технических кадров входил художественно-графический компонент), который к тому же увлекался фотографией.

Высокая социально-культурная ценность памятника была определена комитетом изначально. Из заключения городской управы от 2 апреля 1908 г.: «... так как проектируемый памятник должен иметь не только местное значение для нашего города, но краевое (курсив наш. – Ч. Е.), то возможно привлечь к участию в его сооружении и частных лиц открытием для сего подписки...»

Одним из первых вопросов, вставших перед комитетом, был выбор места для будущего памятника. На заседании от 22 января 1909 г. постановили соорудить памятник-монумент на площади около Кафедрального собора по Кунгурскому проулку. Вот одно из мнений по этому поводу: «... желал бы, чтобы исполнение соответствовало бы цели и памятник был бы поставлен на видном и высоком месте, например, у Собора, и я бы затруднился указать другое более подходящее место, так как, к сожалению, город Пермь площадями не изобилует, а постройка памятника на перекрестке улиц стеснила бы только движение и вовсе не способствовала бы украшению города».

Однако со временем зазвучали доводы в пользу и других мест. Так, на заседании комитета 17 июня 1912 г. было принято следующее решение: «Под памятник признано подходящим и желательным занять место у гостиного двора на углу Сибирской и Петропавловской улиц».

Из доклада городского землемера И. Ткаля от 1 февраля 1914 г.: «Во исполнение поручения Управы имею честь представить составленный мною план гостиного двора, [а] также сада с проек-

тами места для постройки памятника Императору Александру II: 1 – в саду и 2 – против гостиного двора и дополнить, что по топографическому положению первое место имеет следующие преимущества: памятник в саду, будучи обращен на юг, по направлению к Александровской мужской гимназии, в продолжение всего дня, с восхода до заката солнца, будет иметь лучшее освещение, и фасадная сторона его будет более видна с главной Сибирской улицы. Кроме того, положение памятника в саду более удобно для охранения от пыли, причем ввиду могущих быть устроенными вокруг памятника дорожек, цветников и садовых клумб особой ограды в саду может и не наблюдаться».

Итак, основным критерием выбора места было его высокое (географически и социально) положение. При этом проявлялась индифферентность в отношении сооружения памятника на фоне светского или культового здания.

Основополагающее влияние на признание «более пригодным для Перми» какого-либо из вариантов памятника оказывал экономический фактор. Известно, что к 5 декабря 1910 г. общая сумма пожертвований составляла 12199 руб. 46 коп. Капитал на сооружение памятника к 17 июня 1912 г. исчислялся суммой в 14625 руб. 73 коп. Для удешевления «дела» было желательно воспользоваться уже готовой моделью, поэтому параллельно со сбором средств комитетом была проведена работа по выяснению расценок работ авторов и исполнителей соответствующих памятников, уже установленных на территории России.

Сметная комиссия губернского собрания сделала следующее заявление в комитет по сооружению в городе Перми памятника покойному государю:

«1) На постройку монумента, который достойным образом мог бы увековечить знаменательный день 19 Февраля, [чему], в частности, и служит памятник Царю-Освободителю, потребуется огромная сумма, которую нельзя собрать в пределах Пермской губернии. 2) Памятником дня 19 Февраля уже служит храм Воскресения в г. Перми. 3) Наиболее достойным памятником Царю-Освободителю являлось бы какое-либо просветительное учреждение, ставящее целью обслуживание культурных нужд той народной массы, которая призвана к гражданской жизни великим историческим актом 19 февраля 1861 года. Таким учреждением, по мнению сметной комиссии, мог бы быть народный дом имени Императора Александра II. Как известно, в распоряжении Пермского городского общества имеется капитал в 32000 руб., образованный по случаю столетия со дня рождения Пушкина и предназначенный на пост-

ройку народного дома имени А. С. Пушкина. Капитал этот, конечно, совершенно недостаточен для постройки народного дома, прилив же дальнейших пожертвований на этот предмет совершенно прекратился. Если бы лица, принявшие участие в составлении вышеозначенного капитала, и Комитет по сбору пожертвований на памятник Императору Александру II изъявили согласие на постройку в г. Перми в память 19 Февраля 1861 года народного дома имени императора Александра II с залой при нем или библиотекой имени А. С. Пушкина, то губернское земство могло бы, по мнению сметной комиссии, ассигновать на сооружение дома 5000 руб., при условии отвода городом бесплатного участка земли для означенной цели». Однако Павел Александрович Рябинин «затруднился принять предложение Земства о передаче капитала, так как пожертвования собирались с определенным назначением и видоизменение его потребовало бы согласования всех жертвователей. К сему Городской Голова добавил, что, как выяснилось из объяснений его с г. Управляющим губернией, передача сумм, собранных на памятник-монумент, не может быть допущена, как имеющих специальное назначение».

Несмотря на нерешенность финансовых вопросов, члены комитета вступали в переговоры со скульпторами, т. е. вариант создания модели памятника специально для города Перми не исключался. 12 ноября 1911 г. было отправлено письмо к скульптору С. М. Волнухину, преподавателю Московского училища живописи, ваяния и зодчества, с просьбой «сообщить эскизный набросок» памятника и подтвердить возможность выполнения статуи из бронзы без постамента за 10000 рублей. В ответ С. М. Волнухин написал:

«Исполнение фигуры Императора из бронзы и бронзовых украшений на пьедестале, которые состоят из царских регалий и герба города Перми, я могу взять на себя за 12000 рублей без перевозки на место, и леса для постановки на пьедестал за Ваш счет. Размеры памятника: высота памятника от основания цоколя до темя(?) головы Императора 9 аршин, фигура Императора 3 арш., высота пьедестала с плитой 4 арш., высота насыпи с цоколем 2 арш.».

К июню 1912 г. размер оплаты своей работы – за фигуру императора высотой в 4 аршина «в порфире и [с] Манифестом в правой руке» (авторскую копию с памятника, поставленного в Нижнем Новгороде) с лепкой модели, отливкой из бронзы, доставкой и постановкой на готовый постамент – 12850 руб., озвучил «классный художник», скульптор из Санкт-Петербурга Александр Васильевич Курпатов.

В то же время наблюдалась активность и со стороны самих ваятелей. Например, в деле есть письмо скульптора-преподавателя Боголюбского рисовального училища в Самаре коллежского советника Николая Петровича Волконского, который заинтересовался установкой памятника (по его версии Александру III) и просил выслать ему «сведения по этому делу».

Художественная сторона скульптурной части памятника членами комитета не обсуждалась, что было связано, прежде всего, с регламентацией этого процесса государством. Постановлением Министерства внутренних дел от 10 февраля 1883 г. предписывалось, чтобы «...все поступающие проекты на устройство монументов, церквей или часовен в память мученической кончины в Бозе почившего Государя Императора Александра II доставлялись в Министерство Внутренних Дел для рассмотрения и предоставления на утверждение». Эта процедура осуществлялась «...в видах единообразия и соответствия архитектурного достоинства подобных памятников их назначению...». Однако в разосланном по губерниям в 1911 г. распоряжении констатировалось:

«Независимо от сего, за последнее время поступавшие в Техническо-строительный Комитет проекты монументов указанного выше назначения, составленные иногда крайне слабо в архитектурном отношении, перерабатывались в Комитете, в пределах их первоначального предположения. Но лица, соорудившие монумент, возбуждали иногда ходатайства об утверждении первоначального неудовлетворительного проекта на том основании, что все отдельные части памятника уже изготовлены. Находя такое положение дела совершенно неправильным, Министерство Внутренних Дел доводит до общего сведения, что вышеуказанные ходатайства впредь не будут удовлетворены, причем открытия памятников, не соответствующих утвержденным чертежам, не будут разрешаться. Сами же монументы могут быть возводимы из соответствующих их назначению материалов, т.е. из тесового камня или металла, но ни в коем случае из дерева и не из кирпича, хотя бы и отштукатуренного». Земским начальникам, полицмейстерам и уездным исправникам вменялось в обязанность «иметь неослабный надзор по городам и уездам» за выполнением этих предписаний. «Кроме того, проекты подобных сооружений согласно циркуляру Техническо-строительного Комитета Министерства Внутренних Дел от 31-го января – 9-го февраля 1909 года за № 155 должны представляться в трех экземплярах: из них один предназначается для Техническо-строительного Комитета, другой – для Строительного Отделения Губернского Правления и третий – для возвращения по принадлежности».

Отсутствие высказываний о художественных качествах различных вариантов статуи для проектируемого памятника, скорее всего, было связано и с нехваткой в местном комитете соответствующих специалистов.

Незначительным было и количество рекомендаций с оценкой художественных свойств памятников от «сторонних лиц». Зафиксирована, например, такая: «Одной из лучших моделей может служить памятник Царю-Освободителю в Самаре». Горный инженер Александр Николаевич Кузнецов¹⁸ (участие которого в этом процессе началось в конце 1911 г.) призывал воздержаться от широко растиражированных образцов: «Что же касается до самой фигуры Императора, то полагаю, что г. Пермь не будет в 3-й раз повторять ту же модель ак. Попова, которая уже поставлена на Урале: и в г. Златоусте, и в г. Екатеринбурге». Известно, что он был почетным строителем памятника императору Александру III в Кушвинском заводе. Но опыт подобной деятельности имели лишь единицы из «общественности».

Заметим, что памятник «эволюционировал» от бюста до фигуры в полный рост. Так, 13 сентября 1910 г. городской голова обратился в контору Каслинского чугунолитейного завода с вопросом о возможности приобретения или осуществлении заказа на изготовление бюста-монумента императора Александра II в натуральную величину. Из последовавшего ответа управляющего Кыштымскими горными заводами явствовало, что «...бюста Императора Александра II в наличности в настоящее время нет, но [он] может быть приготовлен в течение 20 дней со дня поступления заказа на завод. Стоимость его... 30 руб. без укупорки. ... Одновременно считаем необходимым поставить в известность, что имеющаяся модель бюста несколько менее натуральной величины». Но уже в письме председателя комитета от 30 ноября 1911 г. излагалось: «...памятник будет представлять собою бронзовую фигуру Императора во весь рост, величиною не менее 4-х аршин, на мраморном пьедестале соответственных размеров». В дальнейшем менялась высота скульптуры, так, по данным на 22 июня 1912 г., фигура императора во весь рост должна была составлять 2 аршина 14 вершков, а в январе 1914 г. — 5 аршин.

Потенциальных изготовителей изваяния Августейшей особы было несколько. С 10 декабря 1911 г. П. А. Рябинин начал переписку с фабрикой господина К. Берда (Берта). Городским головой особо оговаривалось, что для города Перми статуя императора желательна высотой 3^{1/2} — 4 аршина. Она будет установлена на мраморный или из уральских камней пьедестал. «Если бы

Вы пожелали изготовить статую, то благоволите выслать снимки и сообщить, к какому времени она могла бы быть приготовлена и за какую цену с пересылкой и постановкой на место». В повторном письме от 26 января 1912 г. Павел Александрович спрашивал: «...можете ли изготовить бронзовую фигуру Императора высотой до 4-х аршин по Вашей модели памятника, поставленного в Петрозаводске...»

Главным же претендентом на отливку статуи стал завод Эдуарда Эдуардовича Новицкого (г. Санкт-Петербург), который специализировался на изготовлении памятников, бюстов, поминальных досок, бронзовых рельефных портретов, статуэток и т. д., связанных с юбилейными торжествами: освобождения крестьян от крепостной зависимости, Отечественной войны и 300-летия царствования дома Романовых. Предпочтение было отдано модели памятника работы знаменитого скульптора академика А. М. Опекушина. Стоимость такой статуи (копии московского памятника в Кремле), отлитой из бронзы, составляла 10500 руб.

«Ввиду сооружения в Перми памятника Царю-Освободителю по проекту академика А. М. Опекушина» свои услуги предложила Санкт-Петербургская «Художественная бронзо-литейная и гальваническая фабрика А. Моран-преемник».

Инициативу проявили и сотрудники «Художественного металлургического завода и фабрики сплавов В. В. Татарина» в Санкт-Петербурге, готовые сделать дешево и быстро железный сварной пьедестал и верхнюю часть памятника из бронзы или других металлов.

Надо отметить, что в комитете планировалась дискуссия по поводу выбора фирмы-изготовителя. В целях экономии средств предполагалось раздельное изготовление постаментов и статуи. Изначально задумывалось, что пьедестал будет из уральского мрамора, хотя приемлемым считалось и изготовление его из других «подходящих для сего» горных пород Урала.

30 ноября 1911 г. городской голова обратился к заведующему камнерезной учебной мастерской в Мраморском заводе (Екатеринбургский уезд Пермской губернии) с предложением «принять изготовление и постановку в Перми пьедестала для памятника императору Александру II, проектируемого к постановке в недалеком будущем». При этом он уточнял, что «на устройство пьедестала ... имеется пять тысяч рублей», и просил выслать образцы мрамора и эскизный проект пьедестала. Мастерская изъявила «желание выполнить мраморный пьедестал под бронзовую фигуру императора», сопровождая согласие 10 образцами мрамора.

Вероятно, под влиянием рекомендаций (в частности, скульптор С. М. Волнухин наиболее предпочтительным считал пьедестал из темного красного или коричневого полированного гранита с цоколем из красного песчаника) и под напором сформировавшейся в стране традиции члены комиссии склонились к выбору в пользу красного полированного гранита.

26 января 1912 г. от лица председателя комитета было отправлено письмо в г. Гельсингфорс Финляндскому каменно-промышленному акционерному обществу: «В настоящее время Комитет по сооружению памятника озабочен относительно сооружения пьедестала для фигуры Императора. В этом случае, пользуясь сведением, что вы принимаете изготовление и постановку пьедесталов, я обращаюсь к Вам, Милостивые Государи, с покорнейшей просьбой не отказать в сообщении, не пожелаете ли Вы принять изготовление и постановку пьедестала для памятника и в Перми; пьедестал желателен из гранитного камня, и, если бы Вы согласились принять этот заказ, я просил бы не отказать в высылке имеющихся у Вас эскизных чертежей пьедесталов, образцов камней (наложным платежом за рубль) и составить смету стоимости такого сооружения с доставкой материалов в Пермь».

В ответе, последовавшем в марте 1912 г., говорилось, что гранитный пьедестал обойдется в 6800 руб., «если видимые поверхности гранита чисто кованы», и в 8500 рублей, «если эти поверхности полированы», при условии, что «высота пьедестала аршин 5 ^{1/2} и что нижние два слоя можно делить [на] многие куски с вертикальными швами, между тем как верхние два слоя состоят каждый из одного камня». Сверх этого прилагались «образчик» гранита, соответствующий требованиям по качеству и цвету, и несколько фотографий памятников, в постройке которых фирма принимала участие, с указанием их стоимости.

Известно, что С. М. Волнухин ранее сотрудничал с Финляндским каменно-промышленным акционерным обществом. Пьедестал памятника для Перми, согласно его замыслу, был в виде камня со скосом от верхней плиты до цоколя.

С предложением об изготовлении основания под монумент выступало руководство завода Эд. Эд. Новицкого. Был выслан каталог памятников. Рекомендуемый вариант пьедестала (по каталогу № 7) представлял собой увенчанную квадратной плитой четырехгранную призму, соединяющуюся с базой с помощью выкружки. База пьедестала состояла из вала, каблучка и плинта (высокой полочки). Фундамент был сложносоставной: основной объем – в форме усеченной четырехгранной пирамиды – поко-

ился («для достижения наиболее величественного и царственного вида») на ступенчатом подножье. Способ обработки камня варьировался. На выбор предлагался постамент из финляндского лучшего красного полированного гранита за 1000 руб. или постамент из финляндского красного «мелко кованого» гранита за 3840 руб.. «Решетка чугунная, очень красивой отделки под старую бронзу, с золочеными коронами и орлами» стоила 1150 руб.

Описывая постамент, доверенный завода Эд. Эд. Новицкого указывал: «Пьедестал будет покрыт мантией с двух сторон: левой и задней, с третьей (передней) будет надпись: «Государь Император и Самодержец Всероссийский Александр II, Царь Освободитель, царствовал с 1855 по 1881 г.» Эта надпись, в случае желанья, может быть изменена по Вашему усмотрению. Четвертую (правую) сторону пьедестала, советую заполнить доской, со следующей, приблизительно, надписью: «Сооружен старанием Городского Головы Павла Александровича Рябинина, при участии: (переименовать фамилии)».

«Сработать» пьедестал из гранита была готова и «Международная гранитная компания» с агентством в Санкт-Петербурге. На это предложение пермская городская управа высказала желание иметь от них рисунки-чертежи изготавливаемых фирмой постаментов, с обозначением цен.

А вот на письменный запрос городского головы (в июне 1912 г.) в Императорскую Гранильную фабрику (г. Екатеринбург) был получен отказ: «Императорская Екатеринбургская гранильная фабрика в настоящее время не принимает от частных лиц никаких заказов и занята изготовлением изделий для Комитета Его Величества».

Повышенное внимание, проявленное членами комитета, к форме, цвету, материалу и фактуре, то есть к художественной характеристике пьедестала, объясняется тем, что это было своего рода люфтом, пределами которого ограничивалась существовавшая свобода самовыражения для местного заказчика, где реализовывался его творческий потенциал, проявлялись художественные критерии отбора и эстетические пристрастия. Возможность выбора постаментов и вариативность средового окружения памятника определяли его «неповторимость».

В связи с этим показательным является письмо горного инженера Александра Николаевича Кузнецова, адресованное пермскому городскому голове:

«В дополнение к ранее сообщенным мною сведениям о постаменте для сооружаемого в городе Перми памятника Императору Александру II прилагаю при сем фотографии и рисунки пье-

десталов у памятников Императора Александра II в г. Екатеринбург и в г. Златоусте, а также в высокой степени простой и своеобразный пьедестал для конной статуи Императора Николая II по скульптуре французского ваятеля Фроман-Марис в виде небольшого памятника, поднесенного во Франции особым Комитетом Его Императорскому Величеству Государю Императору в память смотра французской армии в Высочайшем присутствии в Бетени. Обращаю Ваше внимание именно на этот пьедестал. По моему мнению, трудно найти для памятника Императору что-либо проще, изящнее и величественнее, чтобы выразить вместе с тем пьедесталом идею Единого Верховного Державного Вождя, чем это сделано на скульптуре Фроман-Мариса. Как видно из рисунка, пьедестал весь из глыбы мрамора, выделанной в виде усеченной призмы с пологими, ласкающими глаз контурами ее. Для сооружения на городской площади, конечно, эта призма должна заканчиваться рядом нисходящих ступеней. Никаких колонн или фонарей быть не должно, они будут отвлекать внимание от единства выраженной пьедесталом мысли. Пьедестал с задней стороны имеет ниспадающую Царскую мантию, что делает каменную громаду изящной и не тяжелой, подчеркивая мысль о Царственных Доспехах. Но наиболее ясно эта мысль выражена фасадом пьедестала: эмблемой России – двуглавый орел с ясно выраженными знаками Царской власти – скипетром и Державою, обнимает своими распростертыми крыльями три стороны памятника (совершенно новая компоновка Государственного герба, доселе не употреблявшаяся), дабы не отвлекать внимание зрителя от самой фигуры Императора, орел этот должен быть сделан или из чугуна, или из темной бронзы, но отнюдь не золоченный. Грудь орла занимает щит с изображением Георгия Победоносца – эмблемой воинственной мощи России. Одним словом, пьедестал выражает идею Самодержавия как нельзя лучше и полнее для памятника Императору».

В своем письме горный инженер продемонстрировал не только искреннюю заинтересованность в осуществлении наилучшим образом идеи постановки памятника в Перми (напомним, что он не являлся членом комитета), но и профессионализм в вопросах художественных.

Работа комитета над проектом возведения в губернском центре памятника Царю-освободителю продолжалась и по прошествии значительного срока от юбилейной даты. Фаворитами оставались художественный металлургический завод Эд. Эд. Новицкого, письменные переговоры с которым никогда не прекра-

щались, и Мраморская камнерезная учебная мастерская, переписка с которой возобновилась весной 1914 г. П. А. Рябинин писал: «Озаботясь приведением в исполнение намерения о сооружении в Перми памятника Царю-Освободителю Императору Александру II-му, Комитет вновь обращается к Вам с покорнейшей просьбой войти с нами в переговоры по сему предмету и не отказаться сообщить – примете ли Вы заказ на изготовление и установку в нашем городе пьедестала под фигуру Императора. Пьедестал желателен из красного гранитного камня полированного». Но камнерезная учебная мастерская с сожалением уведомляла, что из красного гранита мастерская «работ на Урале не имеет», а есть серый, а также темно-серый или светло-серый мрамор, образцы которых она высылает.

Художественный металлургический завод Эд. Эд. Новицкого в марте 1914 г., учитывая ценовую политику заказчика, предлагал разные по материалу и технике исполнения варианты: «...имеем честь предложить для Вас памятник Императора Александра II, высота фигуры 4 арш., по модели Академика скульптуры А. М. Опекушина... по следующим ценам: Вариант 1: фигура Императора Александра II, литая из бронзы высокого качества, вычеканенная и отделанная под старую бронзу, 16155 руб. ... Вариант 2: такая же фигура Императора Александра II, выкованная вручную из листовой красной меди и сверх того гальванически покрытая химически чистой медью и отделанная под старую бронзу, внутри цементированная, 12865 рублей».

30 апреля 1914 г. для личной беседы с городским головой Пермь посетил представитель завода Ф. П. Быстржцкий. В результате этой встречи был выбран следующий проект памятника: на фундаменте с двумя ступенями устанавливается пьедестал из красного мелко зернистого полированного Сольдбергского гранита высотой в 4 аршина, на котором закреплен «барельеф из бронзы, изображающий картину «Чтение манифеста 21 Февраля 1861 года», размером 24 x 12 вершков». На пьедестале располагается литая из бронзы, отчеканенная и отделанная под старую бронзу выполненная по модели А. М. Опекушина («репродукция Московского памятника в Кремле») фигура императора высотой от верхней плоскости головы до конца ниспадающей мантии 4 аршина 2 вершка. По углам монумента размещаются четыре двуглавых орла («тип орлов, что на памятнике Императору Александру III в Москве») высотой в 1 аршин, шириной в размахе крыльев около 1 аршина 7 вершков. Орлы, литые из бронзы, отчеканенные и отделанные под старую бронзу (в цвет

памятника). У подножья орлов четыре бронзовых также отделанных венка. Четыре бронзовые с такой же отделкой гирлянды соединяют между собой углы пьедестала. Согласно смете от 6 июня 1914 г. за изготовление и постановку такого памятника нужно отдать тридцать тысяч пятьсот рублей или двадцать восемь тысяч пятьсот рублей за памятник без барельефа, изображающего картину «Чтение манифеста».

Был организован «Комитет по сооружению памятника Императору Александру II в Перми», в который вошли: городской голова П. А. Рябинин (председатель комитета), члены управы, Н. И. Михайлов, А. П. Бабалов, Я. И. Альфионов, председатель губернской администрации Н. А. Иванов, представитель духовенства Иоанн Пьянков, представитель от губернского земства М. М. Гладышев, представитель от уездного земства А. М. Кирпищиков, представитель Биржи). Но планам не дано было осуществиться. Во-первых, собранные на памятник средства не покрывали выставляемых за его будущее изготовление счетов. Во-вторых, внесло свои коррективы начало первой мировой войны 1 августа 1914 г. Можно предположить также, что сыграл свою роль отъезд Александра Николаевича Кузнецова.

Проект не был реализован, но уже в ходе работы комиссии отчетливо проявились основные критерии отбора. Идеино-художественное содержание памятника диктовалось государством (наличием директивных документов). Очевидно, что охватившая Пермскую губернию в конце XIX – начале XX вв. мода на установку памятников (преимущественно с бюстом) царю-освободителю¹⁹, спровоцированная государственной пропагандой и доступностью (технической и финансовой) тиражированных памятников, «требовала» принятия такой формы увековечивания и в губернской столице.

Высокую архитектурно-художественную значимость запланированного события можно понять, только учитывая, что скульптурные сооружения в г. Перми отсутствовали, а развитие монументально-декоративной пластики было достаточно слабым. Примечательно, что в данном случае пластическое решение памятника по общему своему виду рассматривалось как единственный возможный вариант, хотя прототип (памятник Александру II в Московском Кремле, заложенный в 1893 и заверченный в 1898 г.) – памятник архитектурных форм. Как одно из главных затруднений при его «сочинении» профессор Н. Султанов отмечал следующую «черту русской народности»:

«Русский народ, отучаемый в продолжение девяти веков восточным православием от скульптурных изображений Божества и Святых, совсем разучился понимать *одно* ваение в его *чистом* виде, а потому одна статуя обыкновенно ничего не говорит его уму и сердцу, чем только и можно объяснить унылую безлюдность всех наших памятников».

Для преодоления этого при проектировании памятника был применен следующий прием: «Поставленная над статуей сень придает памятнику в глазах народа священный характер, вполне приличествующий памяти в Бозе почившего Императора, потому, что народ наш привык видеть сень только над местами особенно священными, как, например: в церквах, над алтарными престоломи и над царскими или патриаршими местами и во дворцах над тронами». Несмотря на существование в Пермском Прикамье традиции изготовления культовой скульптуры, к аналогичному решению – введению сени – здесь прибегли при строительстве в 1887 г. (первого для края) памятника Александру II-му в Павловском заводе (скульптурное изображение императора было ограничено бюстом). Оно ознаменовало традиционный поэтапный переход от архитектурного к скульптурному типу памятника. Апогеем этого процесса для края стал сооруженный в 1904–1907 гг. в Лысьвенском заводе монумент с бронзовой фигурой графа П. П. Шувалова. Т. е. ко времени создания памятника в Перми население Пермского Прикамья не только «познало» созерцание скульптурного варианта светского памятника, но и убедилось в его необходимости.

Логично было бы предположить, что локальное явление – развитие в крае храмовой пластики – могло способствовать быстрому и легкому усвоению местным населением художественной системы монументальной скульптуры. Однако сравнение с ситуацией, имевшей место в восточной части Пермской губернии, вынуждает констатировать, что количество памятников с бюстами и фигурами, и даже группами фигур, установленных в конце XIX – начале XX века, там преобладало (со значительным перевесом). И «возникали» памятники в Пермском Прикамье не столь равномерно во времени, как по другую сторону Уральских гор. Непосредственное влияние пермской деревянной скульптуры (период расцвета которой к концу XIX в. уже миновал) на монументальную пластику не выявлено. Однако усматривается следующая тенденция: первый памятник был воздвигнут в ограде храма, в дальнейшем памятники сооружались на площадях в окружении культовых и светских зданий, позднее бюсты императоров устанавливались в интерьерах общественных гражданских зданий (правлений, судов).

Анализируя принцип работы специально сформированной комиссии, можно сделать следующий вывод: она переключала ответственность за художественные достоинства скульптуры на контролирующие органы (Техническо-строительный комитет Министерства внутренних дел и Строительное отделение Губернского правления). В то же время члены комиссии смело брались выполнять функции архитектора: определяли место расположения и масштаб памятника, регулировали вопросы пропорционирования, задавали форму, материал, цвет, фактуру пьедестала, не боясь нарушить органическую целостность и соразмерность частей монумента, взаимосвязь монумента с архитектурой и пространством города. По-видимому, это являлось отражением происходивших в культуре страны глубинных процессов: архитектура вытеснялась строительным делом, приоритет переходил от зодчих к инженерам, на местах складывалось мировоззрение с кажущейся подчиненностью практицизму логики управления архитектурной практикой. Одновременно это было результатом господства в крае в начале XX в. эклектичного художественного мышления, при котором проекты составлялись из стилистически разных, заимствованных элементов. Такое мышление позволяло лицам, не имеющим специального образования, деятельно участвовать в художественной жизни.

¹ Алексей Гаврилович Лебедев – надворный советник, представитель коммерческой службы Управления Пермской железной дороги, попечитель Левшинского прихода.

² Мещанин Павел Александрович Рябинин с 1891 г. являлся гласным Пермской городской думы, с мая 1897 г. был членом Пермской городской управы. В 1899 году присоединился к купеческому сословию. С 1900 г. П. А. Рябинин – гласный Пермского уездного земского собрания. С 1900 г. служил заступающим место Пермского городского головы, с 1907 г. пребывал на посту городского головы. Кроме того, с 1900 по 1907 г. он – почетный член Пермского губернского попечительства детских приютов, с этого же времени – церковный староста Кирилло-Мефодиевской церкви при Пермском духовном училище, в 1901 г. был избран попечителем городского (Пермского) Ольгинского начального училища, с 1903 г. – представитель города в попечительном совете Пермской торговой школы, с 1904 по 1910 гг. – член попечительного совета Пермской женской прогимназии. В 1904 г. стал членом Пермского пожарного общества. В 1904–1906 гг. П. А. Рябинин участвовал в общественной жизни в составе комиссии по разбору и призрению нищих г. Перми (в 1904 г. – член, с 1905 г. – заступающий место председателя). В 1908, 1910–1914 гг. входил в попечительный совет Мариинской женской гимназии. В 1908 г. его кандидатура утверждена для работы в правлении Общества вспомоществования нуждающимся учащимся Пермского духовного училища. С 1907 г. возглавлял (председатель) Пермский общественный пожарный комитет. В 1908 г. он – товарищ председателя, а с 1909 г. – член вольного пожарного общества (г. Пермь). К

1909 году Павел Александрович имел чин коллежского регистратора, к 1912 г. получил чин губернского секретаря. С 1912 г. он – член пермского местного управления Российского общества красного креста, с 1913 г. – председатель и почетный член Пермского городского попечительства о бедных, почетный член Пермского общества поощрения рысистого коннозаводства, с 1914 г. – член (от городского самоуправления) Пермского уездного училищного совета, товарищ председателя Пермского окружного правления императорского Российского общества спасения на водах.

³ Потомственный почетный гражданин Григорий Васильевич Юрьевский, бывший священник, добровольно сложивший с себя сан, в 1891–1899 гг. занимал должность заведующего почтовым отделением Пермской уездной земской управы, с 1899 г. участвовал в работе Пермской городской думы и Пермской городской управы, к 1907 г. дослужился до заступающего место городского головы. С 1906 г. – член Пермского уездного земского собрания. Помимо этого, к 1899 г. он был назначен секретарем совета Церковно-приходского попечительства при Пермском Петропавловском соборе, однако к 1907 г. ограничился лишь членством в этом совете (до 1910 г.). В 1901–1905 гг. числился в списке комиссии по разбору и призрению нищих г. Перми, а с 1907 г. по 1912 г. состоял в ней в качестве заступающего место председателя. В 1903 г. Григорий Васильевич получил чин коллежского регистратора. В 1904–1905 гг. работал агентом страхового общества «Якорь» (г. Пермь с уездом). В 1901–1912 гг. Г. В. Юрьевский входил в состав Пермского общественного пожарного комитета, в 1909 г. – Пермского общества потребителей. В 1907 г. был избран (городской думой) в комитет Общественной библиотеки, попечительный совет Пермской Мариинской женской гимназии, попечительный совет Екатерино-Петровского училища (на 1914 г. исполнение этих обязанностей сохранялось). В дополнение с 1914 г. он – попечитель 8 женского начального училища, член церковно-приходского попечительства при Пермской Рождество-Богородицкой церкви. Юрьевский регулярно удостоивался повышения в чине: в 1912 г. – коллежский секретарь, в 1913 г. – титулярный советник, в 1914 г. – коллежский ассесор.

⁴ Личный почетный гражданин Василий Петрович Петров с 1900 г. был членом (с 1903 г. – заступающим место казначея, а к 1907 г. – казначеем) Пермского окружного правления Императорского Российского общества спасения на водах. На периоды с 1901 по 1904 г., с 1905 по 1908 г. и с 1909 по 1912 г. он избирался гласным Пермской городской думы, при этом с 1903 г. по 1910 г. являлся членом Пермской городской управы. В 1901–1907 гг. В. П. Петров – член Пермского губернского попечительства детских приютов, с 1913 г. вновь приобрел этот статус. В 1901–1904 гг. он занимал должность управляющего конторы паромства и транспортирования кладей бр. Каменских, в 1904–1905 гг. – агента Восточного общества товарных складов (г. Пермь с уездом). В 1907–1908 гг. работал директором Пермского губернского приюта. В 1907 г. состоял в Пермском городском пожарном обществе, с 1909 г. – в Вольном пожарном обществе (г. Пермь). В 1913 г. был избран на должность товарища директора Пермского Марьянского общественного банка.

⁵ Купеческий сын Александр Дмитриевич Степанов начал общественную деятельность в 1897 г. в качестве казначея комиссии по разбору и призрению нищих г. Перми, в 1899–1905 гг., получив купеческое свидетельство, продолжал то же дело (в 1899 г. еще с обязанностями казначея, а с 1900 г. – рядового члена комиссии). В 1901–1908 гг. А. Д. Степанов – кандидат к гласным Пермской городской думы, с 1907 г. по 1909 г. – член Пермской городской управы. В 1899 г. входил в совет церковно-приход-

кого попечительства при Рождество-Богородицкой церкви. С 1901 г. по 1903 г. он числился членом Пермского губернского попечительства детских приютов, к 1907 г. вновь возобновил эту деятельность. С 1904 г. – избранный директор Пермского губернского тюремного комитета (с 1909 г. – Пермского комитета общества попечительного о тюрьмах). В 1907 г. был членом городского раскладочного присутствия. Вдобавок в 1908 г. он являлся кандидатом от купеческого сословия в члены Пермского городского сиротского суда и членом братства св. Стефана Великопермского при гимназической церкви (Пермской классической гимназии), с 1910 г. – членом Пермского общественного пожарного комитета. Эту общественную нагрузку он нес до 1910 г.

⁶ Ефим Петрович Пермяков – потомственный купец, с 1886 г. занимался собственной галантерейной торговлей. По данным на 1898 г. числился в списке купцов второй гильдии. В 1898 г. был членом Учетного комитета Пермского Общественного банка. В 1901–1905 гг. и 1912–1913 гг. являлся гласным Пермской городской думы.

⁷ Николай Иванович Михайлов с 1902 г. был членом, а к 1904 г. – старшиной Пермской биржи. Его имя внесено в список гласных Пермской городской думы 1901–1904, 1905–1908 и 1909–1912 гг. созыва. В 1903 г. он стал попечителем вновь открытого городского начального училища на Пермской улице, в 1910 г. – членом Церковно-приходского попечительства при Пермской Рождество-Богородицкой церкви. Так же известно, что в 1914 г. он отказался от обязанностей члена Попечительного совета частной женской прогимназии Дрекслер-Гольнец. С 1913 г. Николай Иванович являлся кандидатом Пермского губернского по квартирному налогу присутствия.

⁸ Заявленный мещанином Александром Павловичем Бабаловым к 1898 г. капитал давал ему право на свидетельство купца второй гильдии (г. Пермь, бакалейная торговля). В его послужном списке записано: 1897–1899 гг. – гласный Пермского уездного земского собрания (от частных владельцев), 1891–1895 гг. – участвовал в заседаниях Пермской городской думы, с 1899 г. по 1908 г. – кандидат к гласным Пермской городской думы, с 1906 г. вновь – гласный Пермского уездного земского собрания. В 1900 г. он – заместитель торгового депутата Пермского городского раскладочного присутствия, в 1901–1905 гг. – член комиссии по разбору и призрению нищих в г. Перми, в 1905 г. – член пермского общества взаимного вспоможения приказчиков, с этого же времени – член совета церковно-приходского попечительства при Пермской Рождество-Богородицкой церкви, в 1906–1909 гг. был членом (от уездного земского собрания) пермского уездного комитета Попечительства о народной трезвости, с 1908 г. – член совета Пермского епархиального братства имя святителя Стефана, епископа Пермского.

⁹ Магистр Казанской духовной академии Яков Иванович Алфионов (Алфионов) педагогическую деятельность начал в 1874 году. В 1891–1905 гг. он трудился на посту директора Пермской классической (мужской) гимназии (в 1891–1895 гг. в статусе коллежского советника, с 1896 г. – статского советника, к 1901 г. был удостоен чина действительного статского советника). Динамика продвижения его по общественной карьерной лестнице такова: с 1897 г. участвовал в работе Пермской городской думы, где являлся председательствующим в 1897, 1901 гг., в 1891–1892 гг. – был членом попечительного совета, с 1893 по 1895 г. – временно исполняющим обязанности председателя попечительного совета и председателем педагогического совета, с 1898 по 1900 г. – членом попечительного совета, к 1901 г. – членом попечительного совета и председателем педагогического совета, к 1904 г. – начальником (председателем), а к 1911 г. – членом попечительного совета Пермской Ма-

риинской женской гимназии. В 1901 г. был делегирован представителем рода в попечительный совет при Пермской женской прогимназии на 3-х летний срок, это повторилось и в 1907 г. В 1891–1905 гг. являлся членом (от Министерства народного просвещения) Пермского губернского училищного совета. В 1892 и 1908 г. значился членом совета братства св. Стефана Великопермского при Пермской классической (мужской) гимназии, в 1907 г. состоял в попечительном совете женской прогимназии, в 1913 г. был избран председателем попечительного совета гимназии Барбатенко. В 1892–1893 гг. работал председателем Пермской ученой архивной комиссии. С 1893 по 1907 г. он – живущий в Перми действительный член Губернского статистического комитета. С 1903 г. служил почетным мировым судьей. В 1907 г. по воле городской думы стал членом комитета Общественной библиотеки (и состоял там на 1914 г.). В 1911–1912 гг. – кандидат в члены Пермского городского по квартирному налогу присутствия. С 1914 г. – член попечительного совета при Пермской женской прогимназии Дрекслер-Гольнец.

¹⁰ Коллежский ассессор Николай Иванович Попов в 1891–1892 гг. имел должность бухгалтера, а в 1893–1903 гг. – делопроизводителя Управления государственными имуществами Пермской губернии. По данным на 1901 г. он принадлежал к сословию мещан.

¹¹ О государственной службе Николая Александровича Иванова известно следующее: с 1908 г. он в чине статского советника служил старшим советником Пермского губернского правления, с 1910 г. являлся еще и временно исполняющим обязанности секретаря Пермского губернского статистического комитета, а с 1911 г. – прибавилась нагрузка «заведывающего» типографии Пермского губернского правления. С 1910 г. – член общества вспомоществования учащимся Пермской мужской гимназии, с 1913 г. – член совета церковно-приходского попечительства при Пермской Рождество-Богородицкой церкви.

¹² Иоанн (Иван) Петрович Пьянков с 1891 г. в сане священника, а с 1901 г. в сане протоиерея работал законоучителем в Пермском Алексеевском реальном училище, был членом Пермского губернского училищного совета от духовного ведомства. Его общественная нагрузка с 1892 по 1900 г. заключалась в членстве в комитете по разбору и призрению нищих в г. Перми, с 1894 по 1905 г. – в попечительном совете Пермского епархиального женского училища (с 1895 как председателя), с 1895 по 1905 г. – в Пермском отделении епархиального училищного совета (с 1897 г. – Пермского епархиального училищного совета). С 1896 г. по 1912 г. он – благочинный градо-пермских церквей. В 1897 году присутствовал на заседаниях Пермской городской думы как депутат от духовного ведомства. С 1913 г. служил в Воскресенской церкви г. Перми. В 1912 г. был членом Пермского комитета православного миссионерского общества, в 1913–1914 гг. – Пермского отдела Императорского православного Палестинского общества.

¹³ Алексей Михайлович Кирпищиков, будучи сыном чиновника, сам служил в 1891–1893 гг. делопроизводителем, а с 1894 по 1907 г. – делопроизводителем страхового отделения Пермской губернской земской управы. С 1897 г. значился гласным Пермского уездного земского собрания (от частных владельцев). В 1901–1902 гг. являлся членом Пермской губернской управы. В 1897–1900 гг. и 1906–1912 гг. был участником заседаний Пермской городской думы. Среди должностей, занимаемых Алексеем Михайловичем, наивысшей был пост председателя Пермской уездной земской управы, на который он избирался с 1906 г. Он занимал активную общественную позицию: в 1898 г. – член правления, а с 1899 г. – председатель правления судо-сберегательной кассы служащих губернского земства; в 1898–1901 гг. являлся распорядите-

лем общества взаимного страхования от огня (г. Пермь); с 1897 г., 1901 г., 1908 г. и 1912 г. на 4-х летний срок входил в состав Пермского общественно-пожарного комитета; в 1900–1905 гг. он – член Пермского уездного училищного совета, с 1909 г. возобновил эту деятельность; в 1904 г. был товарищем правления (т. е. членом правления), в 1905 г. – товарищем (т. е. заместителем) директора Кустарно-промышленного банка Пермского губернского земства. В 1910 г. А. М. Кирищиков отмечен членством и в попечительном совете Пермской Мариинской женской гимназии, а в 1912 г. – в попечительном совете при Пермской женской прогимназии Дрекслер-Голынец. В 1911 – 1912 гг. как представитель от земства принимал участие в работе губернского училищного совета.

¹⁴ Михаил Ефимович Таранжин (Тараньжин) – член Пермского уездного земского собрания с 1906 г. (гласный от Мотовилихинской волости).

¹⁵ Крестьянин Алексей Михайлович Губин являлся гласным Пермского уездного земского собрания с 1903 г.

¹⁶ Дворянин Адам Ильич Онуфрович (Ануфрович) был с 1902 г. управляющим Лысьвенского завода, к 1907 г. – помощником управляющего, а с 1908 г. – управляющим Лысьвенского горного округа наследников графа П. П. Шувалова (Лысьвенский завод). С 1902 г. по 1904 г. являлся членом Лысьвенского потребительского общества. Он избирался гласным Пермского уездного земского собрания от владельцев недвижимых имуществ с 1909 до 1914 г. (последний раз участвовал в 38-й чрезвычайной сессии 24–25 апреля 1914 г.). С 1913 г. – представитель от золотопромышленников и горнопромышленников Пермского губернского по фабричным и горнозаводским делам присутствия. С 1914 г. – выборный член Пермской губернской землеустроительной комиссии.

¹⁷ Свидетельства о начальном этапе трудовой деятельности Михаила Михайловича Гладышева относятся к 1892 г., когда он числился ученым мастером-механиком паровой фабрики в Перми. С 1898 г. по 1907 г. он – инженер-механик, управляющий чугунолитейного и механического завода бр. Каменских в г. Перми (с 1903 г. – Механического, чугунолитейного и котельного завода торгового дома Ф. и Г. бр. Каменских в г. Перми). С 1889 г. – гласный Пермской городской думы, к тому же, с 1907 г. являлся гласным Пермского уездного земского собрания и Пермского губернского земского собрания от Пермского уезда. В 1907–1908 гг. М. М. Гладышев – товарищ председателя и казначей Пермского фотографического общества. С 1911 г. – член Губернской земской управы, член попечительного совета Пермской Мариинской женской гимназии. В 1912–1913 гг. – член комиссии по освидетельствованию судов Пермской судоходной дистанции.

¹⁸ Образование горный инженер Кузнецов Александр Николаевич получил, окончив в 1883 г. реальное училище в Екатеринбурге и в 1887 г. горный институт в Петербурге. В 1885–1891 гг. работал на Каменском заводе, в 1892–1896 гг. служил старшим чиновником для особых поручений управления Уральских горных заводов. С осени 1895 г. он преподавал металлургию и заведовал мастерскими в Уральском горном училище (г. Екатеринбург). В 1895–1898 гг. занимал пост управителя Баранчинского казенного завода. К 1900 г. получил должность помощника начальника Гороблагодатского горного округа и управителя Кушвинского казенного завода, каковым он являлся вплоть до 1909 г. При этом его чин изменялся: в 1892–1894 гг. – титулярный советник, с 1895 г. – коллежский ассессор, с 1899 г. – надвратный советник, с 1903 г. – коллежский советник, с 1907 г. – статский советник. С 1914 г. числился управляющим Невьянских чугуноплавильного, механического и труболитейного заводов Невьянского горнопромышленного акционерного общества.

¹⁹ «Пермская губерния имеет значительное число разного рода исторических памятников. В одном уезде их больше, в другом меньше. Но нет такого, в котором бы их не было. Весьма значительным является, между прочим, то обстоятельство, что очень много памятников воздвигнуто Государю Императору Александру II-му. Кажется, нет в губернии такого завода, на площади которого не красовался бы памятник Царю-Освободителю, Царю-Мученику» [Адрес-календарь и справочная книжка Пермской губернии 1915 год. – Пермь, 1915. – С. 3].

Источники и литература:

1. ГАПК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 175.
2. Адрес-календари и памятные книжки Пермской губернии на 1898 – 1914 гг.
3. Журналы Пермского губернского земского собрания XXXVIII очередной и XL чрезвычайной сессии и доклады комиссии очередному собранию. – Пермь, 1908.
4. Журналы Пермского уездного земского собрания XXI чрезвычайной сессии (10–12 мая 1900 года) и доклады управы с приложениями. – Пермь, 1900.
5. Журналы Пермского уездного земского собрания XXXI очередной сессии (20 сентября – 2 октября 1900 года), доклады управы с приложениями и доклады комиссии. – Пермь, 1900.
6. Журналы Пермского уездного земского собрания XXXIII очередной сессии (21 сентября – 2 октября 1902 года) и доклады управы с приложениями. – Пермь, 1902.
7. Журналы Пермского уездного земского собрания XXXIV очередной сессии (19–28 сентября 1903 года) и XXIII чрезвычайной сессии (5 ноября 1903 года). – Пермь, 1903.
8. Журналы Пермского уездного земского собрания XXXV очередной сессии (21 сентября – 1 октября 1904 года). – Пермь, 1904.
9. Журналы Пермского уездного земского собрания XXXVII очередной сессии (22 сентября – 3 октября 1906 года). – Пермь, 1907.
10. Журналы Пермского уездного земского собрания XXXIX очередной сессии и XXVII чрезвычайной сессии 1908 года. – Пермь, 1909.
11. Журналы Пермского уездного земского собрания 40-й очередной сессии 1909 года. – Пермь, 1910.
12. Журналы Пермской городской думы за 1889 – 1892, 1897, 1902, 1903, 1907 – 1914 гг.
13. ПГВ. – 1893. – № 1.
14. Список гласных Пермской городской думы и кандидатов к ним, избранных на 4-х летний срок с 1-го января 1905 года. – Пермь, 1904.
15. Султанов Н. Памятник Императору Александру II в Кремле Московском. – СПб., 1898. – С. 371.
16. Баяндина Н. П. Пермь купеческая. – Пермь: Пушка, 2002.
17. Верхованцев В. С. Город Пермь, его прошлое и настоящее. – Пермь: Пушка, 1994.
18. Козлов, А. Г. Творцы науки и техники на Урале. – Свердловск: Средне-Уральское кн. изд-во, 1981.
19. Пермские градоначальники: сб. статей / сост.: С. С. Смородина, О. А. Мельчакова. – Пермь: Стиль-МГ, 2008.
20. Уральская историческая энциклопедия. – Екатеринбург: Академкнига, изд-во УрО РАН, 2000.

ПЕРВЫЙ ПЕРМСКИЙ ГУБЕРНСКИЙ АГРОНОМ В. А. ВЛАДИМИРСКИЙ

Первый губернский агроном Всеволод Александрович Владимирский родился 27 ноября 1863 г. в Перми. Его отец, Александр Федотович, потомственный дворянин, в то время имел чин коллежского асессора. Мать, Юлия Львовна, была дочерью священника. Крестили новорожденного в Петропавловском соборе г. Перми. Восприемниками были статский советник Александр Матвеевич Благовидов и сестра отца Антонина Федотовна¹. Надворный советник Александр Федотович Владимирский служил в г. Красноуфимске окружным акцизным надзирателем. Именно в Красноуфимске Всеволод Владимирский познакомился и подружился на всю жизнь с братьями Сиговыми. Мальчик учился в реальном училище в одном классе с Алексеем Сиговым (будущим писателем Погореловым). Их современники вспоминали: «Школьное ученье не составляло для них никакого труда. Они больше учили других, чем учились сами. Как только они появлялись в училище, их сейчас же обступали группы учеников с просьбами объяснить непонятное. Нередко они выручали даже самих учителей. Конечно, молодость брала свое, и, разумеется, закадычные друзья ... играли в «лунки», лепили снежные бабы, катались на лубках с горы. Их любимым времяпрепровождением было сочинение юмористических стихов»².

Семья Владимирских была многодетной. В 1879 г. Александр Федотович был избран на должность мирового судьи Бисерстского участка³. Вскоре после отъезда на новое место службы отец семейства скоропостижно скончался. Семья осталась «в самом бедственном положении, почти без всяких средств к существованию». Всеволод и Ювентин, как старшие дети в семье, не только помогали матери с младшими детьми, но и давали частные уроки отстающим ученикам. Павел Сергеевич Сигов вспоминал о Всеволоде: «Он был удивительно мил и симпатичен своими душевными качествами и беспредельной добротой». В 1880 г. состоялся первый выпуск шестого класса Красноуфимского реального училища. Выпускников было всего четверо: Владимирский Всеволод Александрович, Воронин Александр Захарович, Горбунов Александр Иванович и Попов Василий Венедиктович. Лучшим среди них был, конечно, Всеволод Владимирский. После окончания шестого класса Красноуфимского реального училища Всеволод

поступил в седьмой класс Пермского Алексеевского реального училища, где уже год учился его друг Алексей Сигов. После его окончания в 1881 г. Владимирский поступил в Петровскую сельскохозяйственную и лесную академию в Москве (ныне сельскохозяйственная академия им. К. А. Тимирязева).

Будучи студентом этого заведения, с 6 ноября по 20 декабря 1884 г. Всеволод Александрович находился под стражей по «делу Лопатина». Из-за отсутствия улик, обличающих его, дело было прекращено. После окончания курса обучения в академии со званием «кандидат сельскохозяйственных наук» Всеволод Александрович работал на кафедре зоотехники ассистентом профессора. Однако по политическим мотивам в декабре 1887 г. его выслали из Москвы в родной город Пермь под особый надзор полиции на два года⁴.

Аграрный вопрос в России всегда был одним из самых острых. В Пермской губернии хлеб выращивали почти на всей территории, но с разным успехом. Встал вопрос об организации агрономической службы. В 1883 г. директор Красноуфимского реального училища Н. А. Соковнин убедил Пермское губернское земство пригласить пятерых агрономических смотрителей. В 1886 г. их число было увеличено до двенадцати, по одному на уезд, но обязанности агрономов при этом были соединены с обязанностями страховых агентов. Руководство и контроль за работой агрономических смотрителей были возложены на сельскохозяйственный совет при Красноуфимском реальном училище⁵. 26 января 1888 г. на заседании Пермского губернского земского собрания «доложен доклад губернской Управы об учреждении должности губернского агронома». В этот день собранию не была представлена смета на содержание новой должности, поэтому решение было отложено⁶. 28 января 1888 г. Пермское губернское земское собрание под председательством действительного статского советника Е. П. Янишевского вновь рассматривает этот вопрос. Мнения разделились. Так, например, губернский гласный Желтышев «находил учреждение этой должности излишним», ссылаясь на существующий сельскохозяйственный совет в Красноуфимске. Однако большинством голосов «собрание постановило должность губернского агронома учредить и на жалованье ему, согласно заключению комиссии, внести в смету 900 рублей» в год⁷.

Вся организационная работа легла на плечи первого губернского агронома, кандидата сельскохозяйственных наук Владимирского Всеволода Александровича. Выбор оказался как нельзя более удачным. Уроженец Перми, он хорошо знал местные усло-

вия, людей, обладал не только профессиональными знаниями, но и широкими познаниями по экономическим вопросам. В феврале т. г. новый агроном принялся за устройство при губернской управе «центральной библиотеки по сельскому хозяйству»⁸. 15 апреля 1888 г. в «Сборнике Пермского земства», № 8, публикуется очерк Владимирского «Деятельность агрономических смотрителей». В нем одной из самых важных задач деятельности специалистов сельского хозяйства Всеволод Александрович называет службу «проводниками сельскохозяйственных знаний в местное население». Он пишет: «Выехал ли смотритель в деревню для собирания статистических сведений... или только проездом, – везде и всюду, пользуясь всяким удобным случаем, он должен заводить с крестьянами беседы по вопросам сельского хозяйства»⁹. При всей своей занятости, Всеволод Александрович находил время для консультаций. С августа 1888 г. в «Сборнике Пермского земства» регулярно выходят его объявления: «В. А. Владимирский, агроном губернского земства дает советы по выбору сельскохозяйственных орудий, пород скота, улучшенных сортов хлебных и промышленных растений. Принимает посредничество по приобретению орудий, семян и племенных животных». Конечно, не всем нравился новый подход к сельскому хозяйству. Из протокола заседания сельскохозяйственного совета Красноуфимского реального училища от 27 апреля 1888 г.: «П. 6. ...прочитав дневник агрономического смотрителя Чердынского уезда Кузнецова и комментарии к нему губернского агронома Владимирского, постановили отвечать господину агроному Владимирскому на его комментарии особо». 1 июня 1888 г. Всеволод Александрович выступает на съезде агрономических смотрителей в г. Шадринске с докладом «О яровой совиноголовке». По предложениям агронома по защите от этого вредителя развернулась целая дискуссия. Владимирский убеждал в полезности своих советов: «Мне лично приходилось несколько раз производить перед крестьянами опыты...». К его словам прислушались. На съезде было решено поручить «господину агроному составить коллекции вредных насекомых в различных стадиях и передать их в народные училища и волостные правления». Съезд обратился к священникам и народным учителям с просьбой помочь в распространении сведений о вредных насекомых и методах борьбы с ними, а земское уездное собрание объявило конкурс на составление популярных бесед по вопросам сельского хозяйства¹⁰. В декабре того же 1888 г. Всеволод Александрович в своем очерке «О задачах сельскохозяйственного музея» подробно расписывает свое видение органи-

зации первого подобного музея в Пермской губернии и все связанные с этим практические вопросы¹¹. Владимирский находит время и для работы в Пермском губернском «комитете для содействия сельскому хозяйству, кустарной и другой промышленности». В 1892 и 1894 гг. губернский агроном В. А. Владимирский и местный агроном П. Н. Батманов «для расширения знаний среди учителей церковных школ» организовывали курсы в с. Кудымкаре по общеобразовательным предметам и сельскому хозяйству. Работа пермского губернского агронома послужила образцом для многих губернских земств России. «По образцу Пермской организации уже в 1889 г. была заведена такая же в соседней Вятской губернии»¹². В качестве губернского агронома Всеволод Александрович проработал в Перми с 1888 по 1896 гг.

Пользуясь частыми служебными поездками по уездам, Всеволод Александрович пропагандировал среди крестьян также идеи революции. Сведения эти дошли до местного жандармского управления. На квартире у губернского агронома в апреле 1895 г. был произведен обыск. Не дожидаясь ареста, Владимирский вынужден был оставить свою службу в Перми и отправиться в «добровольную ссылку», заняв должность помощника руководителя экспедиции по обследованию Степного края (Северо-восточного Казахстана). Здесь он пробыл до 1898 г.¹³

Вернувшись в родной город Пермь, Всеволод Александрович в период с 1899 по 1903 г. служил заведующим отделением общей статистики в Пермском земстве, не прерывая связи с агрономическим делом. Владимирский всегда был «душой общей работы». Обладая уравновешенным характером, широко образованный, талантливый, чуждый самолюбия, Всеволод Александрович невольно привлекал и располагал к себе всех, знавших его. К нему шли с думами об общественном деле сослуживцы, земские гласные, работающие в деревнях, нарождающаяся интеллигенция из крестьянской среды. Все они знали, «что их мысль будет согрета участливым, внимательным отношением Владимирского»¹⁴.

Со своим блестящим талантом организатора, Всеволод Александрович стал инициатором и учредителем нескольких местных кружков и обществ. Он был одним из близких друзей дома Серебренниковых. Благодаря огромному влиянию Владимирского на председателя губернской земской управы Виктора Васильевича Ковалевского, пользовавшегося большим авторитетом, ему удалось собрать в Пермской губернской управе цвет общества. 19 февраля 1901 г., в честь 40-летнего юбилея со дня освобождения крестьян от крепостной зависимости, Владимирский и Ковалевский ус-

троили торжественное заседание губернского земского собрания. Местная интеллигенция днем читала в театре целый ряд лекций и речей, а вечером провела народный спектакль. «Это было едва ли не единственное торжественное заседание губернского собрания по всей земской России, с приглашением городской думы в полном составе и представителей всех казенных ведомств».

В 1894 г. Всеволод Александрович был библиотекарем Совета Пермской комиссии УОЛЕ, а с 1899 по 1904 г. состоял товарищем председателя Пермского научно-промышленного музея П. Н. Серебренникова. По субботам в помещении музея обыкновенно проводились научно-популярные беседы. В 1894 г. В. А. Владимирский вместе с П. А. Вологдиным, А. Е. Рейнботом, А. А. Крилем, В. Д. Морозовым, Ф. Н. Панаевым и Н. Л. Скалозубовым работали в подкомиссии по разработке плана метеорологических наблюдений в Пермской губернии. Также он принимал участие в выработке программы для собирания сведений о природных богатствах и промышленных силах Пермского края. 15 и 16 мая 1893 г. пятеро членов научно-промышленного музея: В. А. Владимирский, Н. И. Скалозубов, С. И. Сергеев, Ф. Ф. Гельцерман и И. Ф. Якубович совершили экскурсию в с. Ильинское для осмотра археологических раскопок, производимых Ф. А. Теплоуховым.

В списке докладов, сделанных на заседаниях Пермской комиссии УОЛЕ и Пермского научно-промышленного музея в период с 1890 по 1901 г., В. А. Владимирским были представлены следующие: в 1893 г. «О борьбе с вредными насекомыми путем заражения их грибными и бактериальными болезнями»; 12 марта 1899 г. «Типичные формы киргизского хозяйства»; 10 марта и 21 апреля 1900 г., 12 и 26 января 1901 г. — «Теория Дарвина»¹⁵. А его доклад «Состояние Пермской губернии в начале и конце XIX века», сделанный в 1902 г. был признан одним из лучших¹⁶. 15 января 1902 г. в зале Пермского благородного собрания общественность отмечала 25-летний юбилей врачебной и общественной деятельности П. Н. Серебренникова. От членов Пермского научно-промышленного музея юбиляра приветствовал В. А. Владимирский¹⁷.

В 1915 г. П. Н. Серебренников писал: «За последние два года наше музейное общество понесло тяжелые, незаменимые потери в лице ушедших членов В. А. Владимирского и П. А. Голубева, оставивших глубокий след своим трудом в музее. Портреты их будут храниться в музее и напоминать нам их — отношение и деятельность в музее, как достойную подражания»¹⁸. Также упоминает он фамилию В. А. Владимирского среди «деятелей, особенно потрудившихся в интересах музея»¹⁹.

Для развития самосознания в широких демократических слоях городского и сельского населения Владимирский добился учреждения библиотеки-читальни имени первого председателя губернской земской управы Д. Д. Смышляева. При ней было учреждено библиотечное общество с комитетом во главе. Открылась библиотека 17 октября 1899 г. на Слудке, в доме Афанасьева²⁰. Уже 12 мая 1900 г. уездное земское собрание XXI чрезвычайной сессии, по ходатайству публичной библиотеки имени Д. Д. Смышляева, постановило: в ознаменование тридцатилетия существования уездного земства ассигновать средства на открытие филиального отделения Смышляевской библиотеки в Мотовилихинском заводе²¹. 19 апреля 1901 г., благодаря усилиям Владимирского, филиал в Мотовилихинском заводе был открыт. В 1901 г. комитет Смышляевского библиотечного общества состоял из девяти пермских членов и четырех мотовилихинских: Д. М. Бобылев, В. А. Владимирский, П. А. Голубев, Н. В. Мешков, Е. А. Наумова, А. В. Ончуков, П. Н. Серебренников, С. А. Удинцев, А. Н. Ягодникова. В заводе Мотовилихе: Б. Я. Бруштейн, В. Ф. Дрегалкин, Н. В. Попов и Д. А. Соловьев (вместо выбывшего А. У. Вержбицкого).

Председателем библиотечного общества Д. Д. Смышляева с самого основания в 1899 г. до середины 1903 г. безвозмездно был Всеволод Александрович. Немало усилий потрачено комитетом на добывание денежных средств на содержание библиотеки. Так в 1901 г. комитет устроил в пользу библиотечного общества один спектакль местного драматического кружка, С. А. Удинцев и Л. Г. Вульфийус провели Лермонтовский литературно-музыкальный вечер, а антрепренер городского театра П. И. Струйский поставил 20 января спектакль, половина сбора с которого поступила в пользу библиотеки. Со второй половины 1901 г. библиотека заняла все шесть комнат в доме. Помещения распределились так: две комнаты под кабинет для чтения, одна — для выдачи книг, одна служила книгохранилищем, затем шел небольшой кабинет библиотекаря, одна комната была занята раздевалкой. Обычно в будние дни библиотека работала с 12 часов дня до 10 часов вечера. В праздничные дни — с 12 часов дня до 5 часов вечера. Всего в 1901 г. библиотека работала 338 дней. В библиотеке имелся бесплатный читальный зал. Самыми читаемыми авторами были Л. Толстой, М. Горький, А. Чехов, Д. Н. Мамин-Сибиряк и Э. Золя²².

По распоряжению Пермского губернатора от 3 мая 1902 г. из состава комитета библиотечного общества удалены: В. А. Владимирский (арестован 6 марта), Н. В. Мешков, И. С. Сигов, И. В. Новоселов, Д. М. Бобылев, В. П. Удинцева и Ю. А. Хлынова.

12 мая 1902 г. был готов к открытию еще один филиал Смышляевской библиотеки, так называемое Слободское отделение. Ответственным лицом по нему утвержден П. Н. Серебренников. Однако открыть это отделение власти не разрешили.

В 1902 г. в пользу Смышляевского общества были устроены два костюмированные вечера: декадентский – 27 января Л. Г. Вульфусом и С. А. Удинцевым и сказочный – 30 ноября Л. Г. Вульфусом и А. С. Сиговым. Главным организатором весной 1902 г. «первой в Перми художественной выставки картин» в пользу библиотечного общества был А. С. Сигов, друг и соратник Всеволода Александровича. Врач Я. С. Давыдов в марте того же года прочитал лекцию «Больные таланты», средства от нее также пошли в кассу общества. У арестованного по «политическому делу» в начале марта 1902 г. Владимирского были отобраны все находившиеся при нем библиотечные книги. Ревизионная комиссия во главе с П. Голубевым, учитывая заслуги перед вышедшими по требованию администрации из состава библиотечного общества В. А. Владимирского и С. А. Удинцева, «желая иметь их навсегда членами своего общества, предложила собранию зачислить их в число пожизненных членов». Общее собрание, вероятно, опасаясь недовольства со стороны властей, большинством голосов это предложение отклонило, сославшись на то, что для пожизненного членства, согласно уставу общества, необходимы крупные денежные взносы²³.

1 августа 1902 г. арестованный Владимирский вместе с другими политическими заключенными объявил 11-дневную голодовку, требуя скорейшего рассмотрения дела. В двадцатых числах августа его «за недоказанностью улик» из Пермской тюрьмы освободили, но ненадолго. 13 марта 1903 г. Всеволода Александровича вновь арестовали за участие в работе Пермского РСДРП. С марта по октябрь 1903 г. он находился в губернской тюрьме, а затем был переведен в Верхотурский уезд²⁴.

По решению суда ему предстояла высылка в Архангельскую губернию. Мама Владимирского, Юлия Львовна, обратилась к «Господину Губернатору с покорнейшей просьбой разрешить сыну следовать в ссылку за свой счет». Однако, сославшись на отсутствие конвоира, в просьбе ей было отказано. Сорокалетний Всеволод Александрович был отправлен 28 июля 1904 г. в ссылку по этапу.

Тяжел и труден был этапный путь. Конвойные всячески старались выполнять инструкцию департамента полиции «о приравнивании политических ссыльных к уголовным при следовании этапом». В Архангельской губернии Всеволод Александрович жил на скудное казенное пособие. Размер его был мизерным, но и оно выдавалось только после тщательной проверки степени нужды просителя. В ответ на запрос из Архангельска об имущественном положении семьи Владимирских пермский полицмейстер пишет: «Никакого движимого и недвижимого имущества Владимирский В. А. в г. Перми не имеет. Мать, 66 лет, живет в Перми, находится на иждивении холостого сына Ивана, 35 лет. Проживающий в Перми брат Федор, 38 лет, женат, имеет детей. Александр Владимирский, 36 лет, проживает в Верхних Курьях Оханского уезда. Ювентин Владимирский, 39 лет, женат, имеет детей, проживает в заводе Варзи Ятчи (Вятская губерния). Зинаида Владимирская, 32 лет, живет в селе Никольске Екатеринбургского уезда»²⁵.

В июне 1905 г. Владимирский, с разрешения властей, переезжает в г. Яранск Вятской губернии. В неофициальном рейтинге ссыльных мест губернии Яранск числился на одном из последних. Современники писали: «Один вид Яранска и его окрестностей мог убить всякую надежду, всякую мечту». В октябре 1905 г. Всеволод Александрович по просьбе товарищей вернулся в Пермь. Здесь он участвовал в организации и проведении забастовки на Мотовилихинском заводе. 13 декабря 1905 г. его вновь арестовали. После рассмотрения «политического дела» выездной сессией Казанской судебной палаты 5-10 декабря 1906 г., Владимирский был оправдан. После освобождения из-под стражи Всеволод Александрович уехал в Ташкент работать «по переселенческому делу», а затем в Петербург для работы консультантом по агрономическим вопросам во II Государственной Думе. После роспуска Думы его пригласили на работу Московским губернским агрономом, в качестве которого он проработал с 1909 по 1913 гг. Он умер от тифа 13 декабря 1913 г., оставив на руках жены Анны Петровны двух маленьких детей: сына Владимира и дочь Людмилу.

В 1914 г. члены Московской земской управы А. П. Левицкий и В. В. Хижняков обратились посредством газет ко всем знавшим Всеволода Александровича «с просьбой прислать всякого рода воспоминания»²⁶. Агроном Оханского земства Пермской губернии Эм. Лейрих в газете «Земский агроном» предложил «выразить уважение всех агрономов своему выдающемуся кол-

леге учреждением при одной из высших агрономических школ стипендии имени Владимирского для детей агрономов». По мнению редакции, такую стипендию следовало бы учредить в Петровско-Разумовской сельскохозяйственной академии, где Владимирский получил образование²⁷.

В 1917 г. «Пермская земская неделя» писала: «Пермская губернская земская управа, по примеру Московского земства, постановила заказать увеличенный портрет пермского губернского агронома Всеволода Александровича Владимирского и поместить его в агрономическом отделении губернского земства»²⁸. Вскоре это постановление было выполнено. Газеты писали: «Светлая память о первом губернском агрономе сохраняется среди крестьян и земских деятелей Пермской и Московской губерний»²⁹.

Помнили о заслугах Всеволода Владимирского и при советской власти. На основании постановления Совета Народных Комиссаров в феврале 1923 г. ЦК при НКСО (Народном комитете социального обеспечения) Анне Петровне Владимирской была назначена «пожизненная персональная пенсия за заслуги мужа в размере 75 рублей в месяц». Пермская газета «Звезда» в 1926 г. писала: «в Госмузей доставлен с опытной станции большой портрет известного местного руководителя рабочего движения и марксиста-лектора 1905 г. Всеволода Александровича Владимирского. Музей революции делает с него для своих комнат копию»³⁰.

Имя Всеволода Александровича Владимирского не забыто и сегодня. Как говорится, большое видится на расстоянии. Работа первого пермского губернского агронома сегодня оценена его последователями. Так, в диссертационной работе на степень доктора экономических наук в 2001 г., профессор, преподаватель Российского государственного аграрного университета – МСХА им. К. А. Тимирязева Козлов Вячеслав Васильевич пишет: «Первый успешный опыт организации системы сельскохозяйственного консультирования в России принадлежит Пермской губернии. В 1887 г. (правильно в 1888 г – Н. К.) эту службу возглавил выпускник Петровской земледельческой и лесной академии В. А. Владимирский, который творчески заимствовал с Запада идеи планомерной и регулярной организации агрономической помощи сельскому населению. Его практические подходы и реализованный им метод участковой или волостной агрономии, начал распространяться в России только с 1906 г.»³¹

Помнят и чтут заслуги первого губернского агронома В. А. Владимирского в Пермской государственной сельскохозяйственной академии им. Д. Н. Прянишникова. Сын Всеволода Александровича, Владимир, получил образование в Пермском университете, долгие годы жил и работал в Перми. Сегодня в нашем городе живут внук и правнуки Всеволода Александровича, которые гордятся им и бережно хранят все, что связано с его именем.

¹ ГАПК. Ф. 37. Оп. 6. Д. 302. Л. 104об-105.

² Там же. Ф. р-926. Оп. 1. Д. 369. Л. 85-87.

³ Памятная книжка Пермской губернии на 1880 г. – Пермь, 1880. – С. 89.

⁴ ГАПК. Ф. 65. Оп. 1. Д. 439. Л. 1-3.

⁵ Пермская земская неделя. – 1913. – № 51. – С. 22-24.

⁶ Журнал Пермского губернского земского собрания. 1888. № 9. С. 64.

⁷ Журнал Пермского губернского земского собрания. 1888. № 11. П. 13. С. 98-99.

⁸ Сборник Пермского земства. 1888. № 4. С. 90.

⁹ Там же. № 8. С. 248-249.

¹⁰ Там же. № 21. С. 605.

¹¹ Там же. № 23. С. 674-679; 1889. № 1-2. С. 24-29.

¹² Голубев П. Памяти Всеволода Александровича Владимирского// Материалы по изучению Пермского края. – Пермь, 1915. – Вып. 5. – С. 84-87.

¹³ Революционеры Прикамья. – Пермь, 1966. – С. 108-114.

¹⁴ Пермская земская неделя. – 1913. – № 51. – С. 22-24.

¹⁵ Отчет Пермского научно-промышленного музея за 1901 г. – Пермь, 1902. – С. 6, 27, 32, 33, 64, 69, 72, 73.

¹⁶ То же за 1902 г. – Пермь 1903. – С. 9.

¹⁷ Кашихин Л. С. «Дедушка Пермского прогресса» доктор П. Н. Серебrenников. – Пермь, 1991. – С. 72.

¹⁸ Пермская земская неделя. – 1915. – № 49. – С. 16.

¹⁹ Там же. № 48. С. 19.

²⁰ Верхованцев В. С. Летопись города Перми с 1890 по 1912 г. – Пермь, 1913.

²¹ Журналы Пермского уездного земского собрания XXXI очередной сессии. – Пермь, 1900. – С. 385.

²² Отчет о деятельности Пермского библиотечного общества им. Д. Д. Смышляева за 1901 год. – Пермь, 1902. – С. 3-6, 11-12, 15-16.

²³ Отчет о деятельности Пермского библиотечного общества им. Д. Д. Смышляева за 1901 год. – Пермь, 1902. – С. 25, 27, 28, 93, 94, 96, 100.

²⁴ ГАПК. Ф. р-790. Оп. 1. Д. 494. Л. 1-3.

²⁵ ГАПК. Ф. 65. Оп. 5. Д. 173. Л. 5, 7-13.

²⁶ Пермская земская неделя. – 1914 г. – № 18. – С. 10.

²⁷ Там же. – № 22. – С. 13.

²⁸ Там же. – 1917. – № 2. – С. 25.

²⁹ Там же. – № 38. – С. 26.

³⁰ ГАПК. Ф. р-180. Оп. 4. Д. 179. Л. 23а.

³¹ Козлов В. В. Формирование и функционирование региональной информационно-консультативной службы АПК (Теория, методология и практика): Дисс. работа д-ра экон. наук: 08.00.05: Москва, 2001 г. [49, с. 18].

ЧУДЬ В «УЧЕНЫХ ПУТЕШЕСТВИЯХ» ПО УРАЛУ КОНЦА XVIII ВЕКА

В конце XVIII века Императорская Академия наук предпринимает пять физических экспедиций по изучению восточных рубежей Российской империи. Три из них были посвящены Уралу. В результате этого проекта вышло несколько томов путевых отчетов с подробным описанием географии, экономики и культуры уральского региона. Научное значение их было связано с первой попыткой систематического описания не так давно присоединенной и лишь фрагментарно изученной территории. В общекультурном отношении эти отчеты призваны были ввести в сознание образованной российской общественности целостный образ Урала.

Эта просветительская роль была вполне осознана авторами проекта. Не случайно отчеты написаны в жанре путевых записей – для большего удобства чтения. Они не перегружены терминологией и весьма корректны в описательной части. Так, И.И. Лепёхин предпочел вынести списочные материалы в специальные приложения к основному тексту путевых наблюдений. Отчеты не лишены занимательности – они описывают дорожные приключения путешественников, их встречи и знакомство с обычаями и нравами местного населения. На глазах читателей происходит открытие неизвестной страны, экзотической и опасной, что придает особую интригу для чтения. Элементы беллетристического повествования заставляют воспринимать научный отчет и как опыт первоначального литературного обобщения образа описываемого пространства. Кроме того, формированию обобщенного представления об Урале способствует повторяемость основных пространственных и культурных сюжетов. Одним из таких постоянных сюжетов во всех путевых отчетах стало упоминание о древних жителях Урала – Чуди. Как представляется, ученые путешествия устойчиво закрепили в русской книжной традиции связь Урала с преданиями о Чуди.

Интерес к Чуди у путешествующих ученых носил прежде всего прикладной характер. Дело в том, что одной из главных целей всех путешествий было описание рудных богатств Урала, которые служили основой для развития местной горнозаводской промышленности. Рассказы о Чуди в основном связаны с обследо-

ванием древних копей, которые нередко служили ориентиром для разработки горной породы в этом месте: «В четырех верстах от сего завода (*Каноникольского – прим. Е.В.*) на речке Куртлы находится старинная или так называемая Чудская копь. Тут и инде попадающаяся такие копи доказывают, что в сих местах были рудные промыслы еще за много лет до заведения металлопавиленных заводов россиянами...» [Лепёхин 1772, ч.2: 97]. Не случайно, самые крупные рудники, такие как Гумешевский, Кукишинский, Синарский, были окружены старинными чудскими ямами. Гумешевский и Кукишинский рудники обследовали П.-С.Паллас и И.И.Лепёхин, Н.П.Рычков писал о многочисленных чудских копанях по нагорному берегу Ика и рядом с Нагайбацкой крепостью. Плотность этих упоминаний заставляет согласиться с И.И.Лепёхиным, который говорил о том, что чудские копани «наибольший подали повод заводчикам помышлять о заведении рудокопных промыслов...» [там же].

Описания старинных копаней, сделанные учеными путешественниками, стали одним из первых свидетельств о горном искусстве древних жителей Урала. И.И.Лепёхин отметил, что «...древние сих стран обитатели не только медных, но и других высоких металлов плодами пользоваться умели» [Лепёхин 1772, ч.2: 169]. Более того ученый счел нужным предположить, что до железных руд они не были большими охотниками. Способ добычи был отличен от современного: «...ибо они входили в землю, не делая никаких подстав, а отверстия их подкрепляла та же самая земля, которой верхи выделявали они наподобие свода» [Рычков 1770, т.1: 67-68]. Ученые не раз удивлялись чудским усердием и сноровке в опасном горном деле: «Таким образом проходили они в самые глубокие места, и свод, держащий на себе превеликую тяжесть земли, еще и донныне во многих местах не обрушился» [Рычков 1770, т.1: 68]. П.-С.Паллас пишет о том, что старинные штольни «тем примечания достойнее, потому что состоят только в круглых каналах и ходах, которые ни обиты досками, ниже столбами подперты» [Паллас 1773, ч.1: 370].

П.-С.Паллас достаточно подробно описал одну из штолен возле Оренбурга, подняв вопрос о способе переплавки меди у древних рудокопов: «При Сайгачем руднике найдена кроме многих ширфов чрезвычайно пространная и во многих местах разработанная штольня еще в хорошем состоянии, при расчищении которой найдены не токмо лепешки сплавленной меди, но и много круглых из белой глины сделанных горшков, в кото-

рых медь плавил, да и кости засыпанных землею работников; но не видали ни малейшего следа плавильных печей» [Паллас 1773, ч.1: 370]. И.И.Лепёхин также говорит об отсутствии плавильного производства: «... мне кажется, тщетно прилагают старания те, которые ищут примет бывших в сих местах плавильных заводов» [Лепёхин 1772, ч.2: 98].

Добыча руды велась кабаньими клыками: «Они никогда порядочно руд не добывали, но лазя под землей наподобие кротов, отковыривали лучшую руду кабаньими клыками...» [Лепёхин 1772, ч.2: там же]. Освещались штольни сосновыми лучинами: «Прежде находили не совсем еще засыпанные рвы и копани и полуобгорелые в стены воткнутые сосновые лучины, кои древние работники вместо свеч употребляли» [Паллас 1786, ч.2, кн.1: 199]. П.-С.Паллас рассказывает также о том, что у владельца Гумешевского рудника г.Турчанинова хранятся сумка и перчатка из лосиной кожи, которые были найдены в мае этого, т.е. 1770 года, на глубине примерно 9 сажен. Путешественник заинтересовался находками и подробно остановился на их описании: «Рукавица длиною вершков шести из звериной головы сделана, и при том так, что ухом надевается на большой палец, а края оставлены просто, и следственно можно оную надевать как на правую, так и на левую руку. Не смотря на влажность места рукавица с естественною своею и природною шерстью уцелела, а сумка вершков двенадцати длиною и вершков девять шириною в земле несколько попортилася» [Паллас 1786, ч.2, кн.1: там же]. По мнению ученого, сохранившиеся свидетельства говорили о «прилежании и знании горных промыслов» [Паллас 1786, ч.2 кн.1: 198] у древних народов, живших в этом месте.

Важное наблюдение сделал П.-С.Паллас и по поводу географии расположения чудских копаней. Поскольку он обследовал всю горнозаводскую часть Урала от Оренбурга до Красновишерска, картина складывалась достаточно полная. В частности, ученый задолго до специальных археологических исследований, предпринятых только в XIX в., отметил, что на севере древних копаней, «таких как на Южном Урале и Алтайской горе», не встречается. «Из сего можно заключить, что тот нам неведомый народ, который по всей Сибири горную производил работу, не доходил до северных лесов, но избирал откровеннейшие горы и теплейший климат,» — пишет ученый [Паллас 1786, ч.2, кн.1: 199]. Таким образом, П.-С.Паллас был склонен связывать наи-

менование Чуди с неким единым народом, проживающим на юге Урала и Сибири, основной род деятельности которого был связан с рудными промыслами.

В целом, исходя из геологоразведочных целей ученых-путешественников в их отчетах закрепляются прежде всего предания о Чуди-рудокопах. В обстоятельном перечне преданий о Чуди, составленном В.П.Кругляшовой [Кругляшова 1974], этот сюжет назван самым ранним среди зафиксированных. Подчеркнем только, что ученые путешествия в этом отношении сыграли одну из ведущих ролей. Не случайно, и фольклористы, и геологи, и историки в своих исследованиях горного дела на Урале в первую очередь ссылаются на эти отчеты ученых-путешественников.

Другим устойчивым сюжетом в рассказах о чуди становится описание древних укреплений — чудских городищ. П.-С.Паллас, склонявшийся, как уже было отмечено, к сибирскому происхождению чуди, описывая одно из укреплений на озере Няляг, так комментирует его название: «На Южном плоском открытом сего озера береге верст восемь от Киштимского завода виден небольшой взгористой курган тем достопамятный, что около оногo примечательно весьма древнее укрепление, от жителей по Сибирскому обыкновению Чюдским называемое (выделено Е.В.)» [Паллас 1786, ч.2, кн.1: 166-167]. Путешественник расспрашивает местных башкир о крепости, и не получив каких-либо объяснений, предполагает ее татарское происхождение: «Что за народ созидал сию и прежде упомянутую крепостицу, здешние окрестные башкирцы не ведают; мне кажется, что оные весьма с татарскими укреплениями сходствуют» [Паллас 1786, ч.2, кн.1: 169]. Паллас вынужден опираться только на свои собственные наблюдения, сопоставляя их с увиденным раньше.

Сюжетную линию, связанную с древними городищами, по своему отобразил в своих путевых отчетах Н.П.Рычков, подробно описавший Чертово городище возле Елабуги. Опираясь на местные предания, путешественник рассказывает о древнем языческом храме, первым появившимся на этом месте: «По известиям, которые мне сообщил недалеко от Елабуги живущий заводчик Красильников, в сем месте бывал храм древних язычников, обитавших в сей стране» [Рычков 1770, т.1: 45]. В храме жил оракул и «народ стекался к нему со всех сторон для вопрошения» [там же]. До Рычкова также дошло предание о живущем в храме змее, которого «умилостливлили приноше-

нием ... в жертву людей иноплеменных, и тем его питали» [Рычков 1770, т.1: 46]. Любопытно, что Рычков рассказывает об «отрощенной и приятной березовой роще» [Рычков 1770, т.1: 50], которую, по его мнению, почитали как христиане, так и язычники. Назначение этой березовой рощи он связывает с сохранившимся между «черемисами, чувашами и другими народами, пребывающими в глубине невежества и неверия» [там же] обыкновения приносить «жертву посреди отрощенного лесу» [там же]. Размышляя о происхождении крепости, Н.П.Рычков предполагает, что ее построили Болгары. Впрочем, путешественник не настаивает на своей версии, оставляя решение этого вопроса «искусным и упражняющимся в истории» [Рычков 1770, т.1: 51]. Важно, что благодаря подробному и энергичному описанию этого локуса как места проживания загадочного народа, Н.П.Рычков закрепляет в представлениях об Урале тему языческой древности.

И.И.Лепёхин фиксирует в своих дневных записях еще один сюжет уральских преданий о Чуди. Он связан с коренными обитателями уральского севера – коми-пермяками и зырянами, которых называют Чудью «по старинному наименованию всех неизвестных нам соседей» [Лепёхин 1780, ч.3: 195]. Свои догадки о происхождении этнонима «пермяки» Лепёхин основывает на «пермяцких сказаниях» о богатыре Перя: «Грамота сия дана была одному из Чюди, жившему на Каме верстах в 50 от того места, где ныне стоит село Гойна. Сей Чюденин, по их уверениям, был отменной силы <...> Сказуемая отменная его сила возбудила любопытство Государево, и он призван был в Москву, где в награждение ему дана была грамота за Государевой рукою на известный земли округ <...> Сей богатырь назывался Перя, из чего кажется заключить можно, что по крайней мере, его семейство называлось Перяки <...> а по времени для удобнейшего выговора из Перяков произошли Пермяки» [Лепёхин 1780, ч.3: 195-196]. Таким образом, лингвистические штудии Лепехина рекомендуют его как весьма прозорливого ученого, не склонного закреплять за именованной Чуди какую-то конкретную народность. Тем не менее, легенда о Пере входит в контекст ученых рассказов об уральской Чуди, дополняя образ этого загадочного народа новыми преданиями.

Эрудиция И.И.Лепехина была основана на прекрасном знании летописей и трудов русских историков, касающихся уральского севера. Так в описании Холмогор он опирается на лето-

писные свидетельства о торговле датчан с «Чюдским народом», который не «только войною, но и купечеством своим» [Лепёхин 1780, ч.3: 321] был славен, а также на российскую историю Емина, который ссылается на Стурлезона, рассказывающего о том, как «датчане входили в Двину морскими судами и имели с тамошними Чюдами, или Чудью, торги» [там же]. Упоминает также Лепёхин о том, что «Чюдской народ кланялся идолу Ямаллу, или Ямалу» [там же].

Примыкают к чудской теме рассказы ученых о древних языческих капищах. Однако нужно отметить, что объединение этих рассказов с чудью – результат более позднего научного обобщения. В своем известном труде «Пермистика» Л.В.Баньковский, пересказывая описание древнего вогульского капища в пещере под Яйвой, пишет: «И.И.Лепёхин на пути из Верхотурья в Соликамск записал рассказы местных жителей о том, что пещера «служила общим капищем всего вогульского народа» и «до днесь в сей пещере можно видеть утхлые деревянные болваны, составляющие вогульское божество». В честь божества и в дар ему «пермская чудь» предпринимала торжества и совершала ритуальные жертвоприношения» [Баньковский 2009: 128]. Вместе с тем сам И.И.Лепёхин вогулов Чудью не называл. И под Яйвой и на горе Белой он посещает «вогульские капища», где по местным легендам обряды «идолослужения» «отправляли вогулы, будучи язычниками» [Лепёхин 1780, ч.3: 85].

Перечисленные сюжеты формируют несколько устойчивых мотивов в описании уральской Чуди – искусственность в горном промысле и градостроительстве, коренной характер проживания и язычество. Позитивистский настрой ученых путешественников не способствовал мифологическим трансформациям или эмоциональным обобщениям. Используемые учеными предания всегда корректно введены в текст: каждый из путешественников считает необходимым сослаться на услышанный – чаще всего «от местных заводчиков» – рассказ. В русскую культуру со страниц путевых отчетов попал образ народа, существование которого подтверждено фактическими данными – многочисленными горными разработками, остатками городищ и капищ, а также бытующими преданиями.

На наш взгляд, ученый объективизм первых свидетельств о Чуди оказал серьезнейшее влияние на формирование отношения русской – в данном случае колонизаторской – культуры к коренному населению Урала. «Чудской текст» ученых путе-

ЦЕРКОВНЫЕ БИБЛИОТЕКИ НА УРАЛЕ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

шествий и исследований XVIII в. демонстрировал позитивистскую попытку понимания Другого. Более того, пытливые погружение ученых в историю древнего севера, заставило утверждать родство чудского и русского народов: «Все писавшие о древности российского народа утверждают, что большая часть оного происходит от Чюдского поколения» [Лепёхин 1780, ч.3: 321]. В общей перспективе осмысления русской колонизации Урала факт признания Чуди в качестве своих предков принципиально меняет характер этнических взаимоотношений: снимается категоричность превосходства колонизаторов. Закрепившийся в русской культуре интерес к преданиям о Чуди отражал и одновременно формировал специфический характер русской колонизации на Урале, связанной с геополитической необходимостью поиска путей взаимодействия в условиях полинационального заселения территории.

Список литературы

- Баньковский Л.В. Пермистика//Пермистика. Пермь, 2009.
- Кругляшова В. П. Жанры сказочной прозы Уральского горнозаводского фольклора. Свердловск, 1974.
- Лепёхин И.И. Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепёхина по разным провинциям Российского Государства. Ч.1-4. СПб., при Имп. Акад. наук, 1771-1805. Ч. 1. 1771.; Ч. 2. 1772; Ч. 3. 1780; Ч. 4. 1805.
- Паллас П.-С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. [Пер. с нем.]. СПб., при Имп. Акад. наук, 1773-1788. Ч.1.Физическое путешествие по разным провинциям Российской империи, бывшее в 1768-1769 гг. 1773; Ч.2.Физическое путешествие по разным провинциям Российской империи, бывшее в 1770 г. 1786.
- Рычков Н.П. Журнал, или Дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства 1769 и 1770 гг. Спб., при имп. Акад. наук, 1770-1772. Т. 1. 1770; Т. 2. 1772.

Сегодня мало у кого вызывает сомнение мысль, что возрождение России возможно только на духовно-нравственной основе. Поэтому наше общество все чаще обращается к своему духовному потенциалу и духовному опыту, накопленному в книжных богатствах. В истории библиотечного дела России одной из самых малоизвестных страниц стала роль и место церковных библиотек в российской библиотечной системе. На первый взгляд такая ситуация является странной и нелогичной, так как первой российской библиотекой была библиотека при Софийском соборе в Киеве, открытая при Ярославе Мудром и именно от монастырских библиотек берёт свое начало история российского библиотечного дела и библиотек на Руси.

В Древней Руси книги записывались на пергамене (пергаменте), то есть на телячьей коже, что было чрезвычайно дорого. Одна книга могла сравняться по стоимости нескольким стадам коров. В настоящее время книг написанных на пергамене с X по XIII вв. сохранилось до нашего времени всего 130 рукописей. Несмотря на дороговизну только в одном ростовском монастыре – Затворе, который находился рядом с резиденцией ростовского епископа, в начале XIV в. в монастырской библиотеке насчитывалось более 1000 книг. С изобретением бумаги и появлением скорописи, то есть с XIV в. количество книг хранящихся в монастырских и церковных библиотеках резко возросло. В средневековой Руси самой крупной была Синодальная библиотека в Москве, которая появилась в XVI веке (до 1721 года она называлась Патриаршей). Это было уникальное хранилище церковных и светских книг (в некоторые периоды сюда поступали обязательные экземпляры всех православных книг, государственных указов и др.)¹. С появлением духовных академий и семинарий наиболее крупными книгохранилищами стали библиотеки духовно-учебных заведений. В Санкт-Петербургской духовной академии в начале XX века собралось более 150 тыс. томов и 4116 рукописей, в Киевской – более 100 тыс. томов и 937 рукописей, в Московской духовной академии – более 100 тыс. одних только названий, без учета томов и экземпляров².

Несомненно в каждой церкви были книги. Какие книги должны быть в каждой церкви можно узнать, например, из инструкции благочинного, посланной в 1792 году из Кирилловского духовного правления в Вещезерскую церковь Рождества Христова священнику Василию Иванову: «Надлежит необходимо быть в каждой церкви под-

лежащему числу книг к исправлению службы Божией потребных, яко то Евангелие напрестольное, облеченное приличною материею и украшенное, Апостол, Служебник, дванадесять Миней месячных, Устав, Триоди постная и цветная, два Октоиха, Псалтирь следованная, Часослов, Требник великий и малый, Ирмолог, книжица молебственная, книжица на день восшествия Ея Императорскаго Величества и на Полтавскую баталию, реестр панихидной, табель торжественных молебнов, новоизданныя проповеди». И далее: «...где которых из показаннаго числа книг не нашлось или бы и нашлись, но изодраны и зело ветхи или старопечатны, от прихожан требовать, чтоб оные книги, яко для исправления службы Божией нужные, были куплены, в случае ж их нерадения представлять»³.

Система монастырских и церковных библиотек, а также книгохранилища духовных академий и семинарий выполняла в основном чисто прагматические функции, обеспечивая книгами учебный процесс и богослужебную практику.

В XIX в. возросла потребность российского общества в сети массовых публичных библиотек. 23 (10) апреля 1830 года президент Императорского Вольного Экономического общества граф Н. С. Мордвинов, по поручению Общества, обратился к министру внутренних дел А. А. Закревскому с предложением об учреждении публичных библиотек в губернских и уездных городах. 5 июля 1830 года Циркулярное предписание министра внутренних дел за № 777 «О заведении в губерниях публичных библиотек для чтения» было направлено в губернии города России, в котором губернаторам предлагалось на местах изыскать средства для их создания. Со своей стороны, Императорское Вольное экономическое общество обязалось отправлять каждой публичной библиотеке по два экземпляра всех издаваемых им книг. В течение следующих десятилетий было открыто более 30 подобного рода библиотек. Однако подлинный библиотечный бум начался в пореформенный период.

Церковная библиотечная система не могла оказаться вне этого процесса. 15 февраля 1832 г. вышел циркулярный указ Св. Синода о создании приходских библиотек⁴. На рубеже XIX-XX вв. в каждой епархии складывается сеть библиотек для массового читателя. Однако, деятельность церковных библиотек так практически и остается неизученной страницей в истории библиотечного дела в России. В советской историографической традиции было принято акцентировать исследовательское внимание в основном на истории крупных публичных библиотечных комплексов и практически игнорировались вопросы, связанные с народными библиотеками к которым относится сеть церковных библиотек⁵.

Собственно церковные библиотеки стали предметом изучения только в последнее время. Несмотря на это работ, анализирующих состояние церковных библиотек, чрезвычайно мало⁶.

Таблица №1
Церковные и благотворительные библиотеки в XIX в.

Царствование	Годы	Паства	Библиотеки		
			При церкви	В благотворительных округах	Всего
Николай I	1825	33906249	-	-	-
	1855	49099717	10780	390	11170
	Разн.	15793468	-	-	-
Александр II	1881	64711026	15615	635	16250
	Разн.	15610529	4835	245	5080
Александр III	1894	75959709	21535	826	22361
	Разн.	11249463	5920	191	6111
Николай II	1902	86259732	28278	1637	29915
	Разн.	10300023	6743	811	7554

Преображенский И.В. Что говорят цифры о состоянии Церкви в царствование Императоров: Николая I, Александра II, Александра III и в настоящее царствование по 1903 год: статистическая справка для соображений по вопросу о церковной реформе // Прибавления к Церковным ведомостям.-1906.-№51-52.-23 декабря. - С. 3165-3169.

В систему церковных библиотек входили епархиальные, благотворительные и церковно-приходские библиотеки⁷. В России к 1914 г. было 10 епархиальных библиотек, 31828 при церквях и 1465 при благотворительных округах⁸. В 1902 г. количество церковных библиотек по сравнению с 1855 г. увеличилось в 2,7 раза, а в 1915 г. по сравнению с 1855 г. увеличилось в 3 раза.

Подобная же динамика роста происходила и на Урале. Под территориальными рамками такого историко-географического региона как Урал подразумевается пять епархий: Вятская, Екатеринбургская, Оренбургская, Пермская и Уфимская. Однако были и территориальные изменения – сократилась Оренбургская епархия. 7 ноября 1908 г. Св. Синод утвердил изъятие из ведения Оренбургского епархиального начальства Уральской области и передаче ее ведения Самарскому епархиальному начальству с переименованием епископа Оренбургского и Уральского в епископа Оренбургского и Тургайского⁹.

Количество церковных библиотек на Урале 1905-1915 гг.

Годы	Епархии:					По Уралу	По России
	Вятская	Екатеринбургская	Оренбургская	Пермская	Уфимская		
1905	579	355	562	294	356	2146	29659
1906	586	359	571	298	377	2191	29987
1907	595	362	593	307	388	2245	30323
1908	617	362	617	307	388	2291	30560
1909	628	369	552	327	388	2264	31250
1910	643	406	556	357	392	2354	31653
1911	663	408	576	382	394	2423	32149
1912	668	414	592	409	394	2477	32753
1913	676	431	624	426	416	2573	33393
1914	678	434	635	432	420	2599	33497
1915	689	434	654	432	425	2634	33889

См.: Всеподданейший отчет обер-прокурора Св.Синода по ведомству православного исповедания за 1905-1907 годы.-Приложение.-Спб.,1910.-С.74-75; Он же за 1908-1909 годы.-Спб.,1911.-С.88-92; Он же за 1910 год. - Спб.,1913. - С.12-13; Он же за 1911-1912 годы.-Спб.,1913.-С.22-25; Он же за 1913 год.-Пгр.,1915.-С.14-15; Он же за 1914 год. - Пгр., 1916.-С.14-15; Обзор деятельности Ведомства православного исповедания за 1915 год.-Ведомости за 1915 год.-Пгр.,1917.С.14-15.

Рост церковных библиотек на Урале 1905-1915 гг. в %

Годы	Епархии:					По Уралу	По России
	Вятская	Екатеринбургская	Оренбургская	Пермская	Уфимская		
1905	100%	100%	100%	100%	100%	100%	100%
1906	101%	101%	101%	101%	106%	102%	101%
1907	103%	102%	105%	104%	109%	104%	102%
1908	106%	102%	110%	104%	109%	107%	103%
1909	108%	104%	98%	111%	109%	105%	105%
1910	111%	114%	99%	121%	110%	109%	107%
1911	114%	115%	102%	130%	111%	113%	108%
1912	115%	116%	105%	139%	111%	115%	110%
1913	116%	121%	111%	145%	117%	120%	112%
1914	117%	122%	113%	147%	118%	121%	113%
1915	119%	122%	116%	147%	119%	123%	114%

См.: Всеподданейший отчет обер-прокурора Св.Синода по ведомству православного исповедания за 1905-1907 годы.-Приложение.-Спб.,1910.-С.74-75; Он же за 1908-1909 годы.-Спб.,1911.-С.88-92; Он же за 1910 год. - Спб.,1913. - С.12-13; Он же за 1911-1912 годы.-Спб.,1913.-С.22-25; Он же за 1913 год.-Пгр.,1915.-С.14-15; Он же за 1914 год. - Пгр., 1916.-С.14-15; Обзор деятельности Ведомства православного исповедания за 1915 год.-Ведомости за 1915 год.-Пгр.,1917.С.14-15.

Место церковных библиотек Урала в России

Годы	По Уралу	% от общероссийского	По России
1905	2146	7,23%	29659
1906	2191	7,30%	29987
1907	2245	7,40%	30323
1908	2291	7,49%	30560
1909	2264	7,24%	31250
1910	2354	7,43%	31653
1911	2423	7,53%	32149
1912	2477	7,56%	32753
1913	2573	7,70%	33393
1914	2599	7,76%	33497
1915	2634	7,77%	33889

См.: Всеподданейший отчет обер-прокурора Св.Синода по ведомству православного исповедания за 1905-1907 годы.-Приложение.-Спб.,1910.-С.74-75; Он же за 1908-1909 годы.-Спб.,1911.-С.88-92; Он же за 1910 год. - Спб.,1913. - С.12-13; Он же за 1911-1912 годы.-Спб.,1913.-С.22-25; Он же за 1913 год.-Пгр.,1915.-С.14-15; Он же за 1914 год. - Пгр., 1916.-С.14-15; Обзор деятельности Ведомства православного исповедания за 1915 год.-Ведомости за 1915 год.-Пгр.,1917.С.14-15.

Таким образом, на Урале рост библиотек был выше общероссийского. Если с 1905 по 1915 гг. в России количество библиотек увеличилось на 14%, то по Уралу этот показатель составил 23%. Удельный вес церковных библиотек уральских епархий в России также увеличился с 7,23% до 7,77%. На Урале две епархии Оренбургская и Вятская достигли того, что в каждом приходе функционировала библиотека.

В Оренбургской епархии помимо приходских библиотек имелись окружные библиотеки, а в миссионерских пунктах – миссионерские. Кроме этого были библиотеки в церковных школах, их называют народными библиотеками, а также библиотеки от общества трезвости¹⁰.

Церковными библиотеками пользовались причты и частью прихожане, и пополнялись они на церковные средства¹¹. Окружные библиотеки предназначались исключительно для духовенства и потому пополнялись за счет причтов книгами¹². На пополнения миссионерских библиотек в некоторых округах ежегодно ассигновалась до 50 рублей¹³. Были церковные библиотеки, где количество книг достигало 700 экземпляров. При некоторых церквях были заведены книги для записи людей, берущих книги¹⁴.

Оренбургское Михаило-Архангельское братство имело в Оренбурге особый книжный магазин, обороты которого достигали нескольких десятков тысяч рублей, а также братство имело книжную лавку в городе Гурьеве, Уральской области¹⁵.

Оренбургский епископ в своем отчете за 1907 г. дал следующую оценку церковным библиотекам: «В общем церковные библиотеки довольно скудны и далеко не удовлетворяют нуждам как духовенства, так и прихожан в некоторых из них кроме обязательных «Церковных ведомостей» и «Епархиальных ведомостей», почти ничего не выписывается.¹⁶ Что касается отношения членов причтов к пользованию библиотеками, то по отзыву большинства благочинных, духовенство в большинстве, особенно низшие члены клира, читают мало и неохотно, вследствие своей малообразованности, а также материальной необеспеченности, заставляющей их обращать свое время и заботы больше на свое экономическое положение»¹⁷.

В отчете о состоянии Вятской епархии за 1905 год вятский епископ жаловался на бедность церковных библиотек и считал, что лучшие библиотеки это епархиальные, уездные и благочиннические¹⁸.

Епархиальная библиотека в Вятской епархии существовала с 1898 года. Она открывалась ежедневно с 10 часов утра до 20:00 вечера, с двухчасовым перерывом, а в воскресные и праздничные дни с 11:00 часов¹⁹. В епархиальной библиотеке в 1905 году было 8776 экземпляров книг. Выписывалось 22 духовных журнала, 22 светских журнала и 8 газет²⁰. В 1905 г. библиотека имела 688 постоянных читателей, из них платных 153 и бесплатных 535. Пользовались «читальней» 14113 человек²¹. Делами епархиальной библиотеки-читальни управляет Особый комитет из 13 членов, под председательством кафедрального протоиерея Гавриила Порфирьева²². В 1906 году поступило 445 названий в 552 томах и брошюрах. 180 томов пожертвованы, а 276 томов являются периодическими изданиями и приложениями к ним. В 1905 г. было 8776 книг, а в 1906 г. было 9366 книг²³. В 1905 г. всех подписчиков было 688 человек, а в 1907 г. 780 человек, из них 152 платные. Среди подписчиков учащихся – 590 человек, духовных лиц – 60, привилегированного сословия – 79, купцов, крестьян и мещан – 51. Всего посетителей было 14049 человек²⁴. В 1907 г. всех подписчиков было 728 человек, из них платных 138, а бесплатных 590. Общее число подписчиков уменьшилось на 52, из них платных на 14, а бесплатных на 38 подписчиков²⁵. Всех книг выдано 25503, это мень-

ше, чем в 1906 году на 205. На каждого читателя приходится 35, 1 книг. Всех посетивших библиотеку было 13698, против 1906 года меньше на 351 человек²⁶.

Епархиальный книжный склад в Вятке также появился в 1898 г. и имел в епархии, в уездных городах, заводах и селах 47 отделений²⁷. В 1905 г. из склада и его отделений было приобретено священниками 78078 экземпляров книг на 9645 рублей 7 копеек, а в течении семилетнего существования склада 548355 экземпляров книг на 75410 рублей 63 копеек²⁸.

Уездные библиотеки появились на основании епархиального съезда духовенства в 1898 г., на них было решено с 1899 г. отчислять по 2 рубля с причта из церковных сумм и по 1 рублю из личных средств духовенства²⁹.

Уездные библиотеки были открыты в 6 уездных городах епархии: Слободском, Котельниче, Орлове, Глазове, Уржуме и Яранске³⁰.

На епархиальном съезде в 1905 году обсуждали вопрос об уездных библиотеках. Большая часть депутатов (34) проголосовали за их открытие, а меньшая (18) за закрытие уездных и открытие благочинных³¹.

Дело организации уездных библиотек-читален было поручено особо учрежденным уездным комитетам, председателями коих были назначены председатели уездных отделений Епархиального Училищного Совета³².

Однако для открытия этих библиотек средств было мало. Так, например, в Елабуге для этих целей было 500 рублей, а в городе Малмыже только 39 рублей. Ввиду этого епархиальный съезд 1899 г. постановил вместо 3-х рублевого взноса с причта, отчислять 0,5% из церковных сумм, что составило сумму 2770 рублей. Сумма распределялась так - на епархиальную библиотеку - 520 рублей, на 10 уездных по 225 рублей на каждую. Однако эта мера не спасла, в 1906 г. было открыто лишь в 6 уездных городах епархии: Слободском, Котельниче, Орлове, Глазове, Уржуме и Яранске, а в прочих четырех открытие библиотеки не состоялось³³.

Епархиальный съезд 1906 г. 13 сентября постановил: «ассигновку на уездные библиотеки с 1907 года прекратить, предоставив благочинническим округам собираемые с них ежегодно на этот предмет суммы обращать на благочиннические или приходские библиотеки, где что найдено будет удобным; две уездные библиотеки могут быть пополняемы в своих средствах на счет подписной платы и пожертвований, и там, где уездные библиотеки ещё не открыты, деньги должны быть розданы по округам»³⁴.

Согласно постановлению епархиального съезда 1906 года, суммы, собиравшиеся на уездные библиотеки, с 1907 года будут переданы на благочиннические библиотеки. Существовавшая до сего времени в г. Слободском уездная библиотека с 1907 года преобразована в благочинническую³⁵.

Благочиннические библиотеки существовали, в основном, для нужд самого духовенства. Помимо церковно-приходских библиотек также в Вятской епархии имелись и народные библиотеки: «Для просвещения прихожан в духе православной церкви в некоторых приходах епархии, хотя, правда, очень немногих учреждены более ревностными священниками особые народные библиотеки, а в некоторых таковые библиотеки соединены с церковными. Библиотеки эти состоят из доступных по цене книжек, брошюр и листов религиозно-нравственного и назидательного содержания, которые или выдаются прихожанам для чтения на известное и определенное время, или продаются желающим приобрести таковые»³⁶. В народных библиотеках при церквях: продавали брошюры и листки религиозно-нравственного содержания по доступной цене или раздавали их бесплатно³⁷.

Наиболее динамичным был рост церковных библиотек в Пермской епархии: их количество по сравнению с 1905 г. в 1915 г. увеличилось на 47%. Начало XX в. характеризуется небывалым ростом количества церквей и монастырей в целом на Урале и в Пермской епархии в частности. Так, в 1891 г. в Пермской епархии насчитывалось 375 приходских церквей, а в 1911 г. уже 474, тогда как библиотек было 382. В 1915 г. приходских церквей было также 474 (всего церквей было 638, а вместе с часовнями и молитвенными домами 1170), а количество библиотек уже 432³⁸. В 1914 г. в Пермской епархии было 408 библиотек при церквях, 18 при благочинных и в 1915 году было открыто 3 библиотеки при церквях и 3 при благочинных округах³⁹. В Пермской епархии все приходские церкви были распределены по 27 благочинным округам, из них 3 округа были единоверческие, однако благочиннические библиотеки существовали не во всех благочиниях епархии. Одна из таких благочиннических библиотек находилась в Кунгурском уезде второго благочиннического округа. Эта благочинническая библиотека находилась при церкви Усть-Кишертского села под ведением священника Н. Черепанова. В библиотеке было - 565 книг, 336 названий. Она содержалась на взносы духовенства, церквей и кассы благочиния. По 1 рублю с причта и церкви и 20 рублей от кассы. В 1914 г. на поддержку библиотеки поступило 94 рубля⁴⁰.

9 июля 1910 г. на особом заседании депутатов епархиального съезда и членов Екатеринбургской духовной консистории при епископе Екатеринбургском и Ирбитском Митрофане депутат 6-го округа Екатеринбургского уезда священник Николай Ляпустин особо подчеркнул роль благочиннических библиотек для проповеднической деятельности: «Святоотеческие творения дороги, каждой церкви приобретать их недоступно; не следовало ли завести окружные благочиннические библиотеки? Затем в массе выпускаемых книг трудно разобраться; священникам нужны отзывы о книгах»⁴¹. В ответ в Екатеринбургских епархиальных ведомостях появился библиографический раздел.

Кроме того в 1912 г. в Екатеринбургской епархии была открыта епархиальная библиотека церковного Братства Св. Прав. Симеона, Верхотурского Чудотворца. Общее число посетителей за первый год существования библиотеки достигло более 1000 читателей. Библиотека выписывала почти все духовные журналы⁴², а именно: «Богословский Вестник», «Церковный Вестник», «Христианин», «Отдых Христианина», «Голос Церкви», «Вера и Разум», «Руководство для сельских пастырей», «Троицкое Слово», «Божия Нива», «Русский Паломник», «Странник», «Воскресный день», «Душеполезное чтение», «Проповеднический листок», «Православный Собеседник»; а из светских: «Вестник Воспитания», «Русская школа», «Народное образование», «Исторический вестник», «Нива»; и из газет: «Колокол», «Новое время», «Русское слово» и местные газеты. Кроме газет и журналов в библиотеку выписывались одновременно книги богословские и философские на сумму 500 рублей. Книги для прочтения выдавались бесплатно, по абонентным книжкам, а также высылались по требованию, в том числе и в епархию. Библиотека была открыта ежедневно с 10 час. утра до 6 час. вечера. Выдача книг и наблюдение за библиотекой входили в обязанности библиотекаря. Помещалась библиотека совместно с книжным складом в одном здании⁴³.

На книжном складе церковного Братства Св. Прав. Симеона, Верхотурского Чудотворца хранились листки для бесплатной раздачи, которые выпускались православными монастырями, братствами и обществом трезвости. Кроме листов, Братство имело на своем складе и книги для продажи: церковно-богослужебные, богословского содержания, сборники поучений, учебники, иконы, кресты, образки и писчебумажные принадлежности. На складе имелись и картины для волшебного фонаря, которые высылались по требованию во все приходы епархии. Для склада Братство снимало специальное помеще-

ние – лавку в центральной части города (Успенская ул., дом Лагутяева). Продажа и выписка товара, ведение прихода-расходных книг и отчетность по ведению сумм склада лежала на обязанности заведующего складом под общим наблюдением Совета Братства. Всего было продано товара из склада в 1913 году на 2.400 руб. На 1 января 1914 года состояло на складе товара на 3337 руб. Общий расход на содержание склада (помещение, отопление, освещение, жалованье продавщиц и рассыльному) выразился за 1913 г. в сумме 800 рублей.⁴⁴

К 1915 году в Екатеринбургской епархии было 424 библиотек при церквях, 7 при благочинных и в 1915 году было открыто 3 библиотеки при церквях⁴⁵. В Уфимской епархии к 1915 г. было 400 библиотек при церквях, 20 при благочинных и в 1915 году открыли 5 библиотек при церквях⁴⁶. Таким образом даже в годы войны тенденция по открытию в каждом приходе библиотеки не прервалась.

Таким образом, можно констатировать тот факт, что в начале XX века в уральских епархиях складывается стройная и эффективная сеть церковных библиотек. И несмотря на критические замечания современников, ни до, ни после данного периода церковная библиотечная система не испытывала подобного расцвета.

¹ См.: Карпова Т. Церковные библиотеки: история с поворотами // Нескучный сад. - 2006. - 16 октября // <http://rusk.ru/st.php?idar=15389>

² Там же.

³ Цит по ст.: Смирнова А. В. Из истории церковных библиотек Кирилловского уезда в XVIII - начале XX века // <http://www.kirmuseum.ru/issue/article.php?ID=2437>

⁴ См.: Отчет о состоянии Вятской епархии за 1906 год // РГИА.- Ф.796.- Оп.442.-Д.2140.-Л.13.

⁵ Подробней см.: Абрамов К. И., Васильченко В. Е. История библиотечного дела в СССР.- М., 1959.- 199 с.; Абрамов К. И. История библиотечного дела в СССР.- 2-е изд., перераб. и доп.- М., 1970.- 456 с.; Он же История библиотечного дела в СССР.- 3-е изд., перераб. и доп.- М., 1980.- 352 с.; Громова А. А. Библиотечное дело в России (в 1908-1914 годах).- М., 1955.- 44 с.; Она же Правовое положение народных библиотек в России и его изменение в 1905—1907 годах.- Л., 1956.- 38 с.; История библиотек: Исследования, материалы, документы. Сб. науч. тр.- СПб.: РНБ, 1996.- Вып. 1.- 219 с.; История библиотек: Исследования, материалы, документы. Сб. науч. тр.- СПб.: РНБ, 1999.- Вып. 2.- 200 с.; История библиотек дореволюционной России. Становление и развитие: Конференция 18-20 октября 1994 года: Тезисы сообщений.- СПб., 1994.- 116 с.; История библиотечного дела в аспекте культурологии и историографии // Библиотековедение.- 1999.- № 7-12.- С.132-144; История русского читателя: Сб. ст.- Л: ЛГИК, 1982.- 164 с.

⁶ См.: Улыбина Л. О церковных библиотеках Тобольской епархии. Их постигла печальная участь [Текст] // Тюменская правда, 1991. — 25 декабря. — С. 3; Ковалев Ю. А. Церковные библиотеки Тобольской губернии на рубеже XIX-XX веков // Сибирская православная газета.-2008.-№9// <http://www.ihtus.ru/092008/st11.shtml>; Смирнова А. В. Из истории церковных библиотек Кирилловского уезда в XVIII - начале XX века // <http://www.kirmuseum.ru/issue/article.php?ID=2437>; Круглый стол по религиозному образованию и диаконии. Религиозное образование: *православные библиотеки* // http://www.rondtb.msk.ru/info/ru/libraries_ru.htm; Тихоненко Т.В. Церковные библиотеки из XIX — в XXI//Библиотечное дело.- 2004.-№7 (19) // <http://www.bibliograf.ru/issues/2004/8/26/0/455/>; Матвеев М. Ю. Хорошо забытое старое: церковно-приходские библиотеки // Библиотека.- 1998.- № 7.-С.98-99; Фунтикова С.П. Православные библиотеки: прошлое и настоящее. Учебное пособие. Издание 2-е, доп. и перераб. М.: МГУКИ, 2002.

⁷ В дореволюционной литературе обычно под церковными библиотеками подразумевали приходские библиотеки. В советской и постсоветской историографии не сложились определенные традиции. В этой статье речь идет о церковных библиотеках, как о целом комплексе библиотек, поэтому мы употребляем термин церковно-приходские библиотеки.

⁸ См.: Всеподданейший отчет обер-прокурора Св.Синода по ведомству православного исповедания за 1914 год.-Приложение. Ведомости за 1914 год — Пгр.,1916.-С.14-15.

⁹ См.: Отчет о состоянии Оренбургской епархии за 1908 год//РГИА.- Ф.796.-Оп.442.-Д.2288.-Л.1.

¹⁰ См.: Отчет о состоянии Оренбургской епархии за 1907 год//РГИА.- Ф.796.-Оп.442.-Д.2226.-Л.23.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. Л.24.

¹⁸ См.: Отчет о состоянии Вятской епархии за 1905 год//РГИА.- Ф.796.-Оп.442.-Д.2083.-Л.78-79.

¹⁹ Там же. Л.79.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² См.: Отчет о состоянии Вятской епархии за 1906 год//РГИА.- Ф.796.-Оп.442.-Д.2140.-Л.14-15.

²³ Там же. Л.15.

²⁴ Там же.

²⁵ См.: Отчет о состоянии Вятской епархии за 1907 год//РГИА.- Ф.796.-Оп.442.-Д.2203.-Л.18-19.

²⁶ Там же.

²⁷ См.: Отчет о состоянии Вятской епархии за 1905 год//РГИА.- Ф.796.-Оп.442.-Д.2083.-Л.80.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. Л.79

³⁰ Там же.

³¹ См.: Отчет о состоянии Вятской епархии за 1906 год//РГИА.- Ф.796.-Оп.442.-Д.2140.-Л.15.

³² Там же. Л.16.

³³ Там же.

³⁴ Там же.

³⁵ См.: Отчет о состоянии Вятской епархии за 1907 год//РГИА.- Ф.796.-Оп.442.-Д.2203.-Л.19-20.

³⁶ Отчет о состоянии Вятской епархии за 1905 год//РГИА.- Ф.796.-Оп.442.-Д.2083.-Л.80.

³⁷ См.: Отчет о состоянии Вятской епархии за 1907 год//РГИА.- Ф.796.-Оп.442.-Д.2203.-Л.20.

³⁸ См.: Обзор деятельности Ведомства православного исповедания за 1915 год.-Ведомости за 1915 год.-Пгр.,1917.- С.6-7.

³⁹ См.: Всеподданейший отчет обер-прокурора Св.Синода по ведомству православного исповедания за 1915 год.-Приложение. Ведомости за 1914 год — Пгр.,1917.-С.14-15.

⁴⁰ См.: Отчет о состоянии Пермской епархии за 1914 год//РГИА.- Ф.796.-Оп.442.-Д.2658.-Л.17.

⁴¹ Екатеринбургские епархиальные ведомости.-1910.- №28.-22 июля.- Отд. неоф. — С.584.

⁴² Христианские периодические издания, которые выпускаются церковными учреждениями или с их участием, научными или общественными организациями, фондами, а также частными лицами.

⁴³ См.: Екатеринбургские епархиальные ведомости.-1915.- №9.-1 марта.- Отд. неоф. — С.163-164.

⁴⁴ Там же. С.162-163

⁴⁵ См.: Всеподданейший отчет обер-прокурора Св.Синода по ведомству православного исповедания за 1915 год.-Приложение. Ведомости за 1914 год — Пгр.,1917.-С.14-15.

⁴⁶ Там же.

КРАЕВЕДЫ ПЕРМИ

История издания биобиблиографических справочников

Интерес общества к истории, исторической памяти народа в нашей стране постоянно растет. Одновременно меняется отношение к проблемам историко-культурного наследия. Происходят изменения и в подходах к вопросам методологии и методики исследований, к использованию источниковой базы. Появились благоприятные возможности для объективного осмысления накопленного опыта и традиций краеведческого движения; для изучения вклада, внесенного краеведами в исследование истории, археологии, этнографии, географии, лингвистики, фольклора и в целом культуры родного края. В контексте решения данных проблем один из эффективных путей – создание обобщающих научно-справочных краеведческих трудов.

Первой такой попыткой применительно к нашему региону явилось издание в 2000–2006 годах биобиблиографических справочников «Краеведы и краеведческие организации Перми» и «Краеведы и краеведческие организации Перми и Пермского края».

Идея составления таких справочников возникла давно и нередко обсуждалась на различных краеведческих конференциях и совещаниях. В середине 1990-х годов сотрудники Пермского областного краеведческого музея вплотную занялись ее осуществлением. Был создан оргкомитет, возглавляемый директором музея С. А. Димухаметовой. Руководство подготовкой к работе над справочником было возложено на кандидата исторических наук, доцента Пермского классического университета Анатолия Владимировича Шилова, возглавлявшего в ученом совете музея редакционно-издательскую секцию. Совместно с пермскими вузами, государственными архивами и областной библиотекой им. А. М. Горького был составлен предварительный словник будущего справочника.

Краеведческая деятельность в Перми значительно активизировалась в начале 1990-х годов, этому способствовали происходившие в стране общественно-политические преобразования. В эти годы практически все организации и учреждения краеведческого профиля пересматривали свою работу и круто меняли производственные планы.

В 1990 году было создано областное общество «Краевед Прикамья», на учредительной конференции которого также шла речь о реорганизации краеведческой деятельности. В 1991 году в Пермской областной библиотеке им. А. М. Горького появился отдел краеведения, в концепции которого одним из основных направлений работы стало возрождение пермских краеведческих традиций. Директором библиотеки незадолго до этого стал Александр Федорович Старовойтов, он же возглавил общество «Краевед Прикамья» после рано ушедшего из жизни его основателя Сергея Афанасьевича Торопова. В библиотеку «перебрался» и городской клуб краеведов, созданный еще в 1982 году и проводивший до этого свои заседания в помещении областной станции юных туристов, в Доме учителя, в облгосархиве, в культурно-деловом центре и пр. Таким образом, областная библиотека фактически стала на ближайшее десятилетие центром общественного краеведческого движения в Перми и Пермской области.

В первую очередь организаторы общества «Краевед Прикамья» занялись учетом действующих в Пермской области краеведов и анкетированием их. Составлялись учетные карточки, повсеместно рассылались анкеты, главное место в которых отводилось вопросам о тематике и направленности краеведческих интересов, об основных публикациях, о наличии краеведческих архивов. Таким образом, параллельно с музеем велась работа над составлением словника краеведов XIX – начала XX вв. и перечня современных исследователей.

На начальном этапе работы над справочником наиболее трудной и деликатной методической проблемой явилось определение критериев отбора имен для включения их в пособие. В процессе ее обсуждения на первых порах мыслилось, что главным критерием можно считать наличие опубликованных краеведческих трудов.

В музее состоялось несколько заседаний оргкомитета по подготовке справочника с привлечением представителей заинтересованных в этом проекте организаций и учреждений. Предварительный словник был одобрен, намечен список авторов статей, началось составление справок. Однако работа постепенно прекратилась: не удалось включить справочник в издательские планы, не было никаких перспектив финансирования издания.

Недолгой оказалась и деятельность областного общества «Краевед Прикамья». Не оправдались надежды организовать самостоятельную общественную организацию, которая не только

помогла бы краоведам области объединиться, но и нашла бы способ, как мечталось, зарабатывать средства на издание краеведческой литературы.

Возможность реализовать проект по изданию справочников появилась в 1998 году, когда Пермская областная библиотека им. А. М. Горького получила грант международной благотворительной организации Фонд Содействия Института «Открытое общество» на подготовку книги «Краеведы и краеведческие организации Перми». При этом были заявлены составители справочника: заведующая отделом краеведения библиотеки Т. И. Быстрых и доцент Пермского университета А. В. Шилов. Таким образом, определились две основные организации, силами которых готовился справочник: областная библиотека им. А. М. Горького и Пермский государственный классический университет. Типографские расходы по условиям предоставления гранта взял на себя Департамент культуры и искусства администрации Пермской области.

Составителями были разработаны необходимые документы, определившие программу дальнейшей работы: составлен план-проспект будущей книги, обоснована тема справочника, установлены критерии отбора имен краеведов. При этом первоначальные критерии претерпели изменения, были одновременно расширены и усложнены. Среди энтузиастов краеведческого движения выявилось много людей, занимавшихся активной пропагандой краеведческих знаний, стоявших у истоков создания музеев истории предприятий, образовательных и иных учреждений, и не имеющих при этом опубликованных трудов.

Решено было включать в справочник краеведов-любителей, ученых и специалистов, занимающихся, в основном, историко-культурным краеведением. Критерием для включения краеведов стало, прежде всего, наличие опубликованных краеведческих работ, имеющих научно-общественную значимость; внесение собственного вклада в развитие истории и методики краеведческого дела, в пропаганду и популяризацию краеведческих знаний; практическая деятельность архивистов и музейных работников, отмеченная творческим подходом к делу и достижением значительных результатов в деле собирания и хранения историко-культурных ценностей, а также активная целенаправленная деятельность по сохранению памятников истории и культуры края.

Хронологические рамки не устанавливались: предполагался охват с зарождения краеведения на Урале до современности, без исключения какого-либо этапа или периода в истории местного краеведения. С учетом всех поставленных задач составителями был подготовлен новый словарь.

Попытки составить списки работавших в разное время краеведов предпринимались неоднократно. По-видимому, впервые такой учет, своеобразную ревизию пермских краеведов произвел Д. Д. Смышляев в середине XIX века, когда задумал издавать «повременное» издание «Пермский сборник». Остается лишь удивляться тому, насколько качественным оказался список краеведов, как серьезно работали уже в то время исследователи, для которых краеведение было, по нашим современным меркам, только увлечением, поскольку на жизнь они зарабатывали совсем другими трудами.

Следует отметить также, что с конца 1850-х годов краеведы активно публиковались в Пермских губернских ведомостях. В 1859 году в газете появилось даже объявление о приглашении частных сотрудников помещать статьи в неофициальной части: «Губернское начальство признало полезным...» (ПГВ, 1859, № 52, неофиц. часть). И теперь достаточно полистать годовые подшивки газеты, чтобы представить себе круг исследователей края в то время.

Изучение истории края официально было возложено и на священнослужителей, не случайно среди них так много краеведов. Так, в 1876 году в Пермских епархиальных ведомостях была опубликована специальная «Программа для собирания историко-археологических сведений о Пермской епархии» (ПЕВ, 1876, 3 нояб., № 44, отд. офиц., с. 496-505).

На рубеже веков краеведов объединяли Пермская ученая архивная комиссия (1889), Пермская комиссия УОЛЕ (1890, в дальнейшем – Пермский научно-промышленный музей), епархиальное Церковно-археологическое общество (1912), Кружок по изучению Северного края при Пермском университете (1916), позднее – Общество краеведения (1925) и пр.

В 1920-е годы эту работу официально взял на себя Пермский музей. Так, в 1927 году музей сообщал в Центральное бюро краеведения: «В Пермском Госмузее, между прочим, положено прочное начало портретной галерее местных краеведов и наиболее выдающихся уроженцев Урала: имеется уже до 50

портретов с краткими биографическими данными и указанием главных заслуг. Портретов лиц первой категории собрано 25, а второй – 21» (ГАПК, ф. р-484, оп. 1, д. 10, л. 4-5). Пермское общество краеведения также сообщает в отчете о своей работе: в музейную коллекцию добавлены портреты краеведов (список прилагается). Общее число имеющихся портретов – 79 (там же, д. 15, л. 5).

Все эти списки действующих краеведов, перечни фамилий, содержащиеся в отчетных документах перечисленных выше краеведческих обществ и объединений, учитывались составителями при формировании словника.

Краеведы, работавшие в 1940-х – 1970-х годах, выявлялись, главным образом, по библиографическим изданиям или непосредственно в результате просмотра краеведческих сборников и альманахов. Так, свой авторский коллектив собрал в «Календарях-справочниках Пермской области» их составитель Сергей Федорович Николаев; сложившийся творческий коллектив работал над музейными сборниками «На Западном Урале», и пр. Довольно быстро возникло своеобразное творческое объединение краеведов, специалистов и любителей, при отделе краеведения областной библиотеки и действующих с 1990 года Смышляевских чтениях.

Списки современных краеведов составлялись «в рабочем порядке»: для этого привлекались преподаватели вузов, музейные и архивные работники, библиотекари, журналисты, общественные деятели и активисты ВООПИК, краеведы-любители, члены Пермского городского клуба краеведов. Пригодились учетные карточки и анкеты общества «Краевед Прикамья».

Позднее все перечисленные источники использовались при составлении словника для второго тома справочника, при выявлении краеведов Пермской области.

Работа над справочником продолжалась в течение 1999–2000 годов. Самой трудной задачей, как и ожидалось, стало формирование коллектива авторов. По-видимому, есть только два реальных способа создания таких объемных справочников энциклопедического характера: либо выплата гонораров за статьи и справки, либо использование административного ресурса.

При работе над первым томом справочника, поскольку был выделен грант Института «Открытое Общество», авторские статьи оплачивались. К сожалению, многих авторов из числа ученых и специалистов и гонорарами не удалось привлечь к дли-

тельной работе: профессионалы народ занятой. Распределение справок потребовало очень много времени – хотелось включить в книгу как можно больше персоналий.

Естественно встал вопрос о расширении источниковой базы, о привлечении музейных, архивных материалов, документов из частных коллекций. Ценным источником информации явились документы личных архивных фондов ГАПО и ГОПАПО, которые, вкуче с другими материалами, позволили выявить ранее неизвестные факты, касающиеся биографий, общественной и творческой деятельности ряда краеведов, или же дали возможность внести определенные коррективы в уже имеющиеся сведения о них.

Были привлечены коллективы вузовских преподавателей, активно занимавшихся краеведческой тематикой и закономерно являющихся «фигурантами» будущего энциклопедического справочника. Эти профессиональные группы ученых-краеведов были взаимно «обработаны» друг другом быстро и качественно. Здравствующие краеведы-любители тоже, как правило, сами готовили свои биобиблиографические справки, затем они дорабатывались редакторами-составителями.

Гораздо сложнее было распределить основной массив справок, включавший исследователей, давно ушедших из жизни. О них писали ученые, преподаватели вузов, музейные работники, архивисты, библиотекари и др., всего более 50 авторов. В число авторов вошли также краеведы-любители. Некоторые из них, располагая в избытке свободным временем, занимались даже мало известными именами, самостоятельно разыскивая сведения о них. К сожалению, эти справки потребовали значительно большей редакторской работы, но в результате такого компромисса появились десятки имен, которые могли остаться за пределами первого тома, в ожидании следующего: нужно было уложиться в слишком сжатые сроки.

Стоит также отметить, что энтузиазм самых активных авторов-краеведов, к сожалению, сразу пропал, когда составители обратились с просьбой бесплатно поработать над справками для второго тома.

Структура пособия, кажущаяся сейчас столь простой и естественной, появилась в результате серьезной подготовительной работы. Аналогов подобных справочников в стране не было; существовали, в основном, сборники очерков о краеведах («Краеведы Москвы», уральские «Летописцы родного края» и пр.). Специально была разработана и схема отдельной справки (едва ли не каждый

автор подержал в руках широко размноженный образец – статью А. В. Шилова об историке А. А. Савиче). Всего в пособие включены 263 биобиблиографические справки. В качестве приложения в конце книги помещен «Перечень краеведов города Перми», содержащий, помимо вошедших в справочник, и тех, кто был включен в словник в качестве безусловных фигурантов, но по тем или иным причинам статьи о них не были написаны.

Много сил и времени было потрачено на вступительную статью – краткий исторический очерк «Краеведение Перми, прошлое и настоящее». Первая половина его написана А. В. Шиловым, вторая, начиная с Великой Отечественной войны, – Т. И. Быстрых. Очерк потребовал привлечения большого количества источников. Пришлось не только вновь поработать в архивах, но и полностью, по листу, просмотреть, например, газету «Звезда» за все годы выхода, а также целый ряд других периодических изданий.

Исходя из логики и научной целесообразности, составители справочника посчитали необходимым включить в него не только статьи о краеведах, но и сведения об основных учреждениях и общественных организациях краеведческого профиля, действовавших в разные годы в Перми. Так, в первый том пособия включено 14 таких справок.

Удачное и удобное оформление книги разработано пермским издательством «Курсив» под руководством редактора И. В. Остапенко. Ко времени выхода второго тома справочника это издательство уже не действовало, и оформление книги, по договоренности с его бывшими владельцами, было использовано издательством «Пушка».

Уже во время презентации биобиблиографического справочника «Краеведы и краеведческие организации Перми», состоявшейся в библиотеке им. А. М. Горького в январе 2001 года, заговорили о необходимости продолжить работу и немедленно приступить к составлению второго тома справочника, включающего краеведческих деятелей районов Пермской области. Участники презентации в своих выступлениях навскидку перечисляли пропущенные имена, хорошо, впрочем, известные составителям: работа над справочником была жестко ограничена сроками действия соросовского гранта. С этого времени начались регулярные обращения в Департамент культуры и искусства администрации Пермской области с просьбой о включении второго тома справочника в издательские планы областной библиотеки очередного года и финансировании этой работы Департаментом.

Справочник был хорошо встречен учеными, специалистами и общественностью города и области, быстро получил известность за пределами нашего края. Руководители отдела краеведческой библиографии Российской национальной библиотеки, являющейся методическим центром страны в области библиотечного краеведения, стали настоящими пропагандистами пособия, настоятельно рекомендуя областным и краевым библиотекам последовать примеру пермяков. В журнале «Библиография» (2002, № 4) появилась рецензия известного российского библиографа Е. И. Коган под заголовком «Дань благодарности краеведам». И все же самой главной наградой составителям было то, что книга с первых дней начала работать: в буквальном смысле слова стала настольным справочником для всех, кто так или иначе связан с пермским краеведением.

Лишь в 2004 году удалось получить добро на издание книги, нашлись деньги на типографские расходы. Авторские гонорары на этот раз не выплачивались, второй том справочника создавался, в основном, силами библиотечных и музейных работников с привлечением, по-прежнему, ученых, специалистов и краеведов-любителей, но уже без оплаты. Работа над справочником велась в 2004–2006 годах.

По просьбе составителей справочника Департамент культуры и искусства администрации Пермской области в полной мере использовал свой административный ресурс: от его имени рассылались руководителям районных отделов культуры письма о необходимости принять участие в составлении справочника «Краеведы и краеведческие организации Перми и Пермского края». Работа на местах распределялась между центральными городскими и районными библиотеками и краеведческими музеями, в отдельных случаях подключились архивы (например, в г. Соликамске).

Даже при такой мощной административной поддержке организовать работу оказалось делом нелегким. Составителям пришлось выступать перед директорами музеев и библиотек на традиционных областных совещаниях, выезжать в районные центры для проведения «кустовых» обучающих семинаров, вести обширную переписку и бесконечные телефонные переговоры. Работа шла трудно. Сроки затягивались – несмотря на детальные методические рекомендации, имели место неоднократные возвращения материалов на доработку. Лишь несколько городов прислали с первого раза практически готовые для публикации справки: Лысьва, Кунгур, Березники и др.

Составителям приходилось непосредственно подключаться и к формированию словников местных краеведов, когда руководители библиотек и музеев уверенно заявляли о полном отсутствии таковых в том или ином районе. К сожалению, в отдельных случаях преодолеть служебное упрямство не удалось: в географическом указателе справочника в перечне краеведов некоторых районов – всего одна-две фамилии.

И все же, в большинстве своем, краеведческие силы на местах активно включились в работу по составлению справочника; отнеслись к ней, прежде всего, как к возможности привести в порядок сведения о краеведах-земляках, подвести своеобразные итоги развития краеведческого движения в районе.

Множество имен было предложено составителями справочника и поддержано на местах, кое-что пришлось писать самим либо привлекать пермских авторов, поскольку не нашлось местных. Многие фигуранты из намеченного словника так и не вошли в справочник, не нашлось достаточного количества сведений об их жизни и деятельности. Все это – материал для будущих исследований. Многие из подготовленных справок не были включены в книгу, так как не соответствовали установленным критериям. Главным условием для включения во второй том была обязательная для краеведа собственная тема, собственный вклад в изучение истории района, города, села.

Тем не менее «качественные» мерки здесь были несколько другими по сравнению с отбором персоналий в первый том справочника, и это закономерно. Принималась во внимание значимость деятельности краеведа не только для Пермского края в целом, но и для конкретной местности: географически или административно выделенного района, иногда – для конкретного населенного пункта. Не секрет, что подчас всего один-единственный человек на протяжении долгих лет изучает историю своего села, публикуя в местной газете найденные им документы или собранные воспоминания старожилов. Не менее важна работа местных летописцев, даже если в их летописях нет событий ни российского, ни краевого значения.

Деятельность краеведов-любителей, особенно в небольших городах, селах, деревнях, трудно переоценить. Это как раз та область краеведческих знаний, которая никем больше не освоена и существует только в виде этих конкретных исследований и выводов, далеко не всегда опубликованных. Очень часто ни в каком архиве нельзя найти сведений, из года в год скрупулезно записываемых в маленькой деревушке каким-нибудь учителем,

добровольно взявшим на себя обязанность местного летописца. Краеведы-любители создают фактографическую базу, на которой вырастает то, что ученые называют мини- или микроисторией: без нее невозможно выстроить модель прошлого, чем, собственно, и занимаются исторические науки.

Большую помощь в подготовке второго тома справочника оказали пермские ученые, хорошо знающие отдельные регионы. Например, Георгий Николаевич Чагин составил список краеведов для Чердынского района, помогал чердынским музейщикам выявлять материал, а затем принял участие в редактировании справок. Юрий Прокопьевич Зубов вообще совершил подвиг: полностью «обработал» Коми-Пермяцкий округ, подготовив более тридцати справок. Много полезных рекомендаций составители получили от Александра Васильевича Черных, Олега Леонидовича Кутьева и др.

Во второй том справочника вошли 125 краеведов из города Перми. За пять лет, прошедших со времени выхода первого тома, многие молодые ученые проявили себя в области краеведения значительными публикациями или иными заслугами, многие успели защититься и пр. Часть имен не была включена в первый том по той простой причине, что не нашлось автора для написания справки, а сроки работы над книгой были ограничены.

Всего же в справочник «Краеведы и краеведческие организации Перми и Пермского края» включено 525 биобиблиографических справок. Над их составлением работали 180 авторов. Как и в первом томе, здесь содержатся статьи о краеведческих обществах, организациях и учреждениях Перми и Пермского края – всего 13 справок.

В приложении к справочнику даны: географический указатель краеведов (с распределением по районам); перечень краеведов, включенных в первый том, с исправлениями и дополнениями; обширный список литературы. Книгу открывает очерк «Краеведение в Пермском крае: история и современность». Как и в первом томе, составители поделили его по хронологии: история краеведения с XVIII века до Великой Отечественной войны написана А. В. Шиловым, с 1940-х годов до наших дней – Т. И. Быстрых.

К сожалению, за рамками справочников осталось еще много замечательных имен. Снова не хватило выделенного на книгу времени. Вероятно, уместно напомнить о том, что составители и редакторы книги не были «освобожденными» сотрудниками,

оба работали большей частью сверх плана, в дополнение к ежедневным производственным обязанностям. Что говорить, книги дались очень нелегко.

Следует иметь в виду и то, что административный ресурс действовал только на местах, в Перми на значительный дополнительный список имен найти авторов было так же трудно, как и при работе над первым томом, и по тем же причинам. Как правило, те, кто может хорошо сделать какую-либо серьезную творческую работу, всегда «под завязку» загружены делами.

И все-таки книга увидела свет, начала работать, и это самый главный результат нашего труда. Двухтомник работает. У профессионально занятых в области краеведения людей эти справочники давно уже наполнены новой информацией: каждый за эти годы в соответствии с собственными потребностями внес в них множество дополнений и исправлений.

В мае 2007 года справочник «Краеведы и краеведческие организации Перми и Пермского края» был представлен на первый Всероссийский конкурс краеведческой литературы «Наше культурное наследие» и занял второе место в номинации «Историко-краеведческие справочники».

Работа над книгой принесла свои результаты и в районах края, где появились собственные биобиблиографические справочники о краеведах, книги очерков, подготовлены библиографические указатели. Так, были изданы справочники о краеведах Кунгурского, Нытвенского, Чернушинского районов, городов Лысьвы и Александровска. Как правило, здесь представлены более пространные очерки, полные библиографические списки. Эта работа была продолжена после выхода в свет справочника, не прекращается она и сейчас.

Прошло десять лет после издания первого тома справочника – «Краеведы и краеведческие организации Перми» (2000) и четыре года после выхода в свет второго тома – «Краеведы и краеведческие организации Перми и Пермского края». Пермское краеведение продолжает развиваться. Появляются новые имена, возникают новые краеведческие учреждения и объединения, издается замечательная литература. Естественным образом появляется стремление учесть и систематизировать все эти перемены; собрать воедино сведения о новых деятелях краеведческого движения и представить, наконец, сведения о тех, кто по каким-то причинам не был включен в наш двухтомник.

Речь об этом зашла и на 11-х Смышляевских чтениях, состоявшихся в областной библиотеке им. А. М. Горького в мае 2009 года.

Закономерно, что этот вопрос обсуждался на Смышляевских чтениях, где всегда много времени и внимания уделялось истории, теории и методологии краеведческой деятельности. На Смышляевских чтениях размышляли о пермских краеведческих традициях и пытались классифицировать краеведение по различным признакам; спорили об этапах развития краеведения и о краеведческой терминологии; об особенностях любительского краеведения и причинах неоднозначного отношения общественности к любителям-краеведам.

На наш взгляд, стоило полностью посвятить конференцию этой проблеме: это очень интересно и своевременно. Но повод для обсуждения уже появился: в сборнике материалов чтений опубликовано несколько статей на эту тему. Редактор сборника Е. Н. Шумилов сделал конкретное предложение краеведческому отделу областной библиотеки: подготовить третий том «Краеведов». Статья не совсем грамотно названа им «послесловием» – написать послесловие к чужому тексту, к чужому «слову» невозможно. Да и содержание ее не соответствует обозначенному жанру – здесь нет ни подведения итогов, ни каких-либо аналитических выкладок, лишь привычная фактография. По сути это всего лишь увлекательный рассказ о «самом непосредственном» участии автора «в подготовке первого тома». Тем не менее, идея статьи изначально была неплохой, и рациональное зерно в этом позыве есть. По-видимому, отдел краеведения Горьковской библиотеки действительно самое удобное место, где можно решить вопрос о начале этой работы: обсудить предложения о том, как можно ее организовать, кого привлечь к участию. К счастью для будущих составителей третьего тома, основная работа по организации деятельности составительского коллектива уже сделана их предшественниками: разработаны методика подготовки справочников и структура. Есть представление о том, сколько сил и времени потребует эта работа, как можно распределить ее, с чего начать.

Но жизнь в наши дни меняется на глазах. Значительные перемены мы видим и в планах работы учреждений краеведческого профиля: меняется их направленность, появляются совсем другие приоритеты. Так может быть, следует взвесить: стоит ли затевать эту огромную многолетнюю работу, разыскивать деньги на издание и надежных, авторитетных составителей, или же поискать альтернативное решение?

Думается, одно из таких решений заложено как раз в статье Е. Н. Шумилова. Поделившись с читателями трогательными воспоминаниями о нелегкой борьбе с дремучими составителями двухтомника, он перешел к своей обычной краеведческой деятельности: к публикации собственных находок, являющихся результатом многолетнего методического освоения одного за другим архивных фондов. К статье приложены восемь новых библиографических справок, а также дополнения и уточнения к нескольким справкам, уже включенным в справочники, в том числе и к его собственным.

Дополнительные персоналии представлены также в статье В. В. Семяникова «О тех, кто не попал в «Краеведы»; новые сведения о краеведах сообщают Ю. П. Зубов, В. И. Рогальников, Н. Н. Кабанов, Л. А. Долгих, Л. Ю. Ёлтышева, О. А. Ренёва, В. А. Фурсова и некоторые другие участники чтений.

Может быть, это действительно выход из положения на сегодняшний день? Подготовка третьего тома справочника – большая и трудоемкая работа. И пока нет возможности подступить к ней, можно начать регулярную публикацию в сборниках Смышляевских чтений сведений о краеведах, пусть даже обширных списков, сопровождая их вступительными статьями и комментариями. Такие подборки можно публиковать также в «Вестниках Смышляевских чтений» или выпускать небольшими брошюрами. Можно использовать сайт библиотеки. Все это будет серьезным заделом для будущего сборника. В любом случае библиотеке необходимо отозваться на стремление исследователей самостоятельно продолжить работу, начатую двухтомником «Краеведов». Очень важно поддержать и организовать это движение, вовремя оказать авторам информационную и методическую помощь.

Хорошо бы также обдумать возможность продолжения работы над библиографическим списком, опубликованным в качестве приложения во втором томе, пополняя его и постепенно превращая в полноценный библиографический указатель. И приступить, наконец, к составлению хроники пермского краеведения: при работе над справочниками составители много думали об этом, но не хватило сил и времени.

В начале 1990-х годов, разрабатывая концепцию Смышляевских краеведческих чтений, учредители ставили своей целью возрождение пермских краеведческих традиций, сложившихся в XIX – начале XX веков и утраченных за годы советской власти, когда

была нарушена преемственность в краеведении, этой важнейшей области человеческой деятельности. Эту же задачу ставили перед собой составители двухтомного справочника о краеведах.

Преемственность – не просто характерный признак существующих в регионе краеведческих традиций, но и необходимое условие последовательного развития краеведческого движения, в том числе и любительского краеведения. Преемственность заключается не только в продолжении работы предшественников по изучению края и введению краеведческих знаний в научный оборот. Не менее важная задача – обеспечить уважительное отношение к труду своих коллег и единомышленников; сохранить память о них и их деятельности; позаботиться о том, чтобы результаты их исследований были приведены в порядок и стали в том или ином виде доступными широкой читательской аудитории – в виде публикаций либо архивного фонда.

Эти неписанные правила были хорошо знакомы пермским краеведам, работавшим в конце XIX – начале XX веков. Именно поэтому мы располагаем жизнеописанием и основной библиографией трудов краеведов, многое сделавших для изучения Пермского края в начале и первой половине XIX века, но так и не сумевших издать свои труды. Давайте вспомним о том, как старался привести в порядок краеведческое наследие Д. Д. Смышляев: разыскивал и публиковал биографии краеведов, неизвестные краеведческие труды. Особенно много он занимался этим в период подготовки своих «Пермских сборников», а позднее – работал с наследием Г. Ф. Сапожникова, Ф. А. Прядильшикова и др.; деятельно помогал и своим современникам-краеведам, например, А. Н. Зырянову. В дальнейшем по его примеру действовал И. В. Вологдин. А вот библиографический указатель, посвященный самому Дмитрию Дмитриевичу Смышляеву, лишь недавно, наконец, был составлен и издан Пермской центральной городской библиотекой им. А. С. Пушкина, да и то небольшим тиражом. Остальные основоположники нашего краеведения, наши классики, наша гордость – до настоящего времени не удостоились внимания библиографов. Мы упоминаем об этом здесь не в укор современным библиографам-краеведам, а лишь для того, чтобы еще раз напомнить коллегам о существующей проблеме.

В ходе подготовки справочника «Краеведы и краеведческие организации Перми и Пермского края» выявились многочисленные информационные и библиографические пробелы. Даже в тех

случаях, когда заслуги краеведов признаны неоспоримыми и память о них уже увековечена в городе, их творческое наследие не всегда приведено в порядок. Например, именем краеведа назван районный музей, а в самом музее не удалось найти документа о присвоении имени и даже установить, в каком году это было сделано; нет полной биографии, никогда не составлялась библиография публикаций.

Краевед-энтузиаст из Кизела, занимаясь историей города в годы Великой Отечественной войны, вел огромную переписку, разыскивая людей, живших по разным причинам в городе в годы войны, и воинов-кизеловцев. Он рано умер, в молодом возрасте, и архив оказался разрозненным, биография не написана, библиографии нет. Таких примеров множество. Как правило, не приведен в порядок краеведческий архив и ныне живущих деятелей. Лишь в редких случаях краеведы учитывают собственные публикации. Такая же картина и в Перми.

Очень хорошо, когда личные архивные фонды краеведов поступают на хранение в государственные архивы, библиотеки, музеи. Так, например, хранятся архивы крупнейших пермских краеведов Б. Н. Назаровского и М. Н. Степанова (ПермГАНИ), С. А. Торопова и С. Ф. Николаева (Пермская краевая библиотека им. А. М. Горького). Но работу с такими фондами нельзя считать завершенной, пока не составлена полная библиография их публикаций, не описан их конкретный вклад в краеведение. Последнее необходимо не для доказательства заслуг краеведов перед обществом. Их деятельность – это часть ненаписанной пока истории изучения Пермского края. В последние годы эта работа несколько активизировалась: появились, например, сборники памяти Б. Н. Назаровского, С. Ф. Николаева.

В настоящее время государственное, профессиональное краеведение призвано не только обеспечить деятельность краеведов-любителей в организационном, методическом и информационном плане, но также обобщить и проанализировать результаты этой деятельности. Краеведение находится сейчас на таком уровне развития, когда учреждения краеведческого профиля, позиционирующие себя как методические центры, могут и должны приступить к составлению программы приведения в порядок творческого наследия местных краеведов-любителей. Определенный этап этой деятельности уже пройден. При этом следует принимать во внимание, что в методической помощи нуждаются не одни только краеведы-любители. Как правило, без

напоминаний занимаются библиографией своих трудов только ученые и преподаватели вузов, поскольку отчетность является необходимым условием их работы. Другие категории профессиональных краеведов – музейные работники, библиотекари, архивисты – нередко не придают значения такому учету, и составить перечень действительно ценных публикаций по истечении времени бывает нелегко.

Биобиблиографические справочники, посвященные пермским краеведам, послужили восстановлению преемственности, нарушенной в период советской власти, собрав под одной обложкой «дореволюционных» и «советских» краеведов. Современным специалистам, работающим в области краеведения, следует сделать всё возможное для продолжения этой работы. Нельзя отказываться от нее; нужно довести до конца то, что начато, несмотря на все перемены в нашей жизни, свидетельствующие о пересмотре ценностей, в том числе в области истории и культуры края. В противном случае наши потомки снова вынуждены будут связывать концы с концами, стараясь восстановить распавшуюся «связь времен».

ПУБЛИКАЦИИ ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ МАТЕРИАЛОВ

П. А. Корчагин

ПЕРМСКИЕ ЧИНОВНИКИ НАЧАЛА XIX ВЕКА Формулярные списки пермских чиновников

В Российском государственном историческом архиве хранятся формулярные списки чинов гражданского ведомства, отложившиеся в его фондах за период с 1754 по 1917 гг. Они сгруппированы в фонде 1349, где расположены в алфавитном порядке: опись 1 «А-Р» (1894–1917); опись 2 «С-Я» (1894–1917); опись 3 «А-Я» (1800–1894); описи 4 и 5 «Групповые» (1794–1846 и 1840–1858); опись 6 «Личные и групповые» (1754–1917). Автор настоящей статьи, работая в РГИА по теме исследования, не имеющей отношения к пермскому чиновничеству, не удержался от исследовательского искушения и сделал некоторые выписки.

Наибольший интерес представляют дела: «Послужные списки о чиновниках Пермской губернии за 1811-й год»¹ и «Послужные списки о чиновниках Пермской губернии за 1819-й год»². В подлиннике тексты формулярных списков организованы в табличном формате, в три колонки: собственно текст, год, месяц и день. Причем таблицы занимают разворот сшитых тетрадей, поэтому одна датированная запись, а иногда и одно предложение, оказывается одновременно на двух листах, естественно, имеющих разную нумерацию. Это делает публикацию документов в строчном виде с точными ссылками на номера листов весьма затруднительной, практически невозможной. Однако нами было все же сочтено допустимым представить тексты «Списков...» в виде непрерывного текста с сохранением рубрикации, хотя в этом случае невозможно точное постраничное соотношение публикуемого текста с текстом источника. Таким же образом поступил Л. С. Кашихин при публикации хранящегося в ГАПК³ формулярного списка К. Ф. Модераха 1804 г.⁴

Документы приводятся в хронологическом порядке за 1809, 1811 и 1819 гг. Их тексты приводятся в соответствии с «Правилами издания исторических документов...»⁵. Они передаются с точным сохранением смысловой, стилистической и фо-

нетической их сторон, по правилам современной орфографии с соблюдением особенностей языка документа. Публикация сопровождается подстрочными примечаниями, содержащими пояснения некоторых терминов, географических названий и персоналий.

№1

1809 г. – Формулярный список Пермского и Вятского генерал-губернатора К. Ф. Модераха

Список

О службе Пермского и Вятского Генерал губернатора, 1809.
Чин, имя, фамилия, должность им отправляемая и сколько от роду лет.

Тайный Советник и Орденов: Святыя Анны 1 класса, Военного Святаго Великомученика и победоносца Георгия 4 класса и Святаго Равноапостольного Князя Владимира 3 степени Кавалер Карл Федоров сын Модерах, Пермский и Вятский Генерал, 62 лет.

Из какого звания происходит.

Из дворян Немецкой нации, рожден в России.

Сколько имеет во владении крестьян в которых уездах и как имена селений.

Не имеет.

Когда в службу вступил, во оной какими чинами, в каких должностях и где происходил; так же не было ли каких отличных по службе деяний и не было ли особенно кроме чинов чем награжден и когда.

В высокочайшую Российскую военную службу вступил из обучавшихся на своем коште в Инженерный Корпус Кондуктором⁶ 2-го класса — 1764 - Января - 8.

В штат Генерал Майора в Флигель Адъютантом — 764 - Апреля - 1.

Инженер подпоручиком - 768 — Апреля - 21.

Инженер поручиком - 771 — Января - 1.

Инженер капитаном - 773 - Июля - 1.

Инженер Майором - 781 Октября 2.

Инженер Подполковником - 787 - Января - 2.

Инженер Полковником - 789 - Июля - 9.

По Высочайшим Указам определен:

В Экспедицию о Государственных Доходах на вакансию Советника - 789 - Июля - 23.

В Пермскую Губернию Гражданским Губернатором - 796 — Апреля - 29.

Действительным Статским Советником - 797 – Генваря - 6.
Тайным Советником - 1800 - Июля - 2.

Пермским и Вятским Генерал губернатором – 1804 Октября – 25.

За усердные и особенные труды по водяным и другим работам, пожалован Кавалером Ордена Святого Владимира 4-го класса – 1785 - Апреля – 21.

За ревность и усердие к службе в продолжении оной более 25-ти лет в действительном офицерском чине и должности награжден Орденом Военным Святого Георгия 4-го класса – 789 – Ноября - 26.

За усердную службу, радение в должности и ревностные труды пожалован Кавалером Ордена Святого Владимира 3 степени – 793 – Сентября - 2.

В знак Высочайшего благоволения к усердию и трудам пожалован Орденом Святыя Анны 2-го класса – 1799 – Декабря - 22.

В знак благоволения его Императорскаго Величества за попечение и ревностные труды Всемилостивейше пожалован Орденом Святыя Анны 1-го класса – 1802 – Февраля - 7.

За усердие к службе и труды для благоустройства вверенной ему Пермской губернии Всемилостивейше пожалован Знаками Ордена Святыя Анны 1-го класса алмазами украшенными – 1804 - Июля - 22.

В походах против неприятеля и в самых сражениях был или нет и когда именно.

Во время службы в походах и командировках был в 1-ю Турецкую войну в 1-ой армии, а именно в 1769 и 1770 годах при всех сражениях, при атаке и взятии города Хотина и по взятии оного в Покуции и Молдавии до Галац, что на Дунае, для укрепления разных мест;

в конце 770-го года отправлен в Санктпетербург; в 772 и 773 для осмотра крепостей и сочинения разных планов в Финляндию до Шведской границы и обратно в Санкт-Петербург, где с оного года по определению в Экспедицию о Государственных Доходах состоял при производстве водяных в столице и окрестных местах работ и при строении разных казенных сданий и сверх того был членом Комиссии строения Екатерининского Канала и Фонтанной реки, 1793 по Высочайшему Имянному повелению отправлен к городу Архангельску по случаю бывшего там пожара, для осмотра города, и обратно в Петербург, 1794 Мая 2 по Высочайшему имянному повелению отправлен Членом в Комиссию, учрежденную для освидетельствования счетов по флотилии бывшей в Средиземном море в последнюю с Турками войну,

и для рассмотрения разных по той флотилии претензий, с исправлением должности Советника по Экспедиции о доходах.

Не был ли в штрафах и под судом и есть ли был, то за что имянно, когда и чем дело кончено.

Не бывал.

К продолжению статской службы способен и к повышению чина достоин или нет и зачем.

[прочерк] ⁷

Не было ли с отставкою, с награждением чина или без оного и когда.

Не бывал.

Женат ли, имеет ли детей, кого имянно, коликих лет и где находятся.

Женат ⁸ и имеет сына Александра, 28 лет, находится в Екатеринбургском мушкетерском полку Майором ⁹.

[Подпись] Генерал Губернатор Модерах

РГИА. Ф. 1349. Оп. 4 – 1809. Д. 44. Л. 1об-4. Подлинник.

№2

1811 г. – Формулярный список пермского губернского архитектора П. Т. Васильева.

Чин, имя, фамилия, должность им отправляемая и сколько от роду лет.

Петр Тимофеев сын Васильев в Пермской губернии архитектор. Из какого звания происходит.

Из мастеровых детей.

Сколько имеет во владении крестьян в которых уездах и как имена селений.

Не имеет.

Когда в службу вступил, во оной какими чинами, в каких должностях и где происходил; так же не было ль каких отличных по службе деяний и не было ли особенно кроме чинов чем награжден и когда.

В службу вступил геодезии учеником – 783 в мае.

Унтер шихтмейстером в 3 класс – 787 в декабре.

Во второй класс – 788 в октябре.

Губернским архитектором – 793 мая 19.

Коллежским регистратором – 1800 декабря 31.

Губернским Секретарем – 1803 декабря 31.

Титулярным Советником – 1807 декабря 31.

В походах против неприятеля и в самых сражениях был или нет и когда именно.

Не бывал.

Не был ли в штрафах и под судом и есть ли был, то за что имянно, когда и чем дело кончено.

Находился под судом за неправильное удостоверение, что купленной в казну анбар вместить может соли 40000 пудов, в которой поместилось гораздо менее сего количества, за что по решению Пермской палаты уголовного суда утвержденному Правительствующим Сенатом сделан ему выговор, а велено на счет его Васильева к тому магазейну зделать пристройку.

К продолжению статской службы способен и к повышению чина достоин или нет и зачем.

За нахождение под судом не аттестован ¹⁰.

Не было ли с отставкою, с награждением чина или без онаго и когда.

Не бывал.

Женат ли, имеет ли детей, кого имянно, коликих лет и где находятся.

Женат детей не имеет.

РГИА. Ф. 1349. Оп. 4 – 1811 г. Д. 33. Л. 43-44.

№3

1811 г. – Формулярный список пермского гражданского губернатора Б. А. Гермеса

Чин, имя, фамилия, должность им отправляемая и сколько от роду лет.

Пермский Гражданский Губернатор тайный советник орденов Святые Анны 1-го класса и Святаго Георгия 4-го класса Кавалер, Богдан Андреевич Гермес. 52 лет.

Из какого звания происходит.

прусской нации из дворян.

Сколько имеет во владении крестьян в которых уездах и как имена селений.

Крестьян подданных не имеет.

Когда в службу вступил, во оной какими чинами, в каких должностях и где происходил; так же не было ль каких отличных по службе деяний и не было ли особенно кроме чинов чем награжден и когда.

В службу вступил в артиллеристской инженерной шляхетской кадетский Корпус кадетом – 771 Февраля 28.

Артиллерии штык-юнкером – 774 Декабря 24.

Подпорутчиком – 779 Маия 16.

Переименован полковым адъютантом и в том же году в бомбардирской полк порутчиком – 786 Июня 14.

Флигель Адъютантом чина армии капитана к Генерал Аншефу и Кавалеру барону Миллеру Закомельскому ¹¹ – 789 Февраля 6.

Артиллерии капитаном в бомбардирской полк – 789 Февраля 14.

По Имянному Высочайшему Указу артиллерии майором и в бомбардирской батальон командиром – 791 Марта 16.

Артиллерии подполковником в тот же батальон – 794 Ноября 24.

Переименован от армии полковником – 796 [пропуск].

Генерал-майором – 798 Сентября 2.

1800 года генваря 27 отставлен, а том же октября 15 паки принят в службу с переименованием в Действительные Статские Советники и определен в Новороссийскую губернию вице губернатором из сей должности по Высочайшему Его императорского величества повелению в 1 день ноября состоявшемуся, определен в Тобольскую губернию губернатором – 1800 Октября 15 – 1801 Ноября 1.

Пожалован орденом Святаго Георгия 4-го класса за продолжную 22-летнюю в офицерском чине службу и мужество оказанное при взятии города Очакова – 1802 Февраля 13.

Переведен губернатором в Пермскую губернию по Имянному Высочайшему Указу в 15 день Маия 1806 года, состоя в службе тайным Советником – 1811 Февраля 13.

Сверх вышеозначенного в 1801 году за [нрзб.]ное участие в успешном произведении торгов на винные откупы по Новороссийской губернии по имянному указу пожаловано ему в награждение 5000 рублей.

Кавалером Ордена Святой Анны 1-го класса пожалован в 15 день апреля 1810 года.

В походах против неприятеля и в самых сражениях был или нет и когда именно.

В походах был 782 года при соединении Крымского полу-острова и у привода к присяге на вечное России подданство татар 788 августа с 16 по 16 декабря при осаде Очакова на батареях ав.(так в тексте) и на самом штурме был, и в награждение получил золотой крест; 1790 против шведов на Балтийском море во многих сражениях под командованием вице адмирала Круза ¹², в том же году на канонерских лодках на финских водах и при взятии

острова Корнара был, за что пожалован был золотою шпагою; 791. Командирован на канонерских лодках в рочен Сальмов¹³ с батальоном для заложения оного; 798. Командирован по именному повелению в Херсон и Киев для обучения там артиллерии батальонов и осмотра крепостей; 1799. Лифляндии в Шлювлиде.

Не был ли в штрафах и под судом и есть ли был, то за что имянно, когда и чем дело кончено.

В штрафах и под судом не бывал.

Не было ли с отставкою, с награждением чина или без онаго и когда.

От воинской службы отставлен 1800 года генваря 27 и находился по 15 число октября того же года.

Женат ли, имеет ли детей, кого имянно, коликих лет и где находятся.

Женат, детей имеет сына Николая 15 и дочерей Софью 13, Марию 9, Наталью 3, Александру 2 лет и Елизавету одного году.

РГИА. Ф. 1349. Оп. 4 – 1811 г. Д. 33. Л. 1-2.

№4

1811 г. – *Формулярный список пермского губернского землемера А. И. Калинина.*

Чин, имя, фамилия, должность им отправляемая и сколько от роду лет.

Алексей Иванов сын Калинин в Пермской губернии губернским землемером. 53 лет.

Из какого звания происходит.

Из обер офицерских детей.

Сколько имеет во владении крестьян в которых уездах и как имена селений.

Не имеет

Когда в службу вступил, во оной какими чинами, в каких должностях и где происходил; так же не было ль каких отличных по службе деяний и не было ли особенно кроме чинов чем награжден и когда.

Геодезии учеником – 771 июля 8.

Унтер шихтмейстером в 3 класс – 778 апреля 28.

в 2 класс – 779 мая 24.

в 1 класс – 780 ноября 19.

уездным землемером – 782 июня 23.

прапорщиком – 785 марта 18.

провинциальным секретарем – 792 декабря 14.

По имянному высочайшему указу за сочинение атласа Пермской губернии в 10 класс – 1801 февраля 16.

Губернским землемером – 1810 ноября 3.

В походах против неприятеля и в самых сражениях был или нет и когда именно.

Не бывал

Не был ли в штрафах и под судом и есть ли был, то за что имянно, когда и чем дело кончено.

Не бывал.

К продолжению статской службы способен и к повышению чина достоин или нет и за чем.

Способен и достоин.

Не было ли с отставкою, с награждением чина или без онаго и когда.

Не бывал.

Женат ли, имеет ли детей, кого имянно, коликих лет и где находятся.

Женат детей не имеет.

РГИА. Ф. 1349. Оп. 4 – 1811 г. Д. 33. Л. 56об.

№5

1819 г. – *Формулярный список пермского гражданского губернатора А. К. Криденера.*

Список служб Пермского Гражданского Губернатора и кавалера за 1819^й год.

Чин, имя, фамилия, должность им отправляемая и сколько от роду лет.

Статский советник, Пермской гражданской губернатор и кавалер Орденов Святаго Владимира 3-й степени и Святые Анны 2-го класса алмазами украшенного, имеющий медаль золотую на владимирской ленте за земское ополчение, серебряную за кампанию 1812 года и бронзовую, установленную всемилостивейшим манифестом 30-го августа года для дворянства, Антон Карлович фон-Криденер, 53 лет.

Из какого звания происходит.

Из лифляндских дворян.

Сколько имеет во владении крестьян в которых уездах и как имена селений.

Имеет 200 душ крестьян, записанных за супругою его Лифляндской губернии Рижского округа в мызе Ейхенай Герк.

Когда в службу вступил, во оной какими чинами, в каких должностях и где происходил; так же не было ль каких отличных по службе деяний и не было ли особенно кроме чинов чем награжден и когда.

В службу поступил в Артиллерийский шляхетский корпус – 1779 Июня 20.

Из онаго выпущен в Выборгский пехотный полк подпоручиком – 783 Января 7.

К лифляндскому генерал-губернатору принцу, который после был королем виртембергским ¹⁴, старшим адъютантом капитанского чина – 786 декабря 3.

В нарфский пехотный полк с переименованием в капитана – 787 октября 29.

Из онаго выпущен в отставку с награждением чина секунд-майора – 788 марта 31.

Главкомандующим графом Мусиным-Пушкиным принят в службу тем же чином в псковский драгунский полк – 788 сентября 28.

Из оного по домашним обстоятельствам уволен в отставку – 790 февраля 28 ¹⁵.

Потом по желанию определен волонтиром к Главкомандующему Армиию Г. Генерал-Фельдмаршалу Светлейшему князю Потемкину – 790 сентября 20.

По замирению с Турками возвратился к своему хозяйству – 792 января 20

По выбору дворянства определен членом в учрежденную по высочайшему повелению Лифляндскую ревизионную комиссию – 803 декабря 30.

Из оной по выбору в лифляндское Земское войско тысячным начальником – 806 декабря 30.

Назначен в подвижную милицию стрелков батальонным начальником – 807 мая 7.

За особое усердие в службе, показанные успехи, за формирование по милиции батальона стрелков произведен подполковником – [807] декабря 13.

За бытность в милиции получил золотую медаль – 808 июля 1.

По уничтожении милиции по высочайшему повелению определен в Санкт-Петербург полицмейстером – 808 [июля 1].

В вознаграждение усердной и ревностной службы всемилоостивейшее пожалован Кавалером Ордена Святыя Анны 2 класса – 809 августа 31.

Произведен с состоянием по армии полковником – 811 апреля 18.

Переведен из Санкт-Петербурга в Ригу полицмейстером – [811] апреля 18.

За отличную деятельность и расторопность к службе всемилоостивейшее пожаловал бриллиантовый перстень – 811 ноября 3.

За ревностное служение и труды, со оным сопряженные, паче за отличную деятельность при открытии виновников в учинении важного похищения всемилоостивейшее пожалован украшенные алмазами Знаки Ордена Святыя Анны 2-го класса в воздаяние неутомимой деятельности о называемой в [проведе?]нии возложенной на него должности и примерной ревности и усердию к службе, в особенности оказанной при открытии преступника Изографова всемилоостивейшее пожалован кавалером Ордена Святаго Владимира 3-й степени – 813 апреля 25.

По высочайшему повелению, последовавшему по представлению Г. Генерал-фельдмаршала князя Барклая Детолли дозволено носить серебряную медаль, установленную в память 812 года – 816 февраля 23.

По всемилоостивейшему манифесту от 30 августа 1814 года получил бронзовую медаль.

По высочайшему указу пожалован в статские советники – 817 августа 25.

Ныне попределен пермским гражданским губернатором, в присланном от рижского военного губернатора, управляющего гражданской частью в губерниях лифляндской и курляндской, Г. Генерал-Адъютанта маркиза Паулуччи ¹⁶ от 30-го сентября 817 года к нему г-ну Гражданскому губернатору свидетельстве, значит, что во время нахождения его Г. Криденера в Риге полицмейстером, полиция была в наилучшей исправности, при здаче оной не только все части оной оказались в должном порядке, но и благоразумной бережливостью его г. Криденера в течение пяти лет накопленная экономическая полицейская сумма составляет 23.225 рублей 49 ^{3/4} коп. За что маркизом Паулуччи и засвидетельствована ему г. фон-Криденеру признательность.

В походах против неприятеля и в самых сражениях был или нет и когда именно.

В походах был в шведском деле с неприятелем находился 789 июля с 9 по 14 число при избытии неприятеля с батареей и занятии оных на границе у реки Кюмене ¹⁷ и деревне Ковалве, о чем имеет от Главкомандующего Генерала от инфантерии Кноринга особый аттестат.

Будучи волонтером при турецкой армии был при разных отрядах. 812 года сентября с 15 по 18 число был в действительных делах противу неприятеля в Курляндии под Кекаву ¹⁸, Екау ¹⁹, и на реке Аа ²⁰, о чем имеет аттестат от командующего 25 дивизии Генерал-лейтенанта Левиза ²¹.

Не был ли в штрафах и под судом и есть ли был, то за что имянно, когда и чем дело кончено.

Не бывал.

К продолжению статской службы способен и к повышению чина достоин или нет и зачем.

[прочерк] ²²

Не было ли с отставкою, с награждением чина или без онаго и когда.

В отставке был с 31 марта по 28 сентября 788-го, с 28 февраля 1790 года по 20 сентября того же года с награждением чина секунд-майора.

Женат ли, имеет ли детей, кого имянно, коликих лет и где находятся.

Женат имеет детей. Сыновей 1-го Александра Рейнгольда 17 лет, находящегося за границей в пансионе. 2-го Карла, 3-го Александра и дочерей 1-ю Юлиану 14 и 2-ю Елизавету 8 лет, находящихся также в чужих краях в пансионе.

РГИА. Ф. 1349. Оп. 4 – 1819 г. Д. 215. Л. 1-3об.

№6

1819 г. – Формулярный список губернского казначея Д. В. Дягилева.

Чин, имя, фамилия, должность им отправляемая и сколько от роду лет.

Дмитрий Васильев сын Дягилев в Пермской казенной палате губернным казначеем, 40 лет.

Из какого звания происходит.

Из обер-офицерских детей.

Сколько имеет во владении крестьян в которых уездах и как имена селений.

Дворовых людей три души.

Когда в службу вступил, во оной какими чинами, в каких должностях и где производил; так же не было ль каких отличных по службе деяний и не было ли особенно кроме чинов чем награжден и когда.

В горную службу унтершихтмейстером 3-го класса – 777 апреля 21.

По переводе в Сибирский драгунский полк переименован капитанармусом – 788 августа 1.

Вахмистром – 789 декабря 13.

Лейб-гвардии Семеновский полк прапорщиком – 792 декабря 13.

По именному высочайшему указу отставлен от армии поручиком – 793 января 1.

Стряпчим в бывший Пермский губернский магистрат – 794 января 23.

И по содержанию именного высочайшего указа 797 года января 11 числа переименован губернским секретарем с оставлением как пожалован в порутчики.

В пермское уездное казначейство казначеем – 797 мая 5.

Титулярным советником – 797 декабря 31.

От должности уволен – 799 мая 30.

Губернским казначеем – 799 декабря 16.

Коллежским асессором за отличность по высочайшему повелению – 1804 Июня 14.

Надворным советником по высочайшему повелению – 1808 августа 31.

В походах против неприятеля и в самых сражениях был или нет и когда именно.

Не бывал.

Не был ли в штрафах и под судом и есть ли был, то за что имянно, когда и чем дело кончено.

Не бывал.

К продолжению статской службы способен и к повышению чина достоин или нет и зачем.

Способен и достоин.

Не было ли с отставкою, с награждением чина или без онаго и когда.

Был в отставке с награждением чина порутчика 793 января 1 и находился не у дел по 23 января 794, а потом 799 мая с 30 того ж года декабря по 16 число.

Женат ли, имеет ли детей, кого имянно, коликих лет и где находятся.

Женат, имеет сына Ивана, 9 лет.

РГИА. Ф. 1349. Оп. 4 – 1819. Д. 215. Л. 18об-19об.

№7

1819 г. – Формулярный список губернского секретаря А. Г. Сведомского.

Чин, имя, фамилия, должность им отправляемая и сколько от роду лет.

Александр Гаврилов сын Сведомский кавалер Святыя Анны 3-й степени в Пермской палате уголовного суда Секретарем, 28 лет.

Из какого звания происходит.

Из священнических детей.

Сколько имеет во владении крестьян в которых уездах и как имена селений.

Не имеет.

Когда в службу вступил, во оной какими чинами, в каких должностях и где происходил; так же не было ль каких отличных по службе деяний и не было ли особенно кроме чинов чем награжден и когда.

В службу вступил в Пермское губернское правление подканцеляристом – 802 июля 21.

Канцеляристом – 804 Апреля 22.

Переведен в канцелярию Пермского и Вятского генерал-губернатора – 806 генваря 4.

Коллежским регистратором – 807 Декабря 31.

Губернским секретарем – 810 Декабря 31.

В нынешнюю должность – 811 мая 12.

Коллежским секретарем – 813 декабря 31.

Титулярным советником – 816 того же.

Всемиловитейше пожалован кавалером Ордена Св. Анны 3-й степени – 819 марта 21.

В походах против неприятеля и в самых сражениях был или нет и когда именно.

Не бывал.

Не был ли в штрафах и под судом и есть ли был, то за что имянно, когда и чем дело кончено.

Не бывал.

К продолжению статской службы способен и к повышению чина достоин или нет и за чем.

Способен и достоин.

Не было ли с отставкою, с награждением чина или без онаго и когда.

Не бывал.

Женат ли, имеет ли детей, кого имянно, коликих лет и где находятся.

Холост.

РГИА. Ф. 1349. Оп. 4 – 1819. Д. 215. Л. 100об-100.

№8

1819 г. – Формулярный список коллежского секретаря М. Г. Сведомского.

Чин, имя, фамилия, должность им отправляемая и сколько от роду лет.

Михайло Гаврилов сын Сведомский кавалер ордена Святого Владимира 4^й степени, при пермском гражданском губернаторе секретарем. 33^х лет.

Из какого звания происходит.

Из священнических детей.

Сколько имеет во владении крестьян в которых уездах и как имена селений.

Не имеет.

Когда в службу вступил, во оной какими чинами, в каких должностях и где происходил; так же не было ль каких отличных по службе деяний и не было ли особенно кроме чинов чем награжден и когда.

В Пермском губернском правлении подканцеляристом – 798 июля 28.

Канцеляристом – 802 [пропуск] 21.

Повытчиком – 802 декабря 31.

Коллежским регистратором – 803 декабря 31.

Секретарем гражданского губернатора – 806 сентября 1.

Губернским секретарем – 806 декабря 31.

Титулярным советником – 809 декабря 31.

Всемиловитейшее пожалован орденом Святого Владимира 4-й степени – 1807 ноября 9.

В походах против неприятеля и в самых сражениях был или нет и когда именно.

Не бывал

Не был ли в штрафах и под судом и есть ли был, то за что имянно, когда и чем дело кончено.

Не бывал.

К продолжению статской службы способен и к повышению чина достоин или нет и за чем.

Способен и достоин.
Не было ли с отставкою, с награждением чином или без оного и когда.
[прочерк]
Женат ли, имеет ли детей, кого имянно, коликих лет и где находятся.
Холост.

РГИА. Ф. 1349. Оп. 4 – 1819 г. Д. 215. Л. 76об.

№9

1819 г. – Формулярный список коллежского секретаря П. Г. Сведомского.

Чин, имя, фамилия, должность им отправляемая и сколько от роду лет.

Павел Гавриилов сын Сведомский в Пермском Губернском правлении Секретарь, 29 лет.

Из какого звания происходит.

Из священнических детей.

Сколько имеет во владении крестьян в которых уездах и как имена селений.

Не имеет.

Когда в службу вступил, во оной какими чинами, в каких должностях и где происходил; так же не было ли каких отличных по службе деяний и не было ли особенно кроме чинов чем награжден и когда.

В Пермское губернское правление подканцеляристом – 802 июля 21.

Произведен канцеляристом – 804 Апреля 22.

Коллежским регистратором – 807 Декабря 31.

Журналистом – того же.

К исправлению секретарской должности – 809 Сентября 10.

Губернским секретарем – 810 Декабря 31.

Утвержден губернского правления секретарем – 811 Июля 17.

Сверх того по определению губернского правления учиненному 27 Мая 1810 года с оного по 2-е число марта 1819 года исправлял должность секретаря в учрежденном для главнейших городских и земских повинностей комитета {и наконец} по отзыву г-на пермского гражданского губернатора и кавалера с 7-го января по 22 марта 1810 года с отправлением секретарской должности по губернскому правлению и означенному комитету занимался такового ж по приказу общественного призрения.

Коллежским секретарем – 813 декабря 31.

Титулярным советником – 816 того же.

В походах против неприятеля и в самых сражениях был или нет и когда именно.

Не бывал.

Не был ли в штрафах и под судом и есть ли был, то за что имянно, когда и чем дело кончено.

Не бывал.

К продолжению статской службы способен и к повышению чина достоин или нет и зачем.

Способен и достоин.

Не было ли с отставкою, с награждением чином или без оного и когда.

Не бывал.

Женат ли, имеет ли детей, кого имянно, коликих лет и где находятся.

Холост.

РГИА. Ф. 1349. Оп. 4 – 1819. Д. 215. Л. 98об-100.

№10

1819 г. – Формулярный список советника пермской казенной палаты В. Н. Берха.

Чин, имя, фамилия, должность им отправляемая и сколько от роду лет.

Василий Николаев сын Берх в пермской казенной палате советником. 38 лет.

Из какого звания происходит.

Из дворян.

Сколько имеет во владении крестьян в которых уездах и как имена селений.

Не имеет.

Когда в службу вступил, во оной какими чинами, в каких должностях и где происходил; так же не было ли каких отличных по службе деяний и не было ли особенно кроме чинов чем награжден и когда.

В службу вступил в морской корпус кадетом – 795 мая 30.

Гардемарином – 797 июня 11.

Мичманом – 799 мая 19.

По именному высочайшему указу за отличие в вояже кругом Света лейтенантским чином и пенсионом – 806 августа 2.

Уволен по высочайшему повелению и прошению за болезнь от службы с награждением с награждением капитан-лейтенантским чином – 808 генваря 9.

В Пермскую казенную палату определен советником с переименованием в титулярного советника – 811 генваря 26.

Во время служения по флоту был награждаем

От вдовствующей государыни императрицы Марии Федоровны золотыми часами – 806 [пропуск].

А от государя императора за сочинение карты российско-американских владений бриллиантовым перстнем – 808 [пропуск].

В походах против неприятеля и в самых сражениях был или нет и когда именно.

В походах был в балтийском и немецком морях компании регламентной [три слова нрзб.] 8-го 1803 по 23 июля.

Не был ли в штрафах и под судом и есть ли был, то за что имянно, когда и чем дело кончено.

Не бывал.

К продолжению статской службы способен и к повышению чина достоин или нет и зачем.

Способен и достоин.

Не было ли с отставкою, с награждением чина или без онаго и когда.

Был по прошению и за болезнью уволен с награждением капитан-лейтенантским чином – 808 [пропуск] ²³.

Женат ли, имеет ли детей, кого имянно, коликих лет и где находятся.

Женат имеет сынов 1-го года и 2-х.

РГИА. Ф. 1349. Оп. 4 – 1819 г. Д. 215. Л. 77об-78.

№11

1819 г. - Формулярный список советника пермского губернского землемера П. Т. Артемьева.

Чин, имя, фамилия, должность им отправляемая и сколько от роду лет.

Прокофий Трофимов сын Артемьев в Пермской губернии губернским землемером, 33 лет.

Из какого звания происходит.

Из солдатских детей.

Сколько имеет во владении крестьян в которых уездах и как имена селений.

Не имеет.

Когда в службу вступил, во одной какими чинами, в каких должностях и где происходил; так же не было ль каких отличных по службе деяний и не было ли особенно кроме чинов чем награжден и когда.

В службу вступил в межевую канцелярию младшим учеником – 796 мая 8.

Старшим – 800 марта 7.

Помощником – 801 мая 20.

Из одной переведен в [2 букв. нрзб. Ек?]ритовскую межевую контору – 802 [пропуск].

Коллежским регистратором – 804 декабря 31-го.

Губернским Секретарем – 807 декабря 31-го.

Определен Правительствующим Сенатом Олонецкой губернии город Пудож уездным землемером – 809 генваря 17.

Коллежским Секретарем – 810 декабря 31.

Титулярным Советником – 813 того ж ²⁴.

Правительствующего Сената Межевого департамента в чертежную младшим землемером – 814 августа 4.

В нынешнюю должность – 816 марта 2.

В походах против неприятеля и в самых сражениях был или нет и когда именно.

Не бывал.

Не был ли в штрафах и под судом и есть ли был, то за что имянно, когда и чем дело кончено.

Не бывал.

К продолжению статской службы способен и к повышению чина достоин или нет и зачем.

Способен и достоин.

Не было ли с отставкою, с награждением чина или без онаго и когда.

Не бывал.

Женат ли, имеет ли детей, кого имянно, коликих лет и где находятся.

Женат детей не имеет.

РГИА. Ф. 1349. Оп. 4 – 1819 г. Д. 215. Л. 83об-84об.

Пермские чиновники

23 января 1794 г. в Пермский губернский магистрат был принят на службу стряпчим Дмитрий Васильев сын Дягилев «из обер-офицерских детей». Его отец берггешворен Василий Павлович в момент рождения сына служил управляющим Каменского завода. Мать Татьяна Степановна – дочь купца Нечаева. До приезда в Пермь Дмитрий Васильевич успел послужить унтершихтмейстером²⁵, каптенармусом²⁶ и вахмистром²⁷ в Сибирском драгунском полку. Заметим, что все это хозяйственные должности. 13 декабря 1792 г. он стал прапорщиком²⁸ лейб-гвардии Семеновского полка, но, прослужив всего год, вышел в отставку поручиком. Такая гвардейская перипетия в судьбе Дягилева объясняется просто. В армии до Манифеста 11 июня 1845 г. все обер-офицеры (XIV–IX класс) получали потомственное дворянство, а в гвардии, по сравнению с армией, звания считались чином выше. Поэтому прапорщик Дягилев вышел в отставку поручиком и потомственным дворянином.

Вернувшись на родину, Д. В. Дягилев поступил на гражданскую службу в губернской администрации по привычной финансово-хозяйственной части и достаточно быстро достиг карьерного потолка. В 1799 г. (уже при К. Ф. Модерахе) он стал губерньским казначеем и далее повышался уже не в должности, а в чинах. Д. В. Дягилев был пожалован «Коллежским асессором за отличность по высочайшему повелению – 1804 Июня 14», а, значит, его стали называть «Ваше высокоблагородие». 31 августа 1808 г. по высочайшему же повелению был пожалован чином VII класса – надворным советником, что соответствовало чину армейского подполковника. Известно, что, начиная с 1803 г., данный чин могли присваивать директора департаментов министерств и губернское начальство, так что, скорее всего, Дягилеву порадел К. Ф. Модерах.

28 июня 1798 г. в Пермское губернское правление был принят на службу М. Г. Сведомский «из священнических детей». А 21 июля 1802 г. туда же принимаются подканцеляристами его младшие братья П. Г. и А. Г. Сведомские. Михаил «за порядок сохраняемый по приказу Общественного Призрения во всех частях получил Высочайшее Его императорского Величества Благоволение», а с 1806 г. стал секретарем только что назначенного гражданского губернатора Б. А. Гермеса. Усердие и расторопность молодых чиновников были замечены генерал-губернатором, он поручает им ответственные задания, и они быстро

растут по службе. К 1811 г. Михаил уже титулярный советник, а младшие братья губерньские секретари, т. е. чиновники соответственно IX и XII класса. Павел «исправлял должность секретаря в учрежденном для главнейших городских и земских повинностей комитета и по отзыву г-на пермского гражданского губернатора ... занимался такового ж по приказу общественного призрения», а Александр служил при Модерахе «в канцелярии Пермского и Вятского генерал-губернатора». Даже после отъезда их благодетеля карьера братьев успешно продолжалась: Павел Гаврилович, продолжая заниматься делами общественного призрения, стал кавалером ордена Св. Анны 2 степени, Александр Гаврилович служил в Пермской палате уголовного суда и тоже получил орден Св. Анны, но 3-й степени. А Павел Гаврилович остался в Пермском Губерньском правлении.

Мы застаем братьев (особенно Михаила) на весьма сложном этапе их карьеры. Дело в том, что следующий классный чин коллежского асессора давал право на потомственное дворянство, и этот служебный порог преодолеть чиновнику из разночинцев было очень трудно. Большинство титулярных советников навсегда оставались в этом чине, «вечными титулярными советниками», «штулярами», «титуляшками».

Василий Николаевич Берх начал службу в военно-морском флоте и почти сразу же имел повод отличиться. В 1803 г. он участвовал в «кампании регламентной», которая приравнивалась к военным действиям²⁹. А в 1803 – 1806 гг. принял участие в первом российском кругосветном путешествии кораблей «Надежда» и «Нева» под командованием И. Ф. Крузенштерна и Ю. Ф. Лисянского, за что был награжден лейтенантским чином и пожизненным пенсионом. Трудности похода не прошли бесследно для его здоровья и в 1808 г. он вышел в отставку с повышением в чине до капитан-лейтенанта.

В 1811 г. он поступил на гражданскую службу в Пермскую казенную палату в чине титулярного советника. Для Василия Николаевича в отличие от Дягилева и Сведомских этот чин не был критическим, поскольку он был дворянином. Казенная палата это губерньское учреждение Министерства финансов, по департаменту Государственного казначейства. Палата руководила всеми губерньскими и уездными организациями, занимавшимися сбором государственных налогов и губерньским Казначейством. Очевидно, что Василий Николаевич был знаком и сталкивался по служебным вопросам с Д. В. Дягилевым, который служил в подчиненном Палате Казначействе.

О пермском губернском землемере Алексее Ивановиче Калинине известно немного. Он, как и многие пермские чиновники происходил из разночинцев. Судя по формулировке «Из обер офицерских детей», его отец дослужился до первых офицерских чинов (поручика, может быть, капитана), несомненно, по горному ведомству, получил личное дворянство, но «титулярного порога» не преодолел. На 1811 г. А. И. Калинин находился в таком же положении, хотя был на весьма хорошем счету: еще в 1801 г., будучи уездным землемером, был пожалован чином X класса ³⁰ «за сочинение атласа Пермской губернии». Это тот самый «Пермской губернии атлас из четырнадцати планов состоящий и разделяющий губернию на двенадцать уездов с подробным всей губернии описанием и о каждом уезде порознь» ³¹, который послужил основой и толчком для составления не менее известного «Историко-географическое описания Пермской губернии...» Н. С. Попова ³². Известно, что над этим важнейшим картографическим документом Алексей Иванович трудился под непосредственным руководством К. Ф. Модераха и награжден был с его подачи ³³.

Другой пермский губернский землемер Прокофий Трофимович Артемьев, судя по всему, пермяком по рождению не был. Он послужил в Олонецкой губернии, Правительствующем Сенате, а Пермь был переведен 2 марта 1816 г. на место по какой-то причине вышедшего А. И. Калинина. Заметим, что это случилось уже при губернаторстве Б. А. Гермеса, что может свидетельствовать об отказе от политики опоры на местные кадры.

Личность губернского архитектора Петра Тимофеевича Васильева хорошо известна, как известен Спасо-Преображенский собор, выстроенный по его проекту. К сожалению, большинство его построек не дошло до нашего времени, а биографических сведений крайне мало. К сожалению, в небольшом, хотя очень информативном пермском энциклопедическом словаре «Архитекторы и архитектурные памятники...» ³⁴ нет посвященной ему особой статьи, а в статье «Архитекторы губернские» о нем всего лишь 7 строк. Тем более интересно изучить его формулярный список. «Петр Тимофеев сын Васильев» происходил, как и многие другие пермские чиновники «второго призыва» из нечиновных слоев общества: «из мастеровых детей». Начал службу тоже очень характерно для Урала – в горном ведомстве «геодезии учеником». Его дальнейшая карьера развивалась стремительно, с подачи генерал-губернатора А. А. Вол-

кова он был направлен в «архитекторскую команду» выдающегося российского зодчего Ф.М. Казакова ³⁵. Этот период и отразился характерным образом в его формуляре, когда после пятилетнего перерыва Петр Тимофеевич совершил карьерный прыжок из унтер-шихтмейстера второго класса ³⁶ в губернские архитекторы. Но это был, если угодно, не чиновный, а должностной прыжок. Губернский архитектор за 14 лет с 1793 по 1819 г. дослужился только до пресловутого титулярного советника, и на пятом десятке все еще был «штуляром».

Хотя П. Т. Васильев и обучался у великого зодчего, но академического архитектурного образования не имел. Вероятно поэтому у губернской администрации существовали некоторые сомнения в его квалификации. Так, особенно на начальном этапе его карьеры, власти отвергали его сметы и проекты, перепоручая более опытным архитекторам. А И. И. Связев в своем письме в Пермскую городскую думу от 19 июня 1826 г. в ответ на замечания П. Т. Васильева по поводу проекта Всехсвятской церкви на Новом Егошихинском кладбище весьма язвительно намекал между строк, что губернскому архитектору не хватает образования и его фантазия не идет далее «образцовых» проектов ³⁷.

Весьма может быть, что именно из-за недостатков «практического» образования Петр Тимофеевич и угодил под суд «за неправильное удостоверение» вестимости купленного в казну соляного амбара. У нас нет оснований подозревать П. Т. Васильева в непорядочности, тем более что по решению Пермской палаты уголовного суда «велено на счет его Васильева к тому магазейну зделать пристройку», что он и выполнил, возместив ущерб. А к 1819 г. судимость с губернского архитектора и вовсе была снята. Кстати, А. Г. Сведомский с 1811 г., служивший «в Пермской палате уголовного суда Секретарем», вполне мог быть задействован в решении «дела» Васильева.

Казалось бы, чем интересны нам эти провинциальные чиновники, усердные служаки провинциальных губернских канцелярий? Не только тем, что в формулярных списках каждого из них в графе «К продолжению статской службы способен и к повышению чина достоин или нет и зачем» стоит отметка: «Способен и достоин». Не только тем, что П. Г. Сведомский женился на дочери Д. В. Дягилева Татьяне. А потому, что через сто лет правнуки этих чиновников составят гордость пермской, российской и мировой культуры. Правнук Д. В. Дягиле-

ва Сергей Павлович станет выдающимся музыкальным и театральным деятелем, основателем объединения «Мир искусства», организатором знаменитых «русских сезонов» в Париже, а правнуки П. Г. Сведомского Павел и Александр Александровичи Сведомские станут выдающимися художниками, чьи живописные работы хранятся в лучших музеях мира. Значит, было в тех пермских чиновниках нечто такое, что, передаваясь из поколения в поколение, в итоге привело к рождению замечательных культурных феноменов. Поколение Берха, Дягилева, Сведомских сформировалось в эпоху екатерининского «просвещенного абсолютизма». Они были лично знакомы и в первые годы своей карьеры служили под началом пермских просветителей первого поколения И. Д. Прянишникова, И. У. Ванслова и др., заложивших в конце XVIII в. основы культуры Перми.

Формулярные списки пермских чиновников помогают уточнить детали их биографий и складываются в общую картину жизни «пермского общества» начала XIX в., члены которого были близко знакомы, а зачастую и дружны друг с другом, общаясь по служебным и общественным делам. Не случайно именно в этот период «пермское общество» и сформировалось как таковое³⁸.

Пермские губернаторы

В главе «Губернаторство Б. А. Гермеса и А. К. Криденера (1811—1823 гг.)...» «Очерков из истории города Перми»³⁹ А. А. Дмитриев, не располагавший имеющимися сегодня у исследователей материалами, весьма обобщенно описал этот период истории города и почти не затронул личности «начальников губернии». Поэтому их послужные списки являются ценными источниками, позволяющими детализовать общую картину.

Душой пермского общества в начале XIX в., несомненно, был наместник пермский и вятский Карл Федорович Модерах, правление которого считается заключительной фазой «золотого века» пермских губернаторов. О нем написано достаточно много, поэтому разумнее будет в будущем написать об этом человеке отдельную работу на основании широкого круга источников, нежели комментировать уже хорошо известный документ. Будучи весьма неординарной личностью, К. Ф. Модерах поддерживал устремления лучших людей Перми и пользовался всегдашним уважением и любовью пермяков как человек безукоризненной порядочности. Он не только сам был замечательным специалистом, но и умел подбирать порядочных и квалифицированных сотрудников.

Богдан Иванович Гермес получил одно из лучших в России на конец XVIII в. образование в «Артиллеристском инженерном шляхетском кадетском корпусе». То есть, в том же самом учебном заведении, которое несколько ранее закончил К. Ф. Модерах. Не сказать, что его первоначальная карьера была головокружительной. Подпоручиком Б. Гермес участвовал в Русско-турецкой войне 1787—1792 гг., и в частности, 6 декабря 1788 г. в штурме турецкой крепости Очакова. Военные историки вслед за Суворовым считают, что штурм Потемкиным был организован с военной точки зрения безграмотно, что привело к большим потерям. Полковая артиллерия, которая могла бы мобильно поддерживать огнем штурмующих, в нужный момент использовалась мало. Известно также, что Потемкин приказал 300 артиллеристам майора К. И. Меллера бросить орудия и лезть на стены. Известно, что в Екатеринославской армии Потемкина было всего 180 орудий, т. е. в этой атаке практически участвовало до половины артиллеристов, а среди них и поручик Гермес, который получил за штурм золотой крест. Георгиевский крест за штурм Очакова Богдан Андреевич получил только в феврале 1802 г., будучи уже на гражданской службе.

Как истинный военный он кочевал с войны на войну. «1790 против шведов на Балтийском море во многих сражениях под командованием вице адмирала Круза, в том же году на канонерских лодках на финских водах и при взятии острова Корнара был, за что пожалован был золотою шпагою». Вице-адмирал А. И. Круз в русско-шведской войне 1788—1790 гг. командовал на Балтийском море поспешно вооруженной и минимально обученной эскадрой, включавшей 17 кораблей и 8 фрегатов⁴⁰. Насколько поспешным было ее формирование можно судить уже по тому факту, что капитана Б. А. Гермеса и других сухопутных артиллеристов, не имевших опыта морских стрельб, отправили в бой на канонерских лодках — небольших парусно-гребных судах с установленным на носу одним крупным орудием.

23 мая 1790 г. у форта Красная Горка эскадра Круза встретила шведский флот герцога Карла Сёдерманландского, состоявшую из 21 корабля, 8 фрегатов с 2000 орудиями против всего 1400 пушек у Круза. Красногорское сражение, начавшееся в 4 часа утра, закончилось к 8 часам вечера отступлением шведов. 26 мая они были окружены в Выборгской бухте соединившимися эскадрами А. И. Круза и В. Я. Чичагова, и после месячной блокады решились пробиться сквозь русский флот. 21 и 22 июня, после кровопролитного сражения, они вырвались в открытое море, потеряв при этом 6 кораблей и 4 фрегата.

Судя по формуляру, накануне войны с Францией «от армии полковник» Гермес был командирован на юг России (Киев, Херсон) для подготовки артиллерийских кадров к боевым действиям. Именно в Херсоне еще в 1785 г. было учреждено Черноморское адмиралтейство. 2 сентября 1798 г. Б. А. Гермес был пожалован генеральским чином, а в октябре того же года 16 боевых кораблей эскадры адмирала Ушакова пришли в Константинополь. На этих судах в качестве десанта был херсонский гренадерский полк, совершивший вместе с моряками множество подвигов. Именно поэтому, казалось бы, скромную командировку на юг, Гермесу посчитали за участие в боевых действиях. И вообще он довольно счастливо пережил бурную эпоху Павла I.

Понимая, что на военной службе он достиг карьерного предела, Богдан Андреевич, как и многие другие дворяне, перешел на гражданскую службу, которую начал в должности вице-губернатора в хорошо ему знакомой Новороссийской губернии. Затем 1 ноября 1801 г. был переведен гражданским губернатором в Тобольскую губернию, которая еще совсем недавно была частью Пермского и Тобольского наместничества. Инженерное образование тобольского губернатора, видимо было учтено, когда он в 1806 г. был назначен гражданским губернатором в горнозаводскую Пермскую губернию, в помощь К. Ф. Модераху, получившему в 1804 г. в управление еще и Вятскую губернию.

Формулярный список Б. А. Гермеса остановился в описании его карьеры на 1811 г, когда губернатор был пожалован в тайные советники и стал штатским генералом. Дальнейшая его судьба прослеживается в «Русском биографическом словаре» А. А. Половцова: «26 мая 1817 г. назначен сенатором (по 8-му департаменту). В 1817 г. был командирован в Пермскую губернию по поводу неурожая; в 1818 г. ревизовал Кавказскую и Астраханскую губернии и 14 декабря 1820 г. командирован в Черниговскую губернию для продовольствования казенных поселян, казаков и помещичьих крестьян хлебом. 31 января 1823 г. назначен главным директором Межевой канцелярии, 9 апреля 1832 г. произведен в действительные тайные советники и 4 ноября 1833 г., согласно прошению, уволен от должности главного директора... Скончался 2 мая 1839 г. и погребен в Москве на Введенских горах. По отзыву Ф. Ф. Вигеля Гермеса в Сибири любили и уважали за бескорыстие, доброту и строгость только в случае надобности»⁴¹.

Как-то не очень вяжется все, что нам ныне известно о Б. А. Гермесе, с почти уничижительной оценкой А. А. Дмитриева, которую

тот явно заимствовал из статьи А. Кашина в «Пермских губернских ведомостях» 1864 г. Особенно это касается скандальной ситуации со ссылкой М. М. Сперанского, которая хорошо известна. А. А. Дмитриев писал, что «при Гермесе завелись другие «порядки»: губернатор только по имени был начальник губернии; все важнейшие дела он предоставлял решать своему секретарю (должность, равнявшаяся нынешней должности правителя губернаторской канцелярии), отчасти и другим чиновникам, по принадлежности дел, а мелкие – супруге своей Анне Ивановне»⁴². Секретарем гражданского губернатора, заметим, с 1 сентября 1806 г. был М. Г. Сведомский. Тот самый Сведомский, который «замечательный местный деятель Пермской губ.; первый стал там устраивать городские училища, основал в Перми ланкастерскую школу...»⁴³ и проч., проч., проч.

Дмитриев продолжает: «Прежде всего пермская администрация была поставлена в немалое затруднение тем, как понимать слова высочайшего указа, при котором был доставлен Сперанский: «иметь Сперанского под строгим присмотром»⁴⁴. И это было действительно проблемой. Четко сформулированного юридического понятия «полицейский надзор» в начале XIX в. просто не существовало. В Российской империи такая административная мера только-только начала применяться. А законодательно полицейский надзор был введен лишь в 1882 г. Именно тогда появился гласный и негласный, временный и пожизненный надзор. Поднадзорный не имел права менять места жительства, состоять на государственной и общественной службе и проч.

М. М. Сперанский в Перми должен был поступить под надзор Управы благочиния, высшего органа городского полицейского надзора, которая занималась не только вопросами охраны общественного порядка, но и вопросами благоустройства города. Устав благочиния 1782 г. соединял полицейскую власть с гражданской, и «функции органов полиции, таким образом, не ограничивались чисто полицейскими в том значении, какое это слово приобрело в более позднее время, но, скорее, понималось в соответствии с мыслью Петра I в одном из своих указов, писавшего, что «полиция – есть душа общества»⁴⁵. Так что с точки зрения юриспруденции формулировка высочайшего указа «под строгим присмотром» могла означать, что угодно. Александр I, этот «актер на троне», с присущим ему лицемерием употребил в документе фразу, с одной стороны требующую установить строжайшее наблюдение (в прямом смысле этого слова) за Сперанским, а с другой – «присмотр» это не «надзор», не официальная полицейская

мера. Получив такой документ, Б. А. Гермес оказался в труднейшем положении, как же его толковать? Как нам теперь известно, указ был понят буквально, и в квартиру «изменнику» к Сперанскому были посажены будочники. Но сделано это было не из трусости, и, видимо, не по совету супруги, ибо трудно представить себе боевого офицера подкаблучником. Просто таково было его представление о выполнении приказа.

Кроме всего прочего, формулярный список позволяет уточнить сведения А. Кашина и А. А. Дмитриева о том, что Б. А. Гермес приехал в Пермь в конце 1805 г.⁴⁶ Из формуляра видно, что указ о его назначении в Пермь состоялся только «в 15 день Маия 1806 года».

Антон Карлович Криденер «из лифляндских дворян», если быть точнее, из русского баронского рода немецкого происхождения, восходящего к началу XIV в.⁴⁷, сменил Б. А. Гермеса по указу от 25 августа 1817 г. Н. М. Дупикова в 1997 г. при составлении биографической справки А. К. Криденера для книги о пермских губернаторах⁴⁸ использовала более поздний (1824 г.), стало быть, более полный формулярный список⁴⁹, чем публикуемый в данной статье. Однако сам документ опубликован не был, а он позволяет получить не только служебную, но и весьма личностную информацию об Антоне Карловиче.

Не станем утруждаться цитированием составленного с немецкой пунктуальностью формуляра, в котором дотошно приводятся все заслуги (вплоть до мелких), рекомендации влиятельных чинов и все награды вплоть до праздничной бронзовой медали. Обратим внимание лишь на несколько моментов.

Среди рекомендателей (читай – покровителей) А. К. Криденера упомянуты: генерал-фельдмаршал М. Б. Барклай-де-Толли (шотландец), дозволивший «носить серебряную медаль, установленную в память 812 года»; генерал-адъютант, рижский военный губернатор маркиз О. Ф. Паулуччи (итальянец), свидетельствовавший, что рижская полиция при Криденере «была в наилучшей исправности». От земляка, лифляндского барона и генерала от инфантерии Б. Ф. Кнорринга Антон Карлович получил «особый аттестат» за участие в незначительном сражении у пограничной р. Кюмень, когда российскими войсками был взят мост и отбито несколько орудий передовой шведской батареи. От еще одного земляка генерал-лейтенанта Ф. Ф. Левиз-оф-Менара полковник Криденер в 1812 г. получил еще один аттестат за участие в крайне неудачном для русской армии сражении под Ригой, после которого были сожжены предместья города.

Другими словами, в серьезных сражениях А. К. Криденер участия не принимал, боевых наград не имел, но пользовался любой возможностью засвидетельствовать у земляков и иностранцев на русской службе свои заслуги. В его формуляре имеется очень характерная запись: «За отличную деятельность и **расторопность** к службе всемилостивейшее пожаловал бриллиантовый перстень – 811 ноября 3». Кольцо с бриллиантом в начале XIX в. награда ординарная, И. И. Свиязев имел таких два, причем второе он получил только за то, что предоставил свой дом для переодевания в чистую шинель императору Александру I, когда тот посетил Пермь в 1824 г.⁵⁰

Да и служил Антон Карлович не так, как его предшественники. Окончив Артиллерийский шляхетский корпус, он поступил на службу в Выборгский пехотный полк: не по военной специальности, но ближе к дому. В 1786 г. поручиком поступил в адъютанты к Лифляндскому генерал-губернатору Фридриху Вильгельму Карлу, принцу Вюртембергскому, чтобы, не прослужив года, выйти в армию капитаном. Трижды выходил в отставку, возвращался обратно, пока не определился со службой в милиции, т.е. в ополчении, созданном в конце 1806 г., во время русско-прусско-французской войны в связи с угрозой вторжения наполеоновских войск в Россию, где и получил золотую медаль. А из ополчения перевелся в Санкт-Петербург полицмейстером, где был награжден орденом св. Анны. Затем перешел на такую же должность в Риге. Тут он стал «кавалером Ордена Святого Владимира 3^й степени» он стал за «открытие преступника Изографова».

И, наконец, в научных работах последних лет именно с именем А. К. Криденера связывают развитие начального образования в губернии, поскольку при нем были основаны городские училища и Ланкастерская школа. Однако, сам Антон Карлович в 1819 г. писал, что учитель гимназии В. Т. Феонов и титулярный советник М. Г. Сведомский «при всех встретившихся им затруднениях в совершении сего подвига в полной мере определили мой выбор и сделанное им доверие»⁵¹. С именем Михаила Сведомского связывает учреждение училищ и уже цитированный словарь Брокгауза и Ефрона. Снова из-за спины очередного пермского губернатора появляется фигура «при пермском гражданском губернаторе секретаря», инициативного, предприимчивого чиновника, на которого «губернские начальники» могли переложить, по крайней мере, часть своих обязанностей.

При Александре I произошло принципиальное изменение в положении местных властей. Хотя при вступлении на престол и обещал править по обычаям бабки, на деле события развивались совершенно иначе. Император ликвидировал начала децентрализации власти, положенные в основу екатерининского Учреждения о губерниях. В манифесте об учреждении министерств 8 сентября 1802 г. мотивом его выставляется желание «разделить государственные дела на разные части, соответственно естественной их связи между собой, и для успешнейшего течения поручить оные ведению избранных министров». По мнению историков XIX века, в сочетании новых центральных учреждений и местной администрации больше всего затруднений для правительства представляла должность генерал-губернатора, которая противоречила одной из целей учреждения министерств – уничтожить все опосредствующие инстанции между губернским и высшим управлением. В результате министерской реформы Александра I губернаторы из подлинных «хозяев губернии» превратились в простых исполнителей высочайшей и министерской воли, практически лишенных возможности самостоятельной деятельности на местах. Наблюдение за сменой пермских губернаторов прекрасно иллюстрирует это положение. Три немца сидели в Перми в губернаторском кресле, но какие это были разные немцы. И дело тут не в человеческом характере, квалификации и порядочности. Смысл изменений заключается в трансформации системы государственного управления на уровне страны.

¹ РГИА. Ф. 1349. Оп. 4 – 1811 г. Д. 33.

² РГИА. Ф. 1349. Оп. 4 – 1819 г. Д. 215.

³ ГАПК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 19. Л. 3-4.

⁴ Пермский край: Старая Пермь (1723-1917): Краевед. сб. – Пермь, 1992. – С. 63-65. Список издан с некоторыми сокращениями.

⁵ Правила издания исторических документов в СССР. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 1990.

⁶ Унтер-офицерское воинское звание, присваивавшееся чертёжникам и художникам в главных, окружных и полевых инженерных управлениях.

⁷ В данном месте стоит прочерк, поскольку К. Ф. Модерах как высшее должностное лицо губернии не мог оценивать собственную «способность» и «достоинство».

⁸ Супруга: Иоганна-Елизавета.

⁹ Кроме сына, К. Ф. Модерах имел также дочерей: Вильгельму, Елизавету, Наталью, Софью и Шарлоту.

¹⁰ В фондах РГИА имеется еще один экземпляр формулярного списка П. Т. Васильева, датированный 1819 г. Он полностью совпадает с приведенным документом, только в пункте о достоинстве к повышению сделана запись «Способен и достоин». РГИА. Ф. 1349. Оп. 4 – 1819 г. Д. 215. Л. 71об-72.

¹¹ Генерал-аншеф барон Иван Иванович Меллер-Закомельский (1725–1790) в 1789 г. очень недолго возглавлял Инженерный корпус.

¹² Александр Иванович фон Круз (Крюйс) (1731–1799).

¹³ Надо – Роченсальм – город в Швеции, с 1878 г. – финский г. Котка.

¹⁴ Фридрих Вильгельм Карл, принц Вюртембергский, брат великой княгини Марии Федоровны.

¹⁵ Т.е. на период русско-шведской войны.

¹⁶ О. Ф. Паулуччи (1779, Модена – 13 января 1849, Ницца). На русской военной службе состоял в 1807–1829 гг.

¹⁷ Река Кюмень по мирному договору 16 июня 1743 г. между Россией и Швецией стала пограничной.

¹⁸ Кекаву (Даленкирхен).

¹⁹ Экау (Иецаве, Ецаву).

²⁰ (Лиелупе).

²¹ *Левиз-оф-Менар Федор Федорович* (1757–1824), генерал-лейтенант, в 1812 г. командовал отрядом в корпусе И. Н. Эссена, действовавшем под Ригой.

²² Аналогично случаю с К. Ф. Модерахом.

²³ На месте пропуска должно было стоять: «генваря 9», см. выше запись об увольнении по болезни.

²⁴ Т. е. 31 декабря. Повышение в чинах в начале XIX в. приурочивалось к Новому году.

²⁵ Неклассный чин и должность горного ведомства.

²⁶ Унтер-офицерское воинское звание, чин и должность в эскадроне русской армии ниже XIV класса в Табеле о рангах. Каптенармус осуществлял учёт и хранение имущества, оружия, выдачу провианта.

²⁷ Воинское звание унтер-офицерского состава кавалерии Помощник командира эскадрона в проведении строевой подготовки и организации хозяйства и внутреннего порядка. До 1826 г. это звание было высшим для унтер-офицеров, но следует учитывать, что в эти годы. в т. н. «старой» гвардии вахмистры были отнесены к соответствующим классам Табели о рангах (XIV, ранее XIII), но обер-офицерами не считались и к ним не приравнивались. Однако в армию они могли быть переведены корнетами.

²⁸ Первый обер-офицерский чин.

²⁹ 30 марта 1803 г. Англия и Россия заключили военный союз, а Балтийский флот и прибалтийские крепости были приведены в «оборонительное положение» на случай войны с Францией. Очевидно, с этими событиями и связана «регламентная кампания», которая приравнивалась к боевому походу.

³⁰ Т. е. коллежским секретарем.

³¹ РГИА. Ф. 1350. Оп. 312. Д. 24.

³² Историко-географическое описание Пермской губернии, сочиненное для атласа 1800 г. – Пермь, 1801.

³³ *Корчагин П. А.* Губернская столица Пермь. – Пермь, 2006. – С. 95-97.

³⁴ Архитекторы и архитектурные памятники Пермского Прикамья: Краткий энцикл. словарь. – Пермь, 2003.

³⁵ *Терехин А. С.* Пермь: Очерк архитектуры. – Пермь, 1980. – С. 28.

³⁶ Чин унтер-шихтмейстера второго класса не считался даже обер-офицерским и находился за пределами Табели о рангах. В низший XIV класс Табели попадал только следующий по старшинству горный чин шихтмейстера, соответствовавший коллежскому регистратору и подпрапорщику.

³⁷ *Марченко А.* Летопись православных храмов на Егошихинском кладбище города Перми. – Пермь, 2007. – С. 60.

³⁸ Подробнее см.: Корчагин П. А. Пермское общество: губернская эпоха. – Пермь, 2009. – С. 35-50.

³⁹ Дмитриев А. А. Очерки из истории губернского города Перми с основания поселения до 1845 года с приложением летописи города Перми с 1845 по 1890 года. – Пермь, 1889. – С. 157-180.

⁴⁰ Половцев А. А. Русский биографический словарь. – Т. 9: Кнаппе-Кюхельбекер. – СПб., 1903. – С. 463.

⁴¹ Русский биографический словарь. – Т. 5: Герберский-Гогенлоэ. – СПб., 1916. – С. 66.

⁴² Дмитриев А. А. Очерки из истории губернского города... – С. 158.

⁴³ Русский биографический словарь. – Т. 18: Сабанеев-Смыслов. – СПб., 1904. – С. 239.

⁴⁴ Дмитриев А. А. Очерки... – С. 166.

⁴⁵ Административно-территориальное устройство России: История и современность. – М., 2003. – С. 92.

⁴⁶ Дмитриев А. А. Очерки... – С. 157.

⁴⁷ Энциклопедический Словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. – Т. 16А (32): Коялович-Кулон. – М., 1895. – С. 742.

⁴⁸ Дупикова Н. М., Кирьянов И. К. Пермские губернаторы: традиции и современность. – Пермь, 1997. – С. 56-58.

⁴⁹ РГИА. Ф. 1263. Оп. 1 – 1824 г. Д. 369. Л. 417-424.

⁵⁰ Дмитриев А. А. Очерки... – С. 183.

⁵¹ Корчагин П. А. Губернская столица Пермь. – Пермь, 2006. – С. 106.

О СТРОИТЕЛЬСТВЕ БАНИ В ПЕРМИ

Список.

В Пермскую градскую думу.
Пермского купца Дмитрия Емельянова Смышляева.
Кондиции.

1.

По предписанию Его Превосходительства Пермского гражданского губернатора и кавалера Криденера о вызове желающих на постройку при здешнем городе торговой деревянной бани по неизъявлению желающих принимаю я таковую на себя и собственным капиталом и рабочими людьми в одном корпусе на два отделения мужскую и женскую и что к тому потребно будет выстроить на удобном для того месте без всякого городу в десять лет оброку как подземельных акцизных и по отводу квартир.

2.

Баню же обязуюсь я построить по данному мне на то от правительства плану и фасаду (л. 5) но не более как в длину на 9 саженьях а в поперек на 5-ти и притом ограду и всю к тому принадлежность устроить во всех частях прочно своим капиталом и присмотром не требуя от градской думы ничего – а буде еще вздумаю с позволения правительства на отход выстрою баню в том мне препятствия от думы не делать.

3.

Пользоваться мне всем тем строением десять лет и в течении сего времени градской думе и нашему обществу в мое распоряжение так и в хозяйственность не входить и никому другому нигде ничего такого не заводить. Есть ли кем будет заведено вновь выстройкою торговой бани должны мне тогда градские дума и общество все те убытки заплатить, какие я до окончания десятилетнего времени выгоды мог бы получить. (л. 5 об.).

4.

Есть ли пожелаю я по истечении десяти лет заведение мое иметь за собою о том должен градской думе объявить за шесть месяцев до срока тогда неотъемлемое имею право еще пользоваться десять лет но с платою в пользу общества по пятидесяти рублей в год на том же положении как и выше сего

в первом пункте означенного. Ежели же я Смышляев от заключения сего контракта через два года ничего по предмету сему не выстрою то обязуюсь за те два года заплатить по пятидесяти рублей в градскую думу.

5.

Буде же в течении назначенных десяти лет от небрежения моего или от воли божией згорит и я вновь строения произвести не пожелаю то меня к тому не принуждать а принять от меня точно в таком виде как она тогда будет. Есть ли же и во все (л. 6) время моего содержания не подвергнется никакому несчастью то все оное мне Смышляеву сдать в думу все в том же виде в каком она тогда будет.

6.

Кондиции сии распространяются и на тех кому я то заведение пожелаю от себя передать. Подлинные по пунктам подписаны тако к сим кондициям руку приложил пермской купец Дмитрий Смышляев. С подлинною свидетельствовал правитель дел Кузнецов.

[ГАПО. Ф. 35. Оп. 1. Д. 572. Л. 5-6 об. 1840-е гг.]

В 1862 г. «Пермские губернские ведомости» сообщали о скором окончании строительства бань купца Рябинина, которого жители города ожидали с нетерпением, поскольку «почти с 1850 года здесь не существует торговых бань, бывших тогда под названием «смышляевских». (ПГВ. – 1862. – 4 мая).

Документ предоставлен для публикации Т. А. Калининой, кандидатом исторических наук, преподавателем Пермского государственного университета. Рукописная копия с документа была снята в 1950-е гг. преподавателем ПГУ Е. В. Поповой. В настоящее время такого дела в описи фонда 35 нет, фонд был переработан. Тем не менее, составители сборника сочли возможным опубликовать документ, поскольку он представляет несомненный интерес для исследователей не только жизни и деятельности Дмитрия Емельяновича и Дмитрия Дмитриевича Смышляевых, но и города Перми в целом.

Е. П. Субботин, М. Г. Ситников

БЛОХИНЫ – РОДСТВЕННИКИ СМЫШЛЯЕВЫМ

В Пермском государственном краевом архиве мы обнаружили метрические записи, сообщающие о важных событиях в роду Смышляевых: о рождении 9 мая 1835 г. Смышляевой Александры Дмитриевны [1] и о ее бракосочетании, состоявшемся 9 мая 1856 г. в пермском Петропавловском соборе:

«Жених – Пермского Государственного ополчения майор **Платон Максимов Блохин**, 1-м браком, 32 лет; невеста – пермского почетного гражданина, 1-й гильдии купца Дмитрия Емельянова Смышляева дочь, девица **Александра**, 1-м браком, 20 лет» [2]. Среди поручителей – дворянин Николай Клушин и губернский секретарь Павел Иванов Солодовников (1826–1871) [3].

Таким образом впервые определен возраст Александры Дмитриевны (Смышляевой) Блохиной и ее мужа, дата и место их бракосочетания.

В базу данных «Пермь. Жители и гости. 1823–1924» [4] фамилия Блохиной Александры Дмитриевны (урожденной Смышляевой), родной сестры Дмитрия Дмитриевича Смышляева, включена на основании литературного источника – статьи Н. П. Одуевской «Памяти контр-адмирала К. Н. Блохина» [5]. Одуевская сообщает, что чета Блохиных имела детей: сына **Константина**, уроженца Пермского края, воспитанника Пермской гимназии, и **дочь**. Отец Константина – Блохин Платон Максимович, майор морской службы, происходивший из старинного помещного дворянского рода, – скончался, когда сыну было пять лет; мать, Александра Дмитриевна, скончалась, когда Константин учился в Морском корпусе. Нам удалось обнаружить послужной список Константина – самого известного из Блохиных, участника Цусимского морского сражения, героя Отечества, имя которого навечно вписано в историю России [6].

Блохин Константин Платонович

Родился 21 мая 1862 г.

30.09.1883 г. – гардемарин, окончил Морское училище 32-м по списку и произведён по экзамену в мичманы.

1896 г. – зачислен в артиллерийские офицеры 1-го разряда.

3.06.1895 г. – назначен младшим отделенным начальником Морского кадетского корпуса.

9.09.1900 – 1903 гг. – старший отделенный начальник Морского кадетского корпуса.

1901 г. – награждён знаком в память 200-летнего юбилея Морского корпуса.

1902 г. – зачислен в штурманские офицеры 1-го разряда.

До 2.01.1904 г. – окончил Николаевскую Морскую академию, Артиллерийский и Штурманские классы.

На 2.01.1904 г. – младший штаб-офицер крейсера «Дмитрий Донской».

7.06.1904 – 16.05.1905 гг. – старший офицер крейсера «Дмитрий Донской».

14.05.1905 г. – участвовал в Цусимском бою.

16.05.1905 г. – после гибели крейсера на о. Дажелет взят японцами в плен.

1906 г. – награждён светло-бронзовой медалью на Георгиевской и Александровской ленте в память русско-японской войны 1904–1905 гг.

1906–1909 гг. – командир УС «Азия».

8.01.1907 г. – награждён орденом Св. Георгия 4-й ст., за участие в бою с японским флотом 14-го и 15-го мая 1905 г.

1909 г. – начальник 2-го дивизиона эскадренных миноносцев Минной дивизии Балтийского моря.

1909 г. – начальник 7-го дивизиона эскадренных миноносцев 2-й Минной дивизии Балтийского моря.

29.03.1909 г. – Высочайшим приказом по морскому ведомству за № 897 произведён в капитаны 1-го ранга по линии.

1909–1912 гг. – командир броненосного крейсера «Россия» (по 5.08.1912 г.).

21.01.1913 г. – с производством в контр-адмиралы уволен в отставку.

10.02.1913 г. – скончался в С.-Петербурге, похоронен на Смоленском православном кладбище.

Портрет героя

Как же выглядел наш герой? Авторы обладают фотопортретом Константина Платоновича Блохина, который соответствует его литературному портрету в исторической эпопее «Цусима» А. С. Новикова–Прибоя (1877–1944) за которую писатель был удостоен в 1941 г. Государственной премии СССР [7]:

«Блохин сошел на палубу и тяжелой походкой, покачиваясь, направился к корме. Ручной штурвал под его руководством быстро был приведен в действие. На заднем мостике старший офицер остался надолго.

По временам большелобая голова его медленно поворачивалась, охватывая поле сражения оценивающим взглядом холодных серых глаз.

Его коренастая фигура осела и еще крепче сбилась к сорока трем годам. Круглое и загорелое лицо его поросло русой бородой, которой парикмахерские ножницы придали форму лопаты. Широкий, толстый нос уверенно покоился над его белобрысыми пушистыми усами.

Сам исполнительный и точный, Блохин требовал того же и от своих подчиненных. Он окончил Морскую академию и считался хорошим математиком. До назначения его на должность старшего офицера он служил воспитателем в морском корпусе, где преподавал астрономию, морскую съемку и математику. Кадеты побаивались его за строгость. Читая лекции, он держался с такой уверенностью, что ему дали прозвище: «Несокрушимый апломб». Корабль свой держал в порядке и чистоте, насколько позволяли условия плавания. В кают-компании любил попойничать с офицерами, но на верхней палубе в отношении с ними был очень требователен. У него была страсть к спорам. Целыми часами он доказывал минным и артиллерийским офицерам, что они неправильно воспитывают своих специалистов. Команда, зажатая им в железные тиски дисциплины, боялась его. А он, обладая прекрасной памятью, знал всех матросов на судне не только по фамилии, но и по личным свойствам каждого из них. Характер у него был спокойный, но твердый и решительный в нужный момент».

Цусима. Героический бой

Из той же эпопеи «Цусима» Новикова-Прибоя, где К. П. Блохину посвящено множество страниц, можно узнать о его подвиге. Но наиболее полно и ярко подвиг крейсера «Дмитрий Донской», командиром которого, по воле обстоятельств, стал Блохин, описан исследователем М. М. Горымовым [8]:

«В предыдущем номере нашей газеты мы опубликовали рассказ о подвиге крейсера «Варяг». Этот подвиг потрясающий, он поразил тогда весь мир. Дело в том, что добровольно выйти в открытое море и принять бой с целой эскадрой, было в тех условиях безумием. Суммарная огневая мощь японской эскадры была такова, что русские суда должны были погибнуть в течение первых пяти минут, но, тем не менее, бой длился около часа, а русские корабли вернулись в порт своим ходом. Более того, они нанесли противнику ощутимый урон: убитых и раненых у японцев

было вдвое больше. Мировая история почти не знает подобных примеров. Почти, потому как был еще один такой случай и в той же самой войне. Бой «Варяга» и «Корейца» с японцами был первым в русско-японской войне, точно таким же был и последний бой этой войны: русский крейсер в одиночку принял бой с эскадрой из шести крейсеров и четырех эсминцев. Кстати, командовал японской эскадрой все тот же самый адмирал Сото Уриу. Такая вот гримаса истории. Но об этом сражении мало кто знает, еще меньше людей назовут имя этого корабля, и уж совсем единицы назовут фамилию командира. Увы, отчасти это объяснимо. В самом конце войны, после поражения Русской Армии под Мукденом, после героической обороны Порт-Артура, а потом предательской его сдачи, после затопления Тихоокеанского флота прямо в гавани, после трагедии Цусимы, доблесть одного-единственного корабля осталась почти незамеченной. Мы постараемся восполнить этот пробел и рассказать о беспримерном подвиге русских моряков в последнем бою Русско-японской войны...

Меня всегда удивляло то, как складываются судьбы кораблей: они похожи на судьбы людей. Ведь это всего лишь груды холодного, мертвого металла – и ничего больше. И тем не менее. Они все рождаются одинаково: на судовой верфи их строят с любовью и прилежанием, под музыку и крики «Ура!» спускают на воду, и дальше у каждого начинается свой путь. Одни погибают в первом же плавании, попав в жестокий шторм или налетев на рифы, другие служат людям много лет и кончают свой путь в каком-нибудь заброшенном доке, где их режут на металлолом. Третьи гибнут в сражениях, совершая подвиги, и в их честь устанавливают памятники, их имена присваивают новым кораблям, о них слагают песни, пишут книги. Четвертые, совершив не менее героические подвиги, остаются в тени и безвестности. Есть и такие, что сдаются в плен неприятелю вообще без единого выстрела. Здесь следует сказать обо всем известном крейсере «Аврора». Пожалуй, ни одному кораблю в мире не было оказано столько почестей, а он всего-то один раз хлопнул из носового орудия, да и то холостым, но зато теперь стоит на вечной стоянке, а ведь является современником «Варяга» и «Корейца» и тоже участвовал в русско-японской войне. Впрочем, все по порядку.

Хмурым майским утром русская эскадра из тридцати восьми кораблей под командованием вице-адмирала З. П. Рождественского подходила к Цусимскому проливу. Впереди, построившись в кильватерную колонну, шли грозные эскадренные броненосцы, рядом сновали юркие миноносцы, за ними шли быстроход-

ные крейсера. Отряд крейсеров возглавляла «Аврора» под флагом контр-адмирала О. А. Энквиста – новейший быстроходный корабль, построенный по последнему слову техники. Позади всех шли тихоходные крейсера «Дмитрий Донской» и «Владимир Мономах». Это были старые корабли, прослужившие во флоте уже более двадцати лет, с изношенными механизмами, давно уже выработавшими свой моторесурс. Более того, еще не родившись, находясь на стапелях, они уже были безнадежно устаревшими: по сути, это были паровые фрегаты, которые только назывались крейсерами. Как и положено фрегату, они имели полное парусное вооружение и были похожи друг на друга как два брата-близнеца, поскольку строились по одному и тому же проекту. Они имели водоизмещение по шесть тысяч двести тонн, по две паровые машины, работающие на один вал, и вооружение по шесть 152-миллиметровых орудий, шесть сто двадцатимиллиметровых орудия и еще 34 пушки небольшого калибра. Корабли хотели даже разрезать на металлолом и для этой цели уже загнали в сухой док, но началась война.

«Дмитрия Донского» и «Владимира Мономаха» снова призвали на военную службу и послали воевать на Дальний Восток. Как ни странно, но эти крейсера сумели благополучно добраться до цели, обогнув половину земного шара, несмотря на свой почтенный возраст и изношенные машины. Теперь они подходили к Цусимскому проливу, стараясь изо всех сил, чтобы не отстать от эскадры, но тщетно: корабли не могли выжать больше двенадцати узлов и постепенно отставали. Небо было затянуто свинцовыми тучами, время от времени они разрывались, и сквозь них пробивались солнечные лучи. Но вот на горизонте замаячили японские легкие крейсера.

...Предстоящее сражение было проиграно во многом из-за командующего русской эскадрой, слывшего среди матросов и офицеров непорядочным человеком и трусом. Полной противоположностью ему был командир корабля «Дмитрий Донской» капитан 1-го ранга Иван Николаевич Лебедев, хорошо образованный и знающий командир. Ему было уже за пятьдесят лет. Под стать командиру был и старший офицер Константин Платонович Блохин, еще недавно преподаватель математики в кадетском корпусе.

Японская эскадра шла встречным курсом. В 1 час 50 минут пополудни грохнул первый выстрел, и началось Цусимское сражение. Оно длилось до глубокого вечера. Бой был крайне трудным для русской эскадры. Ста двадцати японскими кораблями противостояло тридцать восемь русских. В разгар сражения

японские крейсера «Кассаги», «Читосе», «Отава» и «Ниитака» атаковали русские транспорты. Русские крейсера «Аврора», «Олег», «Жемчуг», «Изумруд» и «Светлана» вступили с ними в бой, но японцы напирали. Вскоре к ним на помощь подошли крейсера «Нанива», «Токачихо», «Акаси», «Цусима», потом «Ицкусима», «Чин Иен», «Мацусима», «Хасидате», «Сума», «Чиода», «Акицусима» и «Идзуми». Итого шестнадцать крейсеров против пяти. Русские корабли оказались в тяжелом положении. Сильно была повреждена «Светлана»: японский крейсер вывел из строя динамо-машину – в помещениях погас свет, остановились элеваторы подачи снарядов, и грозные орудия замолчали. Едва избежал гибели «Олег», на «Авроре» вражеский снаряд угодил в рубку и разбил руль.

Лишившись возможности маневрировать, «Аврора» была обречена. Поняв это, японцы сосредоточили на ней весь свой огонь, стремясь покончить с русским крейсером как можно быстрее. В этот момент к месту боя подошли «Дмитрий Донской» и «Владимир Мономах». Старые корабли спешили, напрягая свои изношенные машины, они спешили на помощь своим, и подошли вовремя. «Дмитрий Донской» и «Владимир Мономах» зашли с собой гибнущую «Аврору», приняв на себя весь град японских снарядов. Их корпуса содрогались от разрывов, то там, то здесь вспыхивали пожары, но и сами русские корабли не оставались в долгу. Загорелся крейсер «Кассаги» и, объятый пламенем, вышел из боя; чуть позже такая же участь постигла «Мацусиму» и «Идзуми». Старые крейсера прикрывали «Аврору» до тех пор, пока на ней не исправили рулевое управление, и она снова не стала боевым кораблем.

Бой продолжался до глубокого вечера. С наступлением темноты японские броненосцы отступили, но на смену им появились миноносцы. Они тут же устремились в торпедные атаки. Русские крейсера и миноносцы должны были прикрыть громоздкие, неповоротливые броненосцы. Неожиданно «Аврора» развернулась на 180 градусов и помчалась в противоположном направлении, за ней последовали и остальные крейсера и миноносцы, командиры которых думали, что «Аврора» совершала сложный маневр. На самом деле «маневр» был предельно прост: «Аврора» просто-напросто драпала, бросив остальные корабли на произвол судьбы. Вскоре на русских миноносцах это поняли, и они вернулись обратно. За «Авророй» устремились только крейсера «Жемчуг» и «Олег».

...Русская эскадра уходила на север, «Дмитрий Донской» последовал за ней, но он быстро отстал. На одинокий корабль бросились японские миноносцы. Несколько часов крейсер упорно отбивался от их атак. Расстреляв все свои торпеды с предельной дистанции и, естественно, ни разу не попав, они отстали. Крейсер остался один. Он шел в полной темноте, потушив огни, чтобы незамеченным со скоростью девять узлов в час дойти до Владивостока курсом Nord Ost 23 градуса. В это время «Аврора» мчалась в противоположную сторону со скоростью 23 узла – по направлению к Филиппинам, которых вскоре благополучно достигла, где и была интернирована до конца войны.

Наступило утро. Старый крейсер продолжал идти прежним курсом, путь его пролегал мимо небольшого необитаемого скалистого острова, где японцы установили наблюдательный пост с мощной радиостанцией. Едва показался этот остров, как в эфир сразу полетело сообщение об одиноком русском корабле. Японцы переговаривались открытым текстом, не желая тратить время на шифр. В погоню устремились быстроходные крейсера и миноносцы. «Дмитрий Донской» уходил от них со скоростью 12 узлов. Неожиданно на горизонте показался миноносец – это был «Буйный». Он был сильно поврежден в бою. На его борту помимо 75 человек экипажа находились еще 219 русских моряков с потопленного корабля, которых «Буйный» подобрал в море. Миноносец поднял сигнал «Терплю бедствие, прошу принять команду». Моряки с «Донского» могли бросить товарищей и остаться в живых: они успевали скрыться от японцев. Но такое не могло даже прийти в голову русскому человеку. Старый крейсер застопорил машины и спустил шлюпки. После того, как с тонущего миноносца сняли всех до единого человека, крейсер двинулся дальше, но при этом было потеряно два с половиной часа. Эти часы стоили жизни многим...

Было уже пять часов вечера, солнце клонилось к закату. У людей появилась надежда. Еще два часа, и они спасены, наступит ночь, а утром они уже будут во Владивостоке. Но в это время на горизонте показались дымы, вскоре можно было различить и сами корабли. Это были быстроходные крейсера «Нанива», «Такачихо», «Акаси», «Цусима» и четыре миноносца под флагом адмирала Сото Уриу. Они шли со скоростью 24 узла. Слева показались еще два крейсера: «Отава» и «Ниитака». Старый корабль сильнее застучал изношенными, разбитыми клапанами, тщетно пытаясь уйти от погони. Внизу кочегары непрерывно швыряли уголь в топки, то и дело подливали туда масло, повышая темпе-

ратуру горения. Механики сбивали ограничители с клапанов, повышая в котлах давление до предела, рискуя взорваться в любой момент. Но, несмотря на все усилия, корабль развил скорость не более 14,5 узлов...

Моряки одевались в парадное и молча расходились по своим боевым постам. Русский крейсер готовился к своему последнему бою. И. Н. Лебедев стоял на мостике и отдавал последние распоряжения. Вражеские корабли быстро приближались, и с расстояния 75 кабельтовых (приблизительно 13,5 км) два крейсера, что были слева, открыли огонь. «Дмитрий Донской» не отвечал. Японцы расценили это по-своему: на флагманском корабле взвился сигнал: «Предлагаю сдаться в плен». Русский корабль не ответил и продолжал идти прежним курсом. Расстояние сокращалось, и японские снаряды ложились все ближе и ближе. Между противниками было уже 45 кабельтовых. В этот момент И. Н. Лебедев взмахнул рукой, тут же зазвучал горн, ударила мелкая барабанная дробь, как в эпоху парусного флота, взвились на всех трех мачтах стеньговые флаги, и крейсер ударил орудиями левого борта. С первого же залпа он накрыл крейсер «Отава». На «Отаве» вспыхнул пожар. Японцы рассвирепели.

С каждой минутой перестрелка становилась все жарче и ожесточеннее. Русский корабль постоянно менял курс, сбивая противника с прицела. Оставаясь пока невредимым, он сам наносил врагу чувствительные удары, но вскоре подоспели четыре крейсера, что были справа, и русский корабль оказался под перекрестным огнем. На него с большей силой посыпались снаряды. Попаданий становилось все больше и больше, «Дмитрий Донской» оказался в огневых тисках. От ударов восьмидюймовых снарядов (200 мм) крейсер содрогался всем корпусом, будто по нему били гигантскими молотами. Море вокруг «Дмитрия Донского» буквально кипело от разрывов, на палубу дождем сыпались осколки. Японские суда пошли на сближение, сжимая огромные клещи. В этот момент в боевую рубку угодил снаряд – почти все, кто там был, были убиты или тяжело ранены. К. П. Блохин в это время был у носового орудия. Он тут же примчался в рубку: перед ним предстала страшная картина: вся палуба была залита кровью, лежали убитые и раненые. И. Н. Лебедев [9] был тяжело ранен, но, стиснув зубы, отчаянно вращал штурвал, пытаясь удержать корабль на курсе. Увидев старшего офицера, он успел сказать:

– Принимайте командование, Константин Платонович, крейсер не сдавать.

«Дмитрий Донской» горел и тонул, кренясь на правый борт, но не сдавался, отчаянно отстреливаясь из оставшихся орудий. От его снарядов загорелся флагманский крейсер «Нанива», который, сильно накренившись на левый борт, вышел из боя. Чуть позже вышел из боя и крейсер «Отава». Но силы были слишком неравны. Японские снаряды буквально разламывали «Дмитрия Донского» на куски, одно за другим замолкали его орудия. Видя бедственное положение корабля, японцы снова предложили ему сдаться. В ответ на фокмачте взвился флажковый сигнал: «Погибаю, но не сдаюсь».

Русский крейсер сумел продержаться до темноты. В темноте артиллерийский бой прекратился, но начались атаки миноносцев. «Дмитрий Донской» сумел отбиться от всех атак, при этом сильно повредив один из миноносцев, разбив ему машину и сбив трубу... Бой закончился, но началась борьба за жизнь корабля. Он имел несколько больших пробоин, через которые поступала вода. Насосы не успевали откачивать воду, крейсер медленно погружался, тем не менее, сумел продержаться на плаву еще несколько часов и дойти до острова Дажалет, на который и высадил команду. Тем временем два подбитых японских крейсера «Отава» и «Нанива» в сопровождении миноносцев направились в ближайший порт, причем «Нанива» едва держалась на плаву. Адмирал Уриу вызвал по радио подкрепление: он не был уверен, что с четырьмя оставшимися кораблями сможет одолеть «Дмитрия Донского».

А «Дмитрий Донской», нагнав столько страха на японцев, тем временем медленно погружался в море. Старый русский крейсер кренился на правый борт и все глубже уходил под воду, а на его мачте развивался Андреевский стяг. Он погибал вместе с «Дмитрием Донским», посылая прощальный привет тем, кто его защищал. Моряки стояли на берегу и сквозь слезы смотрели, как их корабль с поднятым Андреевским флагом уходил в морскую пучину...».

После Цусимы

Как видно из Послужного списка К. П. Блохина, после возвращения из плена он был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени за участие в бою с японским флотом 14-го и 15-го мая 1905 г. и продолжил службу на Балтике. Помимо этой награды «Его Императорское Величество с Августейшей Семейей» нанесли визит Константину Платоновичу на его корабль в Кронштадте, где Блохиным был дан обед в их честь. Как пишет Н. П. Одуевская в упомянутой выше статье, она видела у Константина Платоновича групповое фото, на котором он был снят со своими высокими гостями. Далее Одуевская сообщает: «К. П. Блохин скончался в Петербурге. После

покойного остались жена и двое детей: сын, который учится в морском корпусе, и дочь-гимназистка. Сын подает большие надежды сделаться также доблестным моряком» [10].

Сын Константина Платоновича, **Блохин Платон Константинович**, названный в честь деда – майора Платона Максимовича, родился 18 декабря 1895 г. в Санкт-Петербурге. Окончил в столице школу Мая (1905–1912) [11] и Морской корпус, из которого вышел мичманом (приказ по Морскому ведомству № 481 (368) от 4.11.1914 г.). Участник Первой мировой войны, вахтенный начальник миноносца «Доброволец», П. К. Блохин погиб 13 сентября 1917 г. в Ирбенском проливе, запирающем Рижский залив [12].

1. «№ 37. Родилась – 9 (крещена – 18) мая 1835 года, пермского 1-й гильдии купца Дмитрия Емельянова Смышляева и законной его жены Агрипины Ивановны, дочь Александра. Восприемники: города Осы Успенского собора протоиерей Иоанн Кузнецов, служащего в канцелярии гражданского губернатора секретаря титулярного советника Михаила Кленова жена Варвара Иванова. Молитствовал им, нарек и крещение совершил кафедральный священник Матвей Суворов. При крещении был Петропавловского собора диакон Петр Григорьев Таруткин».

Метрическая книга Петропавловского собора на 1835 год. ГАПК. Ф. 37. Оп. 1. Д. 91. Л. 8 об.

2. Метрическая книга Пермского Петропавловского собора на 1856 год. ГАПК. Ф. 37. Оп. 1. Д. 229. Л. 276-277.

3. О Павле Ивановиче Солодовникове см.: *Субботин Е. П. Солодовниковы – родственники Смышляевым // Смышляевский сборник. – Вып. 1. – Пермь, 2009. – С. 240-243.*

4. *Субботин Е. П., Серов М. И.* Пермь: Жители и гости: 1823–1924: Словник. – Кн. 1: А-Л. – Пермь, 2006. – С. 57.

5. *Одуевская Н.* Памяти контр-адмирала К. П. Блохина // ПГВ. – 1914 – 13 февр. (№ 36). – С. 2-3.

Одуевская Надежда Павловна (урожденная Солодовникова, дочь Павла Ивановича) – племянница Д. Д. Смышляева, наследница его состояния. Публиковалась в уральской периодической печати в 1900–1917 гг.

6. *Емелин А. Ю.* Морской кадетский корпус в воспоминаниях воспитанников. – СПб., 2003. – С. 21.

7. *Новиков-Прибой А. С.* Цусима. – М., 1952. – Т. 2. – С. 240-241.

8. *Горымов М. М.* И один в поле воин, коли по-русски скроен! // Голос совести. – 2003. – № 1.

Ежемесячное издание Русской Православной церкви, Москва.

9. Лебедев Иван Николаевич (12.8.1850 – 17.05.1905), выпускник Морского корпуса, скончался от ран.

10. Н. Одуевская не называет имен жены, детей Константина Платоновича Блохина, а также его сестры.

11. <http://www.petergen.com/publ/omsn202.shtml>

12. Алфавит 2-о выпуска Морского Корпуса 1914 года. <http://li-k.narod.ru/M/MK1914-2.mht>

СВЕДЕНИЯ О РОДСТВЕННИКАХ Д. Д. СМЫШЛЯЕВА В ЕГО «ДУХОВНОМ ЗАВЕЩАНИИ»

Публикация Е. П. Субботина

Вскоре после смерти Дмитрия Дмитриевича Смышляева (15 ноября 1893 г.) в «Пермских губернских ведомостях» было опубликовано его Духовное завещание [1]:

«Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

В виду преклонных лет, болезненного состояния и усиливающейся в Перми холерной эпидемии, нахожу нужным, в отвращение недоразумений в случае моей внезапной смерти, распорядиться относительно моего небольшого имущества, заключающего в деньгах, находящихся в обращении у коммерции советника, пермского 1-й гильдии купца, Ивана Ивановича Любимова, а равно и могущих оказаться в наличии при мне, в процентных бумагах и разных вещах, оставляю в вечное и потомственное владение и полное распоряжение племяннице моей, дочери умершего чиновника, девице, Надежде Павловне Солодовниковой [2], с тем чтобы:

1) из денег выдать мещанской вдове Ольге Ефимовой Егоровой, в благодарность за ея многолетние попечения о моей родной покойной глухо-немой сестре Павле Дмитриевне, пятьсот рублей;

2) в Новокладбищенскую церковь в Перми, во имя Всех Святых, построенную моим покойным родителем мануфактур советником Дмитрием Емельяновичем Смышляевым, на поминавание о душе моей и родителей моих Дмитрия и Агрипины, приложить сто руб. и такую же сумму передать чрез Императорское православное палестинское общество в Иерусалимскую русскую духовную миссию, для поминавания у св. Гроба Господня об упокоении душ рабов божьих Дмитрия, Дмитрия, Агрипины, Агрипины, Александры, Павлы, протоиерея Иоанна, Марии и Варвары;

3) золотой крест, с заключающеюся в нем частицею святого и животворящего древа Честного Креста Господня, пожалованный мне патриархом Иерусалима и всея Палестины блаженнейшим Никодимом, вместе с подлинною грамотою на сие пожалование и звание кавалера святого Гроба Господня, приложить в церковь пермской мужской гимназии;

4) икону Воскресения Господня, писанную на доске от купола, накрывавшего до Крымской войны кувыклию Гроба Господня в храме Воскресения в Иерусалиме, со вставленною в нее подлинною частицею от камня святого Гроба Господня, кою меня благословил при отъезде из Иерусалима блаженнейший патриарх Никодим, приложить в Новокладбищенскую церковь в Перми во имя Всех Святых;

5) библиотеку мою, стоящую около трех тысяч рублей, передать по каталогу в дар пермской мужской гимназии, в коей я получил образование;

6) Исполнение моей последней воли, выраженной в сем завещании, я прошу принять на себя дорогого друга моего, коммерции советника, пермской 1-й гильдии купца, Ивана Ивановича Любимова.

За сим, по слову Божественного Учителя и Спасителя нашего Иисуса Христа, молю Всевышнего, да оставит Он мне долги моя, яко-же и аз оставляю их должникам моим. Аминь.

Пермь двадцать четвертого июня тысяча восемьсот девяносто второго года.

К сему завещанию, писанному мною собственноручно, в здравом уме и твердой памяти потомственный почетный гражданин Дмитрий Дмитриев Смышляев руку приложил».

Душеприказчик Смышляева, купец первой гильдии Иван Иванович Любимов выполнил волю покойного, о чем сообщил в письме, опубликованном в сборнике «Пермский край» (том 3, посвященный памяти Д. Д. Смышляева) [3].

Духовное завещание Д. Д. Смышляева было утверждено Пермским окружным судом и опубликовано в «Пермских губернских ведомостях» на основании копии, присланной в редакцию. К духовному завещанию добавлено редакцией газеты: «Из справки окружного суда по вопросу о взыскании наследственных пошлин видно, что оставшееся после покойного Д. Д. Смышляева имущество состоит: а) из 5512 р. 4 к., находящихся у душеприказчика Любимова; б) из 518 р. вложенных в почтово-телеграфную кассу и 5 руб. 2 к. процентов на них; в) из билета 1-го внутреннего с выигрышами займа в 249 р. и г) билета 2-го внутр. выигрышн. займа – в 325 руб., всего на сумму 6509 р. 6 к.» [4].

Д. Д. Смышляев упоминает в своем Духовном завещании целый ряд имен родных ему людей. Некоторые из этих имен привлекают к себе особенное внимание, поскольку являются мало известными для исследователей его жизни и деятельности. Так, например, в обширной литературе о Дмитрие Дмитриевиче Смышляеве практически отсутствует имя его сестры Павлы Дмитриевны.

Сведения о ней удалось обнаружить в метрической книге Пермского Петро-Павловского собора на 1827 год [5]. В записи № 22 здесь говорится о рождении Павлы Дмитриевны:

«Пермского 2-й гильдии купца Дмитрия Емельянова Смышляева.

Родилась – 12 февраля (крещена – 12 февраля) 1827 года, дочь Павла.

Восприемники: Пермский Гражданский Губернатор Кирилл Яковлев Тюфяев, берг-инспектора Андрея Терентьева Булгакова жена Агрипина Семенова».

Итак, Смышляева Павла Дмитриевна, родившаяся 12 февраля 1827 года в Перми, была глухонемой и скончалась ранее даты написания Духовного завещания (24 июня 1892 года). Имя ее внесено Д. Д. Смышляевым в список поминовения у св. Гроба Господня в Иерусалиме.

Расшифруем список поминовения (пункт № 2 завещания), в который внесены также следующие имена:

Дмитрий 1-й – Дмитрий Емельянович Смышляев (1789–1857) – отец Дмитрия Дмитриевича.

Дмитрий 2-й – Дмитрий Дмитриевич Смышляев (1859–1859) [6], – сын Дмитрия Дмитриевича.

Агрипина 1-я – Агрипина Ивановна Смышляева (1805–1853), урожденная Кузнецова, – мать Дмитрия Дмитриевича.

Александра – Александра Дмитриевна Смышляева (1835 – до 1883), в браке Блохина – сестра Дмитрия Дмитриевича [7].

Иоанн – протоиерей Иоанн Иосифович Кузнецов – тесть Дмитрия Дмитриевича.

Мария – Мария Петровна Смышляева (1832–1864) – жена Дмитрия Дмитриевича.

Варвара – Варвара Ивановна Сапожникова – нянюшка Дмитрия Дмитриевича [8].

И, наконец, Агрипина 2-я – дочь Дмитрия Дмитриевича.

Этому последнему имени также стоит уделить внимание. По всей вероятности, Агрипина 2-я – это дочь Д. Д. Смышляева. По-видимому, Н. П. Одуевская ошибалась, сообщая в биографическом очерке, что Дмитрий Дмитриевич «имел двух сыновей, умерших в младенчестве». В списке поминовения находится только одно мужское имя сына – Дмитрий. Отсюда можно с уверенностью сделать вывод о том, что вторым младенцем, который обязательно должен быть включен в этот список – Агрипина 2-я.

1. ПГВ. – 1894. – 12 мая (№ 66). – С. 2-3.

2. Субботин Е. П. Солодовниковы – родственники Смышляевым // Смышляевский сборник. – Вып. 1. – Пермь, 2009. – С. 240-243.

3. Письмо исполнителя духовного завещания И. И. Любимова к редактору III тома «Пермского края» // Пермский край: сб. сведений о Пермской губернии. – Пермь, 1895. – Т. 3. – С. 487-488.

4. ПГВ. – 1894. – 12 мая (№ 66). – С. 2-3.

5. Метрическая книга Пермского Петро-Павловского собора на 1827 г. ГАПК. Ф. 37. Оп. 1. Д. 55. Л. 5а.

6. Метрическая книга Рождество-Богородицкой церкви на 1859 г. (ГАПК. Ф. 37. Оп. 1. Д. 264. Л. 8об.-9); Метрическая книга Всехсвятской Новокладбищенской церкви на 1859 г. (ГАПК. Ф. 37. Оп. 1. Д. 310. Л. 70об.-71); Свидетель века: Хроника Дома Смышляева. – Пермь, 2008. – С. 66-67.

7. См. в настоящем сборнике: Субботин Е. П., Ситников М. Г. Блохины – родственники Смышляевым.

8. Одуевская Н. П. Дмитрий Дмитриевич Смышляев: Опыт биограф. очерка // Свидетель века: Хроника Дома Смышляева. – Пермь, 2008. – С. 121.

ВОСПОМИНАНИЯ В. А. ИГНАТЬЕВА «СТАРАЯ ПЕРМЬ»

Предлагаемые вниманию читателя воспоминания Василия Алексеевича Игнатьева (1887 – после 1968 г.), коренного уральца, выпускника Пермской духовной семинарии, названные им «Старая Пермь», публикуются впервые. Они посвящены жизни города начала XX в. и содержат яркие зарисовки повседневного быта, труда и отдыха пермяков.

Будущий мемуарист, сын дьякона, родился в селе Теча Шадринского уезда Пермской губернии. После окончания в 1902 г. Камышловского духовного училища учился в Пермской духовной семинарии, с 1909 г. – в Казанской духовной академии. Завершив обучение, работал в Бугурусланском реальном училище, в 1914–1916 гг. недолгое время преподавал в Пермской духовной семинарии. В 1916–1923 гг. жил в Белоруссии, затем вновь вернулся на Урал. С 1938 по 1956 г., до выхода на пенсию, работал преподавателем латинского языка в вузах г. Свердловска.

По словам однокашника В. А. Игнатьева по Камышловскому духовному училищу и Пермской духовной семинарии, известного уральского краеведа В. П. Бирюкова, Игнатьев, будучи на пенсии, «не потерялся». «Он, – по словам Бирюкова, – нашел себе дело очень большой ценности, – стал писать воспоминания. Да так писать, как редко кому удается» (ГАПК. Ф. р.-973. Оп. 1. Д. 1273. Л. 6).

В. А. Игнатьевым были написаны воспоминания и очерки по истории села Теча и окрестных деревень, о хозяйстве и быте местного населения, учебе в Камышловском духовном училище, Пермской духовной семинарии, Казанской духовной академии, о работе в учебных заведениях Свердловска. Эти рукописи были переданы автором в Уральский архив литературы и искусства в Свердловске, созданный в начале 1960-х гг. на базе собрания В. П. Бирюкова. Кроме того, часть воспоминаний В. А. Игнатьева, таких как «Старая Пермь», «Кама», очерки по истории Пермской духовной семинарии, были посланы им видному краеведу и ученому-филологу, профессору П. С. Богословскому и хранятся ныне в фонде Богословских в Госархиве Пермского края (ГАПК. Ф. р.-973. Оп. 1. Д. 716, 725).

Не пересказывая содержания написанных В. А. Игнатьевым воспоминаний о старой Перми, заметим лишь, что они содержат сведения, относящиеся ко времени учебы автора в Пермской духовной семинарии, то есть, преимущественно, к 1902–1908 годам. Здесь приведен интересный в историческом и по-

знавательном отношении материал о пермских реалиях того времени. В тематическом плане воспоминания делятся на несколько частей: характеристика «главных ворот города» – железнодорожной станции, получившей впоследствии название Пермь I; основных центров городской торговли в районе речных пристаней и на Черном рынке; любимых мест отдыха пермяков и кратко – театральной жизни Перми.

При подготовке воспоминаний В.А.Игнатьева к публикации сохранены все авторские особенности стиля, орфографии и оформления. Воспоминания печатаются с некоторыми купюрами, отмеченными отточиями. Недописанные автором части слов и пропущенные слова заключены в квадратные скобки.

Вступительная статья, подготовка текста к публикации и примечания к. и. н. А. В. Шилова.

СТАРАЯ ПЕРМЬ

... Я в 1902 г. ехал для поступления в Пермскую духовную семинарию с чувством, похожим на то, что ехал к хорошо знакомым мне родственникам, а Пермь представлялась мне не чужим, а, до некоторой степени, родным городом. С таким именно чувством и началось мое знакомство с городом.

После замкнутой жизни в стенах Камышловского дух[овного] училища, жизнь в условиях семинарии мне показалась прямо раем, а предоставленные в распоряжение семинаристов свободные часы с 2-х до 5 часов казались бесценным кладом, и [я] жадно набросился на изучение города. Все мне тогда казалось в увеличенном масштабе.

Главные ворота города

Единственной дверью, через которую город был связан в зимнее время, в период ледостава с внешним миром в масштабе всего государства и дальше, был вокзал станции, именуемый теперь Пермь 1-я. Раньше он был оживленным, потому что он был на главной железнодорожной линии.

Я любил ходить на этот вокзал так, ни за чем, посидеть на круглом мягком диване в 1-ом классе, встретить на перроне проходящий поезд, потолкаться среди проезжающей публики, ощутить, одним словом, движение, жизнь и отправиться к себе в семинарию. На этот вокзал мы, семинаристы, ходили провожать отъезжающих после окончания театрального сезона своих любимых артистов. На этом вокзале во время японской войны ви-

дел отправляющихся на фронт уланов. Здесь же я видел проводы мобилизованных и слезы, слезы и слезы... С этого вокзала мы, радостные, уезжали на каникулы, гурьбой, в отдельном заарендованном вагоне. Отсюда же с понижающим настроением мы на извозчиках после каникул направлялись в «недра» семинарии. При входе в вокзал я впервые встретил своего будущего профессора Казанской дух[овной] академии Алексея Александровича Царевского ¹. Всего не перескажешь – и грустного, и веселого, – что связано воспоминаниями с этим вокзалом.

Следуя дальше в город, мы встречаем крутой подъем в гору, разрезанный небольшой площадкой на две равные части. Это была Голгофа для лошадей. Мы видели, как натужась и цепляясь копытами за булыжник мостовой, они тянули телеги, груженные разными предметами и продуктами, поступавшими по железной дороге и водным путем. Изобретательная мысль человека подсказала сделать под телегами железные пруты, которые удерживали телеги на склоне горы – не давали им катиться вниз, а лошадям давали возможность передохнуть. Эта гора памятна мне двумя событиями, характерными для старой Перми. Первое событие связано было с установкой надгробного памятника заводчику, уже захудалому в то время, Демидову ², похороненному на кладбище Кафедрального собора. По этой же горе подвозили к кладбищу громадную глыбу гранита, привезенную на железнодорожной платформе. Зрелище было редкостное: глыба была положена на громадные дровни, и длинная вереница лошадей, парами пристегнутых к длинному канату, должна была волочить эти дровни в гору. Главное затруднение было в том, что нужно было организовать лошадей в согласованное ритмичное напряжение сил. Что было: крики, свист, взмахи кнутов и то, во что верит русский человек, как в магическую силу, безобразные ругательства, позорящие русского человека на весь божий свет.

Старания не пропали даром. Победа была одержана: победили деньги.

Второе событие произошло во время Первой мировой войны. У чиновника губернаторской канцелярии Кобяка ³, разбогатевшего на продаже изобретенной им электролитной воды, широко рекламированной врачами для лечения всех болезней, погиб на войне от столбняка сын, гимназист-доброволец, и вот для встречи гроба с покойным и перенесения его в церковь было приглашено много городского духовенства во главе с епископом. Жители города наблюдали редкую картину стечения служителей культа, шествовавших от вокзала к Богородицкой церкви... ⁴

В полугоре на пути следования по описываемой дороге от вокзала в город, слева красовался и до сих пор красуется особняк б[ывшего] пароходчика Мешкова⁵. В прежние времена он был самым монументальным зданием города, гордостью его.

Весь берег Камы, начиная [с] части его, лежащей против вокзала и далее на запад до «архиерейских домов» был занят пристанями в таком порядке (с востока на запад): братьев Каменских, Любимовых, между ними Тупицыных*. Летом все это пространство представляло из себя муравейник: на приколах стояли пароходы, из них выгружались или в них вносились различные грузы; по мосткам к дебаркадерам пристаней взад и вперед сновали «в путь шествующие» или прибывающие в город люди, или, наконец, просто празднично шатающиеся обыватели города. В воздухе стоял гул от пароходных гудков, от предупредительных криков носильщиков «берегись», и слышались разноречивые голоса посетителей около складов, прилегающих к пристаням, двигались взад и вперед телеги с грузами в город или за грузами к складам. Около складов и на мостках группами и в одиночку стояли грузчики-богатыри с широкими открытыми грудями, в широченных синих штанах и лаптях, в рубахах из грубоотканного льна и в шляпах. Все пространство между пристанями было заполнено баржами, разбитыми плотами и просто отдельными бревнами. Вода на всем этом пространстве была грязной: в ней плавали отбросы от пищи, осенью – корки от арбузов или выброшенные сгнившие арбузы. Воздух был пропитан запахами от разлагающихся продуктов и от древесины. Осенью на рейде стояли целые баржи с астраханскими арбузами. Арбузы с них прямо в телеги с коробами скатывали по желобам, для того телеги заводили прямо в воду по живот лошадей. Прямо на баржи поднимались люди группами и в одиночку, тут же «расправлялись» с арбузами, а если попадались плохие, целые арбузы кидали в воду и в стоялой воде около барж у берега и плавали все эти отбросы.

На берегу между пристанями лежали днищами кверху лодки, которые предприимчивыми хозяевами их отдавались «на прокат» за 15-20 коп. в день.

* П. С. Богословским сделана вставка: «Автор пропустил пристань пароходства Курбатова (самую восточную по месту), не указал пристань Ржевина (верхнекамские пароходы), Мешкова, Истомина и Беклемышева».

Вдоль верхнего края всего пространства пристаней бр[атьев] Каменских и Любимовых, против вокзала расположена была целая гирлянда мелких лавчонок с разными съестными припасами: булками хлеба, пирогами, холодцами, квасом, фруктовой водой, арбузами и т. д. Все здесь шумело, горланили зазыватели покупателей на дешевый, хороший товар. Здесь фланировали грузчики и подмигивали разбитным торговкам. Тут же «шлялись» жители «дна», просили дать опохмелиться, ходили монашки с кружками «на построение храма». С дороги все эти лавчонки заносило пылью, тучами летали мухи. Везде царил дух наживы...

Поздней осенью все это пространство, относящееся к пристаням и к их сезонной деятельности, замирало до следующей весны.

С районом пристаней у пермяков была связано много воспоминаний. Здесь именно в течение полугода была сосредоточена жизнь города: сюда, на пароходы, люди приходили прогуляться, выпить пива, пожуировать. Отсюда на лодках переправлялись за Каму. Сюда приходили за фруктами ... Здесь именно всегда можно было встретить кого-либо из знаменитостей, приезжавших в Пермь. Здесь больше, чем в каком-либо другом месте города, можно было встретиться с какими-либо персонажами из сочинений А. М. Горького, из «дна».

Такова та часть старой Перми, которая являлась «воротами» в город и из него в течение всего года (вокзал) и в течение полугода – в сезон пароходного движения.

Сибирка

В любом городе – большом или малом, даже в селе и деревне есть улицы главные, так сказать «осевые», т. е. такие, которые служат как бы осью города, к которым как спицы к оси колеса сходятся другие улицы. При этом эти спицы не обязательно должны быть красивее и богаче других, но они должны быть признаны и утверждены быть такими в сознании людей, так сказать психологически, по традиции. Таковы, например, в Петербурге Невский проспект, в Москве – улица Горького... А если бы спросить в старое время пермяка: какая в Перми главная улица, то он ответил бы: «Сибирка». Так назывался Сибирский проспект. На этой улице расположено было много зданий государственного и общественного значения: губернская управа, три гимназии – две женские и одна мужская, общественная библиотека, вблизи этой улицы находился и теперь находится оперный театр. На ней же находился губернаторский дом, дворянское собрание, полицейское управление и различные магазины. Но главное не это, а то, какую роль

эта улица играла в жизни города. Зимой эта улица в вечернее время была местом для прогулок и встреч, именно в том ее отрезке, который находился между губернаторским домом и мужской гимназией⁶. Здесь происходили встречи, знакомства, здесь сближались сердца. Здесь во время оперного сезона в окнах магазинов были выставлены снимки с «кумиров» и «душек». Здесь, в здании губернского собрания, устраивались танцы... Теперь эта улица мало изменилась. Она сохранилась как музейный экспонат, но это только внешне, а внутренне она совсем другая.

Красноуфимская улица

В старых русских городах всегда были отдельные улицы – «обжорки». В Перми такой была Красноуфимская улица⁷. На ней находилась пожарная часть. Она высилась над другими постройками и как бы вела дозор за ними. Около нее был пельменный ряд: мелкие лавчонки, в которых моментально пельмени варились и в окружении пара, исходящего от них, на тарелке в заказанном количестве подавались заказчику. Ниже, под горкой*, располагался рыбный ряд. Здесь в маленьких лавчонках опять-таки продавалась рыба: свежая, соленая, копченая. Стояли баки с живой рыбой, главным образом со стерлядью; бочки с соленой рыбой. Все это под открытым небом, в пыли, в грязи. Дальше (направление взято от той части улицы, которая шла со стороны Камы) по левой стороне шли лавочки с бакалеей: в коробах лежали пряники, на стенках и дверях горами висели крендели, в мешках был выставлен хмель, сушеные ягоды, фрукты лежали на лотках. Народ сновал между лавками взад и вперед. Тут же монашки собирали на храм божий.

На этой же улице, вернее – около нее, против окружного суда⁸ по направлению к старообрядческой церкви – была толкучка. Здесь торговля происходила и в лавочках и открыто: товары были расположены или прямо на земле, или на какой-либо подстилке. Чего только не было здесь: часы, замки, обувь и т. д.

Тут же шулеры-картежники предлагали «пытать счастье». Сновали люди со «дна», женщины с проваленными носами. Одна из «таких» ходила с китайцем Ваней и заставляла его петь, а потом собирала в его фуражку копейки. Тут же нудно «скулила» шарманка: «Разлука ты разлука» и «Зажигай-ка, мать, лампадку...».

* Здесь вставка, сделанная П. С. Богословским: «Непосредственно под горкой полукругом (у каменной стены) располагался длинный ряд мясных лавок, а от них через дорогу – деревянные ряды лавок с рыбой и разнообразными продуктами».

Кунгурская улица⁹

Липовая аллея на ней тогда еще была в довольно цветущем состоянии. Она была гордостью пермяков. Приятно было в жаркий день присесть в тень липы и отдохнуть. Здесь, в аллее, можно было встретить счастливых мамаш с детьми и наблюдать семейные идиллии. Особое назначение эта улица имела на масленице: на ней происходило катание. Тройки, пары, отдельные рысаки с накинутыми на них сетками (такая была мода) везли довольных, вероятно в достаточном количестве и с «возлиянием» вкусивших блинов. Какое разнообразие лиц, одежд!! ...

Опера

Едва ли кто-то другой так любил оперу, как пермяки. И где в другом городе был такой театр, как в Перми. А где в другом городе был такой почет оперным артистам, как в Перми. Хлюстин¹⁰... шесть раз пел на «бис» «Куда, куда...». У него же, по преданию, гимназистки-мариинки¹¹ разорвали на части спавшую случайно с ноги калошу. А бенефисы! Золото от купцов «богиням» и «примадоннам». Адреса от семинаристов. Счастье артистов: была артистка Де-Вос, а осталась в Перми Де-Вос-Соболева¹². Нет, нигде так артистов не почитали, как в Перми. А провожали после окончания сезона: собирались на вокзале, произносили речи.

Драма

Новые кумиры: Вемезовский, Тинский..., Хохлов...¹³ Лола! Божественная Лола, девочка 16-17 лет¹⁴. В театре безумный рев: Лола, Лола!! Нет, нигде так не умели ценить артистов, как в старой Перми. А чего, чего только не видели пермяки? «Анатэма», «Дети солнца», «Черные вороны»...¹⁵ и пр., и пр. ...

Парки, скверы города

Самым любимым у пермяков был [парк] в южной части города¹⁶. Когда-то он был на окраине. Здесь был небольшой деревянный летний театр, музыкальная эстрада, ротонда и ресторан. Через весь парк проходила тенистая аллея, а около нее кустарники и ковер цветов. Зимой между ротондой, эстрадой и зданием буфета устраивался каток. Парк этот сохранился и до настоящего времени.

Скверик около театра¹⁷ всегда привлекал к себе близостью к театру и к женской гимназии. Под тень его лип приходили ученицы этой гимназии шумной толпой и оживляли его. В знойный день, когда солнце на «Сибирке» нещадно печет, всегда было приятно свернуть в этот скверик и посидеть 15-20 минут. Здесь же всегда сновали мальчишки со «сладкой» водой – лимонной или малиновой, и усиленно предлагали страдающим от жажды.

Около пересыльной тюрьмы существует до сих пор скверик ¹⁸... Аллеи его расположены так, что глаз посетителя всегда упирается в мрачные ворота этого учреждения. Все было рассчитано так, чтобы никто из обитателей его не скрылся от бдящего ока.

Не по заслугам был запущен «Козий загон» ¹⁹. С него открывается чудесный вид на Каму в сторону Мотовилихи, и следовало бы его превратить в море цветов, а был в запустении: две-три клумбы с тощими цветами, два-три деревца плохо его украшали. В настоящее время он в лучшем состоянии.

Любил я прогуляться на Слудскую площадь ²⁰, спуститься по крутой лестнице и пройти в те места около военных казарм, где мне пришлось обитать в 1907—1908 уч[ебном] году — полгода работать воспитателем у врача Ракшинского ²¹, а полгода жить «коммуной» с двумя товарищами-семинаристами.

В апреле 1916 г. я в последний раз видел Пермь в ее status quo ante ²². В 1940 г. в ней еще мало было перемен, но когда я приехал в нее в 1960 г., то старой Перми уже наполовину не было, и чувствовалось, что и вторая ее половина на волоске висит. Прошлое вытеснялось, и это было знамение настоящего момента.

ГАПК. Ф. р.-973. Оп. 1. Д. 716. Л. 1-12 об.

¹ Царевский А. А. — в 1900-е — начале 1910-х гг. профессор Казанской духовной академии, пользовался большой популярностью среди ее слушателей.

² Демидов П. Д., пермский купец, умер в октябре 1902 г., похоронен на кладбище при Пермском архиерейском доме. Отношения к династии горнозаводчиков Демидовых не имел.

³ Кобяк Г. И. (ум. в 1918 г.), изобретатель, общественный деятель. Известен изобретением электролитной воды или «эссенции Кобяка», обладавшей целебными свойствами. Его сын, Константин, ушедший добровольцем на фронт, после тяжелого ранения умер в 1916 г. от столбняка.

⁴ Градо-Пермская Рождество-Богородицкая церковь на углу улиц Покровской (Ленина) и Оханской (Газеты «Звезда»). До недавнего времени в здании церкви находился один из факультетов фармацевтической академии.

⁵ Мешков Н. В. — пермский паромщик, предприниматель, известный своей благотворительной деятельностью. В настоящее время в бывшем доме Мешкова по улице Орджоникидзе, 11 находится Пермский краевой музей.

⁶ Место прогулок по улице Сибирской между улицами Екатерининской (ныне Большевикская) и Петропавловской. Дом губернатора — ул. Сибирская, 27, здание мужской гимназии — ул. Сибирская, 13.

⁷ Красноуфимская улица, ныне ул. Куйбышева. На ней находился Черный рынок, примыкавший также к улице Торговой (Советской). В настоящее время на этом месте сквер Уральских добровольцев.

⁸ Здание окружного суда на ул. Красноуфимской (Куйбышева), 39. Ныне административно-учебный корпус меакадемии.

⁹ В настоящее время Комсомольский проспект.

¹⁰ Хлюстин Г. Д. — известный провинциальный оперный певец, лирический тенор.

¹¹ «Гимназистки-мариинки» — гимназистки женской Мариинской гимназии, находившейся рядом с театром. Сейчас в этом здании Пермская сельскохозяйственная академия.

¹² Девос-Соболева Е. В. — выдающаяся оперная певица, лирико-колоратурное сопрано. В своем репертуаре имела около 60 партий.

¹³ Вемезовский (?), Тинский Я., Хохлов Н., — актеры провинциальных драматических трупп, выступавшие в Перми.

¹⁴ Лола — дочь известного провинциального актера В. В. Чарского. Входила в состав драматической труппы Пермского театра в сезон 1902/1903 гг. Рецензенты отмечали: «У юной артистки несомненные задатки дарования» (ПГВ. 1902. 8 окт.).

¹⁵ «Анатэма» Л. Андреева — драма, решенная в традициях условного театра, — была поставлена на пермской сцене в 1908—1909 гг. Пьеса «Черные вороны» В. Протопопова, «наделавшая много шума», шла в Перми в первой половине 1907 г. Первая постановка пьесы «Дети солнца» А. М. Горького на пермской сцене состоялась в сентябре 1906 г. В «Пермских губернских ведомостях» было отмечено: «Постановку «Детей солнца» надо признать отличной, стоящей серьезного внимания..., успех большой» (ПГВ. 1906. 23 сент.).

¹⁶ В данном случае речь идет о Загородном саде, в настоящее время — сад им. Горького.

¹⁷ Имеется в виду Театральный сквер у Пермского театра оперы и балета.

¹⁸ Тюремный сад у здания губернской тюрьмы, в настоящее время — сад Декабристов.

¹⁹ Козий загон или Набережный сад, в настоящее время сад им. Ф. М. Решетникова.

²⁰ Слудская площадь находилась на Слудской горе около Свято-Троицкой (Слудской) церкви. Сейчас на месте этой площади стадион «Энергия».

²¹ Ракшинский В. И. — ветеринарный врач. С конца 1907 г. жил на Вознесенской улице (ныне ул. Луначарского), д. 90.

²² Status quo ante (лат.) — положение дел, которое было раньше.

В. С. ВЕРХОЛАНЦЕВ И «КРАТКАЯ ЛЕТОПИСЬ» ЕГО ЖИЗНИ

Владимир Степанович Верхоланцев (1879—1947) вошел в историю пермского краеведения, прежде всего, как автор двух книг, изданных в Перми в 1913 году: «Город Пермь, его прошлое и настоящее» и «Летопись г. Перми с 1890 по 1912 г. с приложением, вместо введения, хронологического перечня событий г. Перми с основания города по 1889 г.»*. Книги явились результатом длительной работы автора, но для представителей пермской краеведческой общественности оказались, по большей части, неожиданностью.

В. С. Верхоланцев был одним из самых ярких представителей любительского краеведения, сочетая в себе обе характерные черты этого статуса: краевед-любитель – то есть не профессионал; и любитель краеведения – то есть человек, горячо и искренне увлеченный этим делом, страстно любящий заниматься краеведческими исследованиями. Он получил духовное образование, окончив в 1905 году Казанскую духовную академию, и лишь в 1922 году стал выпускником историко-филологического факультета Пермского университета.

Краеведческое сообщество в Перми очень интересовало Владимира Степановича, ему хотелось войти в него на равных, участвовать в просветительской и издательской работе, ощутить поддержку в своих исследованиях и стремлениях. Книги были, некоторым образом, его входным билетом, краеведческим багажом, который он предъявил на суд общественности с гордостью и тревогой. А затем в Пермской ученой архивной комиссии состоялось обсуждение, и результаты его были столь сокрушительными, что менее уверенный в себе человек, вероятно, навсегда забросил бы краеведение, подыскав себе другое занятие. Но Верхоланцев остался верным своему призванию и от книжек своих, от которых живого места не оставили друзья-рецензенты, не отказался. Напротив, упрямо «подносил» их не только коллегам, но и самому высокому начальству, начиная с губернатора. И был совершенно прав: ведь он не претендовал на научность своих трудов, не объявлял себя историком наравне с А. А. Дмитриевым и Д. Д. Смышляевым. Обе книги рассказывают, в основном, о Перми «настоящего» времени, в них немного истории.

* Быстрых Т. И. В. С. Верхоланцев – автор книги «Город Пермь, его прошлое и настоящее» (Пермь, 1913) // Страницы прошлого: Избранные материалы краевед. Смышляевских чтений в Перми. – Пермь, 1995. – С. 46-51.

В начале 1990-х, в годы необыкновенного оживления краеведческого движения в Перми, областная библиотека им. А. М. Горького задумала переиздание ряда дореволюционных трудов по истории города: ощущалась острая необходимость в хорошем популярном очерке, рассчитанном на широкого читателя. Остановились на книге В. С. Верхоланцева, и не ошиблись. В 1994 году книга «Город Пермь, его прошлое и настоящее» вышла в издательстве «Пушка», а спустя несколько лет вновь была переиздана. Теперь уже с уверенностью можно сказать, что очерк В. С. Верхоланцева в эти годы для тысяч пермяков разных возрастов стал настоящим открытием истории родного города.

И в наши дни, когда мы располагаем целой библиотекой книг о Перми – серьезных исследований и популярных очерков, путеводителей и фотоальбомов – книги Верхоланцева не потеряли своего значения. Впрочем, критические замечания в адрес Верхоланцева продолжают раздаваться и сейчас, и по-прежнему нередко носят личностный характер. Так, Е. Н. Шумилов в сборнике материалов 11-х Смышляевских чтений пишет: «Владимир Степанович Верхоланцев (1879—1947), педагог и историк церкви, известный как «летописец» (справедливости ради надо сказать, что его «Летопись Перми» составлена на основе материалов «Пермских губернских ведомостей»)…»*

И в чем же здесь справедливость? Разве Верхоланцев уверял, что был очевидцем всех описанных им событий? Возможно ли такое вообще, и обязательно ли для летописцев? Или справедливость заключается в том, что его нельзя назвать летописцем без кавычек? А можно ли считать летописцем нашего современника, Сергея Федоровича Николаева, который считал очень важным источником для своей работы областную газету «Звезда»?

Владимир Степанович Верхоланцев многое успел сделать в пермском краеведении. Он успешно работал в Ученой архивной комиссии, Церковно-археологическом обществе, Пермском краеведческом музее. Был членом многих краеведческих обществ, библиотекарем, экскурсоводом, участвовал в археологической экспедиции. Верхоланцев написал в автобиографии: краеведение считаю своей специальностью. По-видимому, так и есть. Хотя главным делом в его жизни, наверное, все-таки было учительство: он занимался этим в течение всей своей жизни и сам не

* Попова Н. Д. [Шумилов Е. Н.] О наследстве краеведов и других творческих личностей г. Перми // Смышляевские чтения: Материалы 11-й науч.-практ. конф. 14 мая 2009 г. – Пермь, 2009. – С. 125-126.

смог бы сказать, сколько воспитал учеников. А воспитывал замечательно, и многим сумел передать не только свои знания, но и свою страсть к занятиям краеведением. Об этом вспоминал уже на склоне жизни один из его воспитанников, М. А. Луканин *.

На счету В. С. Верхоланцева немного публикаций. Многие его задумки так и не воплотились в жизнь, хотя, будучи вовремя опубликованными, в ряде случаев закрепили бы за ним первенство. В частности, в его архиве хранятся рукописи статей «Залетные гости Перми» (о пребывании в городе российских знаменитостей) и «Пермь в сочинениях писателей и ученых». Не правда ли, весьма популярная в наши дни тематика?

Не повезло ему и с «Биографическим словарем», его любимым детищем с 1920 года. Словарь оказался в руках известного в Перми коллекционера и краеведа А. К. Шарца и стал основой для его собственного «Уральского биографического словаря». В предисловии к своему «Словарю» Шарц не упомянул о Владимире Степановиче.

В 1920-е годы Верхоланцев снова обратился к составлению летописи города Перми. Уже в июле 1921 года заведующий музеем А. К. Сыропятов сообщает: «Зав. историческим отделом ПНПМ В. С. Верхоланцев работал над составлением летописи по истории г. Перми» **. «Краткая летопись города Перми» была опубликована в сборнике «Город Пермь», подготовленном к изданию «секцией города» в Пермском обществе краеведения. Сборник вышел в свет в сентябре 1926 года, а месяцем раньше летопись Верхоланцева была издана в виде брошюры объемом в 19 страниц.

В Государственном архиве Пермского края есть личный фонд В. С. Верхоланцева, переданный на хранение его вдовой, А. Е. Верхоланцевой, в октябре 1965 года и дополненный ею в 1972 году. В фонде множество тетрадей с одинаковым названием – «Краткая летопись моей жизни». По сути это – дневники, которые Верхоланцев вел постоянно: ежедневные краткие записи событий. На их основании Владимир Степанович составлял годовые и многолетние своды этих событий, тематические подборки и пр. Он действительно был летописцем по призванию, по складу характера, и пытался систематизировать всю свою жизнь:

основные события, прочитанные книги, просмотренные спектакли; города и страны, где побывал. Записи лаконичны до предела, и все же «краткие летописи» Верхоланцева насыщены информацией и представляют несомненный интерес. Не просто жизнь частного человека в определенный период зафиксирована в этих записях – но и жизнь народа.

«Краткие летописи» В. С. Верхоланцева публикуются впервые. Для «Смышляевского сборника» выбраны тетрадки за 1912–1913 годы, наполненные значительными событиями в его краеведческой деятельности, и 1917–1920 годы: время революций, гражданской войны, эвакуации в Сибирь и возвращения в Пермь.

Летописи публикуются с небольшими сокращениями, отмеченными отточиями. Составители сочли возможным разместить примечания и комментарии к тексту непосредственно после соответствующей записи в надежде, что такая методика оправдана: читать «Летопись» будет удобнее и интереснее. В то же время не ставилось цели сопроводить примечаниями все встречающиеся в тексте фамилии и прокомментировать все события.

Документы подготовлены к публикации Т. И. Быстрых.

* Луканин М. А. Памяти учителя: Воспоминания о В. С. Верхоланцеве // Страницы прошлого: Избранные материалы краевед. Смышляевских чтений в Перми. – Пермь, 1995. – С. 149-154.

** Три века Пермского музея: Краткая летопись. 1890–2005. – М., 2005. – С. 25.

В. С. ВЕРХОЛАНЦЕВ
КРАТКАЯ ЛЕТОПИСЬ МОЕЙ ЖИЗНИ
[1910—1916]
Тетрадь № 18

ГАПК. Ф. Р-970. Оп. 1. Д. 4. Л. 11-22 об.

1912

6 мая. В № 99 «Пермских ведомостей» помещена моя статья «75-летие г. Перми».

9 мая. В № 101 «Пермских ведомостей» помещена моя статья «Памяти И. Ф. Грацинского». У Веры в половине пятого дня родился сын.

Иван Флорович Грацинский (1800—1887) — педагог, директор пермской гимназии в течение 40 лет, почетный гражданин Перми.

Вера Константиновна Матвиевская — жена В. С. Верховланцева, брак с нею был заключен в 1907 году.

10 мая. Был в соборе при последней службе еп[ископа] Палладия.

11 мая. Провожал преосв[ященного] Палладия в Петербург.

12 мая. В № 137 «Пермских ведомостей» помещена моя статья «Проводы его Преосвященства». Приехал в Пермь Лавр Ареф[ьевич] Матвиевский с супругой.

13 мая. В 4 часа дня у нас дома происходило крещение Бориса. Крестил о. Петр Константинович с Конст[антином] Никола[евичем] Сильвестровым. Восприемником был Лавр Арефьевич и записана бабушка Веры, Вера Капитоновна Шухова.

15 мая. Заказал дедушке памятник в 100 р.

27 мая. Поставлен памятник Федору Даниловичу.

Федор Данилович Верховланцев — дед В. С. Верховланцева.

30 мая. В номере губернских ведомостей помещена моя статья «Памятники императору Александру III в пределах Пермской губернии».

Был в Муллах с ученицами.

1 июня. Поправлен колодец главного дома за 10 р.

2 июня. Построена помойная яма старого дома (10 р.).

4 июня. Начали переносить конюшни старого дома.

7 июня. Федосья Яковлевна поступила в богадельню.

10 июня. Смотрел в первый раз полет на аэроплане Васильева.

В «Летописи города Перми» В. Н. Трапезникова сообщается, что полеты известного авиатора А. Васильева происходили на ипподроме 10 и 11 мая 1912 г.

12 июня. Слушал лекцию А. Н. Кузнецова о речном пути через Урал.

19 июня. Я с Верой и Сережей уехали в Казань.

21 июня. Приехали в Казань.

23 июня. Во Владимирской церкви г. Казани видели преосв. Иакова и Анастасия (Александрова).

26 июня. Выехали в Пермь.

29 июня. Утром приехали в Пермь.

30 июня. Купил у Дмитриевой за 9 рублей 12 книг и 65 брошюр сочинения ее мужа и др.

Речь идет о библиотеке Александра Алексеевича Дмитриева, известного уральского историка и краеведа, скончавшегося в 1902 г. Дмитриева Екатерина Николаевна — вдова А. А. Дмитриева.

4 июля. Я один выехал в Петербург, Вера осталась дома.

6 июля. Приехал в Петербург.

7 июля. Видел «Орфей в аду» в зоологическом саду. Осматривал педагогическую выставку.

8 июля. Осматривал Лавру и музей Александра III.

9 июля. Был в антропологическом музее Академии наук.

10 июля. Был в Таврическом дворце.

12 июля. Ездил в Выборг и на Иматру.

[Далее не включены записи за 13-16 июля с подробным перечнем увиденных памятников].

17 июля. Возвратился в Пермь.

26 августа. Был на торжестве 100-летия Бородинской битвы в соборе. В «Пермских ведомостях» напечатана моя статья «1812 год в Перми». В «Пермских ведомостях» обо мне заметка, как об инициаторе выставки.

6 сентября. Выехал из Перми на пароходе с Верой, Сережей и Татьяной Васильевной.

[Далее не включены записи о поездке в Нижний Новгород, Москву; о ссорах с женой].

19 сентября. Приехал в Пермь.

20 сентября. Начало переэкзаменовок.

25 сентября. Начало учения. У меня 25 уроков.

1 октября. Читал в Ольгинском училище об Отечественной войне.

2 октября. На заседании музея решено печатать мою «Летопись».

6 октября. На заседании лекционной секции «Народный дом» я избран членом комитета секции (получил 11 голосов), но отказался, за недостатком времени.

7 октября. В «Пермских ведомостях» помещена моя статья «Преп[одобный] Трифон Вятский в пределах Пермской губернии».

10 октября. В Епархиальном училище показывал картины Отечественной войны, и в дортуаре, рядом с залом, устроена выставка моих картин и открыток.

11 октября. Вечером в Епархиальном училище читал «О значении Отечественной войны».

17 октября. На открытии Пермского епархиального церковно-археологического общества избран членом комитета (получил 19 голосов).

Пермское церковно-археологическое общество было открыто 17 октября 1912 г. и прекратило свою деятельность в 1918 г. В 1915 и 1916 гг. вышло два выпуска сборников «Известия Пермского епархиального церковно-археологического общества». В первом выпуске «Известий» опубликован подготовленный к изданию В. С. Верховланцевым «Пермский летописец» священника Гавриила Сапожникова».

22 октября. На общем собрании членов музея, после очень лестной обо мне аттестации П. Н. Серебренникова, как продолжателя А. А. Дмитриева, избран в члены музея.

1 ноября. В собрании членов Пермской ученой архивной комиссии избран хранителем исторического архива комиссии.

4 ноября. Провел чтение об Отечественной войне в 1 городском училище и награжден аплодисментами.

5 ноября. Избран секретарем церковно-археологического общества.

16 ноября. На уроке истории у меня был преосв. Палладий.

23 ноября. Скончалась Федосья Як[овлевна] Верховланцева.

1 и 11 декабря в «Пермских епархиальных ведомостях» напечатана моя статья «Краткий исторический очерк церквей г. Перми».

1913

23 января. Осматривал выставку губернского земства.

29 января. Вышел из печати мой первый труд «Летопись г. Перми с 1899 по 1912 г.» в 500 экземпляров. Его я в тот же день поднес преосв. Палладию, от которого получил томик его «Проповедей».

21 февраля. 300-летие Дома Романовых. Читал в Епархиальном училище актовую речь. Был в Благородном собрании на торжествах.

1 марта. Был с Л. Е. Воеводиным у губернатора И. Ф. Кошко. Воеводин Леонтий Евдокимович, краевед, был заместителем председателя Пермской ученой архивной комиссии.

5 марта. Был в театре на «Джентльмен Султан» [нрзб].

6 марта. «В золотой клетке» Острожского.

7 марта. «Профессор Сторицын» Леон[ида] Андреева.

8 марта. «Дама из Торжка» Юр[ия] Беляева.

10 марта. Слушал ораторию Гайдна «7 слов со креста» в Екатерино-Петровском училище, исполненную хором. Степан. [нрзб].

Апрель. Разлад с женой.

Май. Вера Константиновна решила развестись со мной. Я начал бракоразводный процесс. Сыновья остаются при жене.

В 1922 году В. С. Верхоланцев женился вновь, на Антонине Елизаровне Старцевой, с которой прожил до конца своей жизни.

17 мая. В «Пермских ведомостях» помещена моя статья о прот[оиерее] Евгении Алексеевиче Попове, с портретом.

30 мая. Я переехал из дома Воеводина (Покровская, 14) в свой дом на Данилихе.

В собственном доме на Данилихе, по адресу Казанский тракт, д. 26, позднее – Шоссе Космонавтов, 10, В. С. Верхоланцев прожил более сорока лет. По-видимому, до 1920 г. дом принадлежал ему полностью, и некоторое время часть помещений сдавалась квартирантам. Из этого дома Владимира Степановича и хоронили в 1947 г., о чем сообщалось в объявлении о его смерти в газете «Звезда» 28 января. В 1978 г. здание было включено в «Материалы свода памятников истории и культуры РСФСР (Пермская область)» как «Дом, в котором в 1900–1947 гг. жил учитель, краевед В. С. Верхоланцев». «Это двухэтажный деревянный дом, – сообщается в Своде памятников, – на каменном фундаменте, под железной крышей. На второй этаж, где жил со своей семьей В. С. Верхоланцев, ведет лестница, идущая непосредственно из ограды. Внутренние помещения второго этажа состоят из нескольких комнат, интерьер которых мало изменился». В книге есть и фотография этого дома. Дом по Шоссе Космонавтов, 10, сохранял свой облик до 1990-х годов, затем был полностью перестроен, несмотря на то, что находился под охраной государства как памятник истории и культуры г. Перми. Сейчас он находится на том же месте, по тому же адресу, что и прежде, используется под магазины и офисы различных торговых фирм.

1 июня. Вышла из печати моя брошюра «Город Пермь, его прошлое и настоящее» (историко-статистический очерк), с 33 видами г. Перми и 30 портретами общественных деятелей Пермского края.

7 июня утром я выехал из Перми на пароходе И. И. Любимова «С. Петербург» в Нижний Новгород и Москву, чтобы принять участие в заграничной экскурсии Бобринской. Со мной ехала до Москвы экскурсия кончивших Пермское епархиальное училище под руководством В. А. Зеленецкого. С экскурсией поехали воспитательницы Е. М. Константинова и Е. А. Смольчакова.

В 1908 г. была образована «Комиссия по организации образовательных экскурсий при учебном отделе общества распространения технических знаний» под руководством Ф. Г. Винтерфельдта и В. А. Бобринской. Комиссия организовывала экскурсии российских учителей в различные европейские страны. В. С. Верхоланцев несколько раз бывал в составе таких экскурсий за границей: в 1908, 1911, 1913 и 1914 годах. Комиссия ежегодно издавала отчеты о своей работе под названием «Русские учителя за границей». С началом Первой мировой войны экскурсии прекратились.

С лета 1909 г. представителем этой комиссии в Италии был М. А. Осоргин. Летом 1914 г. В. С. Верхоланцев в составе группы учителей побывал в Италии и записал дневнике: «1 июля. Объезжали остров Капри на лодке. Вечером жуткое и таинственное посещение храма Митры. Мих. Андр. Ильин (Осоргин). [...] 4 июля. Обзор Рима. После обеда – Яникульский холм. Беседа Осоргина». (*Быстрых Т. И.* Михаил Осоргин и пермская гимназия // Пермь. – 1999. – 27 мая; *Быстрых Т. И.* Пермские учителя в мемуарной литературе и публицистике М. А. Осоргина // Михаил Осоргин и вечные ценности русской литературы: Материалы науч.-практ. конф. – Пермь, 2003. – С. 22-27).

11 июня. В Пермских епархиальных ведомостях помещена моя статья о прот[оиерее] Евгении Алексеевиче Попове, с портретом.

[Далее пропущены записи о путешествии: перечисление городов и осмотренных памятников].

4 августа. Приехал в Пермь.

6 сентября. Поднес губернатору И. Ф. Кошко свой труд «Город Пермь, его прошлое и настоящее».

9 сентября. Получил от известного общественного деятеля г. Томска Петра Ивановича Макушина письмо и две брошюры о доме науки его имени с собственноручной подписью.

14 сентября. По случаю 1600-летия Миланского адикта вел чтение в Епархиальном училище.

29 сентября. Освящение нового здания Епархиального училища. В «Пермских губ. ведомостях» напечатана моя статья под этим заглавием.

11 октября. В номере «Пермских епархиальных ведомостей» перепечатана моя статья об освящении нового здания.

19 октября. Я в первый раз явился в Пермское духовное училище для преподавания взятых мною шести уроков по священной истории в 1 и 2 классах.

25 октября. Устроил в доме электрическое освещение стоимостью 90 рублей. Поднес свою книгу «Пермь» директору народных училищ А. П. Раменскому.

27 октября. Представлялся приехавшему в Пермь попечителю Оренбургского учебного округа Н. И. Тихомирову и поднес свою книгу «Пермь» и «Летопись», прося допустить их в библиотеки учебных заведений.

30 октября. Представлялся председателю Пермской губернской земской управы А. И. Мухлынину и поднес ему свои книги «Пермь» и «Летопись».

2 ноября. Смотрел «Юлия Цезаря» в театре.

4 ноября. Получил письмо от председателя Учебного комитета при Св. Синоде протоиерея Дим[итрия] Никанор[овича] Беликова следующего содержания: «Глубоко благодарю Вас за любезную присылку мне Вами составленной весьма интересной книги «г. Пермь, его прошлое и настоящее». Примите уверения в совершенном моем почтении и преданности покорнейшего слуги. Прот. Дим. Беликов».

14 ноября. В «Пермских губ. ведомостях» напечатана моя статья «Д. Д. Смышляев» с [его] портретом.

Статья В. С. Верхоланцева не вошла в библиографический указатель «Д. Д. Смышляев (1828–1893)», опубликованный в первом выпуске «Смышляевского сборника», поэтому составители сочли нужным поместить ее здесь с некоторыми сокращениями.

Верхоланцев В. С. Д. Д. Смышляев // ПГВ. – 1913. – 14 нояб.

«Тяжелая участь пророка в своем отечестве повторилась для некоторых деятелей Пермского края. 35 лет тому назад со студенческой скамьи явился в Пермь уроженец и будущий историк Пермского края А. А. Дмитриев. И с жаром отдался любимому делу – изучению родного края. [...] 20 долгих лет неутомимо работал он по собиранию и изданию исторических материалов родного края, но вместо признательности встречал только «равнодушие общества и нападки жалких завистников» [Н. П. Белдыцкий], подливавших, вероятно, немало яду в его жизнь, и заставлявших его глубоко страдать.

Четверть века тому назад скончался другой выдающийся деятель и писатель нашего края протоиерей Е. А. Попов. Его труды известны во многих местах России, их можно встретить в далекой Сибири, но едва ли не всего менее его знают, читают и ценят в Пермской губернии. Под гнетом людской несправедливости и обидных и незаслуженных обвинений сошел он в могилу.

Завтра исполняется ровно 20 лет, как закрыл свои глаза навеки известный общественный деятель и публицист Пермского края Дмитрий Дмитриевич Смышляев. Его также не миновала горькая чаша. С юношеским пылом, с изумительной энергией отдался он земской деятельности в роли председателя и почти на своих плечах вынес всю тяжесть черной работы по оборудованию и поставлению на верную и твердую дорогу деятельности Пермского земства. Он обосновал все земское хозяйство, реорганизовал губернскую Александровскую больницу в Перми, дал верное направление народопродовольственной деятельности земства, создал страховое дело, положил начало статистическим исследованиям края и земскому литературному органу «Сборнику Пермского земства». Благодаря его энергии открыты бесплатный приемный покой для бедных, отделение для родильниц, санитарная комиссия, амбулаторная лечебница для домашних животных, ветеринарная фельдшерская школа, земская типография и статистическое бюро, созван первый съезд врачей. Кроме того, Дмитрий Дмитриевич ходатайствовал об утверждении в Пермской губернии учительской семинарии сельскохозяйственного типа и об открытии в Перми экономического общества, имевшего целью улучшение сельского хозяйства в губернии и предупреждении неурожая.

Но что же получил он за все эти труды. Горькие и незаслуженные обвинения, вынудившие его оставить место председателя губернской земской управы, покинуть Пермь и даже Россию, чтобы хотя на время укрыться от неблагодарности и несправедливости и искать утешения у гроба Успокоителя всех труждающихся и обремененных. Там, на далекой Палестине, вдали от зависти и злобы людской, прожил он несколько лет, пока не зарубцевались душевные раны, пока тоска по родине не примирила его с прошлым, но и там он нашел применение своей кипучей энергии. Вместе со своим земляком, архимандритом о. Антонином (Капустиним) отстаивал он интересы русского дела в Палестине от посягательства иностранцев и выстроил странно-приемный дом, необходимый для русских богомольцев. В Палестине более оценили труды Дмитрия Дмитриевича, чем на родине. За свои заслуги он получил от иерусалимского патриарха крест с частицею Животворящего Древа и титул «Рыцаря гроба Господня»; в патриаршей приемной был повешен его

портрет, а от русского правительства он получил орден Св. Владимира III степени. Особенно оценил его труды Великий Князь Сергей Александрович, почетный председатель Палестинского общества, знавший его лично и старавшийся удержать его в Палестине.

Чтобы не оставить в неведении людей, незнакомых с делом, относительно своего ухода с поста председателя земства и не подать повода своим молчанием к истолкованию этого ухода в смысле признания его виновности опять, Д. Д. выступил в защиту себя и земства от тех нареканий, которые тогда раздавались, в своей статье «К истории путей сообщения в Пермской губернии», помещенной в «Сборнике статей о Пермской губернии». Вот начальные строки его статьи: «Сибирский тракт породил целую литературу. Одни не знали и не хотели знать – в каком он виде находился до введения земских учреждений в губернии, другие знали, но побуждаемые своекорыстными расчетами приписывали его дурное положение бездеятельности и даже умышленной (!) порче его земскими деятелями, на обязанности коих лежало его исправление. Говорили, что на исправления его тратились громадные суммы, неизвестно куда ушедшие». Далее Д. Д. приводит ряд выписок из дел архива Пермского губернского правления и доказывает, что еще в шестидесятых годах, то есть до учреждения земства, Сибирский тракт был в дурном состоянии.

По возвращении в Пермь Д. Д. занял место секретаря губернского статистического комитета и весь ушел в изучение исторического прошлого Пермского края. На этой должности он и скончался 15 ноября 1893 года и погребен под пермским Новокладбищенским храмом, построенным его отцом.

Наиболее ценными и крупными литературными трудами Д. Д. являются: изданные им два объемистых тома «Пермского сборника», вызвавшего в свое время лестный отзыв известного литературного критика Н. А. Добролюбова, «Источники и пособия для изучения Пермского края» – плод усидчивых занятий в Императорской публичной библиотеке, «Сборник статей о Пермской губернии», «Синай и Палестина», «Мертвое море и нечестивый Пентаполь». Кроме того, им переведены с французского «География Палестины» и «Еврейские древности» Мунка, а также в Пермских губернских ведомостях помещены 74 статьи, касающиеся местной жизни.

Памятником деятельности Д. Д. в Перми является помимо литературных трудов и результатов земской работы завещанная им пермской мужской гимназии, где он учился, редкая библиотека о Пермском крае, библиотека его имени в Перми и отделение ее в Мотовилихе».

15 ноября. Был у преосв. Палладия по поводу перемены места и относительно выступления Несслера в музее. О[тцу] И. П. Пьянкову подписал заявление о невозможности дальнейшей совместной жизни с женой.

21 ноября. Узнал, что в «Историческом вестнике» за сентябрь помещена рецензия некоего Д. М. на мою книгу «Город Пермь», рецензия весьма лестная для меня.

Д. М. В. Верхованцев. Город Пермь, его прошлое и настоящее // Исторический вестник. – 1913. – № 9. – С. 1083-1084.

25 ноября. В Пермском научном музее читался доклад преподавателя Пермского реального училища Н. А. Несслера о моих трудах по истории г. Перми, в котором он отрицал всякое научное значение их и не видел в них нового шага по истории края. В числе оппонентов явились еще присяжный поверенный Вармунд, присяжный поверенный П. А. Матвеев и преподаватель гимназии Циммерман Макухин. В защиту меня высказались А. А. Лучинин и Л. Е. Воеводин.

Николай Александрович Несслер – историк, выпускник Московского университета. Впоследствии был редактором газет «Народная свобода», «Свободная Пермь» и др. В 1919 г. эвакуировался в Сибирь вслед за колчаковскими войсками.

Н. А. Несслер обозначил свое негативное отношение к трудам В. С. Верхованцева уже в названии доклада – «Пермь по Верхованцеву». «В минувшем году историческая наука «обогатилась» двумя «трудами» по истории Перми, – пишет Несслер. – Обе названные выше книги принадлежат перу одного историка, который, очевидно, в первый раз делает подобный опыт. И надо сказать, что его труды сослужат огромную службу: они покажут, как не следует писать историю». Далее рецензент подробно разбирает обе книги («Летопись» и «Город Пермь, его прошлое и настоящее»), отмечая все обнаруженные им неточности, а также форму подачи материала и даже выбор автором тем (например, безусловным недостатком является излишнее внимание к театральной жизни города). «Кому же нужна эта книга? – заключает Несслер. – «Вкладом в науку» она ни в коем случае не может служить. С таким путеводителем легко заблудиться. И невольно является вопрос, да нужно ли было все это печатать?» (ГАПК, ф. 297, оп. 3, д. 368, л. 3-4).

Н. А. Несслер пытался напечатать свой доклад «где-нибудь в Петербурге», обращался за содействием в этом к известным в Перми краеведам, но судя по всему не получил поддержки.

28 ноября. В «Пермских губернских ведомостях» появилась статья Одуевской (Солодовниковой) по поводу моей статьи о Смышляеве. Автор упрекает меня в небрежности и недобросовестности.

Надежда Павловна Одуевская (в девичестве Солодовникова) является племянницей Д. Д. Смышляева. Располагая его архивом, она регулярно публиковала воспоминания и очерки о нем. Упомянутая В. С. Верхованцевым статья не вошла в библиографический указатель о Д. Д. Смышляеве (см. выше запись за 14 ноября), поэтому составители сочли возможным поместить здесь отрывок из нее.

Одуевская (Солодовникова) Н. П. По поводу статьи В. Верхованцева «Д. Д. Смышляев», напечатанной в № 242 «Пермских ведомостей» // ПГВ. – 1913. – 28 нояб.

«Историк должен быть, прежде всего, добросовестным, затем – талантливым и, наконец, искренне преданным своему делу. Покойный Александр Алексеевич Дмитриев был именно таким историком. Он

очень осторожно и внимательно относился к прошлому своего родного Пермского края, никогда не упускал из виду, что часто ничтожная на первый взгляд историческая подробность дает совершенно иную окраску событиям и людям. Поэтому многотомные труды А. А. Дмитриева имеют огромную историческую ценность. Напрасно г. Верховланцев относится к этим трудам небрежно. Если бы г. Верховланцев смотрел на труды А. А. Дмитриева по истории нашего края как на источники и пособия, заслуживающие всяческого уважения и доверия, он не сделал бы в своих исторических работах многих и многих досадных ошибок. Он, например, не приписал бы тогда Смышляеву поступков, которых в действительности не было, не изобразил бы его личность в ложном освещении...

Передо мной лежит № 242 «Пермских ведомостей» за текущий год, в котором г. Верховланцев по случаю двадцатой годовщины смерти Д. Д. Смышляева напечатал свою статью о нем. Вскользь упомянувши о выдающейся земской деятельности Смышляева, г. Верховланцев сообщает, между прочим, о том, что будто бы Д. Д. оставив место председателя губернской земской управы, «покинул Пермь и даже Россию, чтобы хотя на годы укрыться от неблагодарности и несправедливости...»

Это неправда! Отказавшись от должности председателя губернской земской управы за несколько месяцев до истечения последнего трехлетия своей службы, Смышляев и не думал уезжать не только из России, но даже и из своего родного города. Зачем он стал бы «укрываться» от злых взглядов недоброжелателей, если чувствовал себя правым и будущи поклонником такой широкой гласности, как доказал это?»

Далее Н. П. Одуевская обращается к статье А. А. Дмитриева и приводит обширные цитаты из нее. Стоит отметить, что приведенные высказывания А. А. Дмитриева совсем не опровергают выводов В. С. Верховланцева о его «недооцененности» земляками, а лишь подтверждают действительные бесспорные его достоинства. В конце статьи Н. П. Одуевская рекомендует автору обратиться к собственному очерку о Д. Д. Смышляеве в «Пермских ведомостях» за 1900 г.

29 ноября. В «Пермских ведомостях» напечатана статья Макухина о диспуте в архивной комиссии.

См. выше запись от 25 ноября. Сергей Григорьевич Макухин (1879—1924) — учитель, журналист, редактор. Занимался общественной краеведческой деятельностью. В частности, в 1915 г. являлся членом комиссии Пермского научно-промышленного музея по организации публичных лекций, рефератов, а также общественных чтений для народа при лекционном бюро музея.

«Лучинин, протестуя против тона некоторых лиц из собрания, — пишет Макухин, — соглашаясь с критикой по существу, думает, что автор, если переработает свои книги согласно сделанным указаниям, то книги г. Верховланцева принесут некоторую пользу для изучения Пермского края. Председатель и докладчик высказываются, что, хотя от здания автора и остались одни стены, но при новой работе и более внимательном отношении к труду, автор может продолжить свою деятельность».

1 декабря. В «Пермских епархиальных ведомостях» напечатана моя статья по поводу 10-летия епископства преосв. Палладия.

5 декабря. Осматривал выставку сибирского художника Вучичевича. Пейзажи очень хороши.

6 декабря. Был у епископа Палладия с делегацией от Епархиального училища по поводу 10-летия его епископства.

7 декабря. На уроке в Духовном училище у меня был епископ Палладий.

14 декабря. Присутствовал на похоронах преподавателя семинарии Валериана Александровича Фаминского.

18 декабря. Был на литературно-музыкальном вокальном вечере в духовном училище. (Ширман, Шестаков).

24 и 25 декабря провел в Лысьвенском заводе у сестры Марии Ивановны Горяевой.

30 декабря. Подал прошение в Учебный комитет при Св. Синоде о переводе меня в Пермское духовное училище на вновь открывшуюся вакансию преподавателя латинского языка и географии.

28 декабря. Получил известие от Ученого комитета Министерства Народного Просвещения о допущении моей книги «Город Пермь» в низшие учебные заведения и библиотеки.

В. С. ВЕРХОЛАНЦЕВ
ЛЕТОПИСЬ МОЕЙ ЖИЗНИ
Январь 1917 г. – 1946 г.
Тетрадь № 25

ГАПК. Ф. Р-970. Оп. 1. Д. 6. Л. 6-24 об.

Февраль 1917 г.

19 февраля. Был на чтении епископа Андроника в Стефановской часовне о архиепископе Японском Николае и в театре на лекции Поссе «Основы здоровой и красивой жизни».

21 февраля. Был на общем собрании членов церковно-археологического общества в покоях епископа Андроника. Вечером на опере «Лакме».

22 февраля. Был на первой лекции известного профессора-философа Александра Ивановича Введенского в университете по введению в философию. Вечером в театре на опере «Манон» в 1-й раз бывшая Павловская.

23 февраля. Утром в окружной суд в качестве старшины присяжных заседателей. Вечером в театре на опере «Риголетто» (Каржевин, Коломийцева).

25 февраля. В 1 час дня был на церемонии наречения ректора Пермской духовной семинарии архимандрита Феофана во епископа Соликамского, викария Пермской епархии, происходившей в Пермской крестовой церкви. На наречении присутствовали епископы: Андроник Пермский, Павел Глазовский, Гавриил Барнаульский, Мефодий Петропавловский и Серафим Челябинский. За всенощной в соборе был на богослужении епископа Мефодия. Вечером я в театре на «Севильском цирюльнике».

26 февраля. В Кафедральном соборе я был на торжестве хиротонии епископа Феофана. Вечером был на собрании археологического общества, где присутствовали все епископы и читали речи профессор Кадлубовский «О влиянии церковной письменности на древнюю русскую поэзию» и П. С. Богословский «И. Я. Кривошёков» и «Пермская церковная старина».

Кадлубовский Арсений Петрович (1867–1921) – историк русской литературы, был профессором Пермского университета в 1916–1917 гг.

Богословский Павел Степанович (1890–1966) – известный пермский фольклорист, этнограф, краевед; преподаватель, затем профессор Пермского университета.

Март 1917 г. Повышение оптимистического мировоззрения по поводу революции.

1 марта. Был на лекции Малаховского «Итоги съезда преподавателей родного языка в средней школе». У меня экзамен по латинскому языку в духовном училище. Присутствовал при выносе и отпевании Александры Вениаминовны Евладовой в церкви духовного училища.

10 марта. Был на соборной площади, где смотрел манифестации по случаю праздника русской революции. Вечером был на заседании комиссии по изучению Пермского края.

11 марта. Присутствовал на общем собрании педагогов г. Перми по поводу переживаемых событий.

12 марта. Смотрел «Снегурочку» в театре.

13 марта. Слушал лекцию Введенского о позитивизме.

14 марта. Слушал лекции Грекова о финансовой политике Московского государства и Смирнова о средневековой лирике. Смотрел «Гамлета» в театре.

Греков Борис Дмитриевич (1882–1953) – известный русский ученый-историк, в 1916–1918 гг. жил в Перми, преподавал в Пермском университете.

15 марта. Утром ассистентом на экзамене катихизиса. Вечером слушал лекцию проф. Введенского об априорных понятиях и был на диспуте в музее, на котором выяснились цели и задачи исторического и юридического факультетов.

16 марта. Утром слушал Кадлубовского о житиях святых и Богаевского о ионийцах-философах. Вечером в музее на лекции Кадлубовского о заимствовании в литературе.

Богаевский Борис Леонидович (1882–1942) – историк и философ, работал в Пермском университете в 1916–1919 гг.

17 марта. Утром слушал лекции Грекова об [нрзб] и Сырцова о силлогизмах Аристотеля. Вечером слушал лекцию Введенского о материализме и в музее проф. Успенского «Компромисс в этике», после которой были прения.

Сырцов Анатолий Иванович – философ, работал в Пермском университете в 1916–1919 и 1920–1923 гг.

Успенский Леонид Васильевич – специалист в области философии и права, профессор Пермского университета в 1917–1918 гг.

18 марта. На прощальной беседе проф. А. И. Введенского о Боге, о смысле жизни, о нравственном законе я предложил ему вопрос, признает ли он человека свободным? Он ответил: «Нет, человек не свободен, т. к. он зависит от совокупности причин, действующих на него». Такой ответ меня не удовлетворил.

19 марта. Утром подписал присяжный лист на верность Временному правительству. Днем в университете слушал реферат студента естественного факультета Баркова «О происхождении жизни».

20 марта. Смотрел в театре «Гугеноты».

21 марта. Смотрел в театре «Бокаччи» (так. – Т. Б.).

22 марта. Присутствовал на похоронах врача Пермского духовного училища Павла Николаевича Серебренникова. Вечером в театре слушал оперу «Бал-маскарад».

Серебренников Павел Николаевич (1849–1917) – известный в Перми врач, краевед, общественный деятель, скончался 20 марта 1917 г., похоронен на Егошихинском кладбище.

23 марта. В театре смотре оперу «Фра-диаволо».

24 марта. Был в музее на лекции Кузнецова «Государственный строй Англии».

25 марта. Днем был на педагогическом собрании в Мариинской гимназии, где решался вопрос о форме правления.

26 марта. Вечером был на педагогическом собрании в Мариинской гимназии, где решался вопрос об уходе директора народных училищ А[лександр] П[ахомович] Раменского.

27 марта. Был в музее на лекции преподавателя Шнейдера «Царствование Николая I».

Апрель 1917 г. Театр и митинги.

2 апреля. Пасха. Заутреней в духовном училище.

3 апреля. Был в музее на лекции Малаховского «Что такое социализм?»

5 апреля. В театре на «Корневильских колоколах».

7 апреля. В театре на «Сказках Гофмана».

8 апреля. В Мариинской гимназии на концерте песенника Морфесси и балалаечника Андреева (плохо).

9 апреля. В театре на «Кармен» (Рыбчинская).

12 апреля. В театре на «Искателях жемчуга» и бенефисе [нрзб.].

13 апреля. В театре на «Прекрасной Елене» (Рыбчинская).

14 апреля. На районном заседании Данилихи по продовольственному вопросу я избран представителем в комитет от трех кварталов.

15 апреля. В театре на «Каморре».

16 апреля. В театре на «Африканке».

17 апреля. В театре на «Ночи любви».

18 апреля. Днем смотрел манифестации рабочих по случаю праздника 1 Мая. Вечером в музее слушал доклады доктора В. П. Иванова и проф. Матвеева о поездке их на съезд партии кадетов. Я записался в члены партии Народной свободы. Но я воздержался, не разделяя их программы.

Фраза в дневнике зачеркнута, затем следующая здесь фраза вписана над ней сверху, другими чернилами, по-видимому, позднее.

19 апреля. В театре на прощальном спектакле оперы. [Далее пропущена подробная запись о программе концерта].

20 апреля. Был в театре на концерте в пользу военнопленных в Германии. Пели Корчмарев, Хржановский. Был аукцион на сахар: 14 ф. продано за 158 р.

21 апреля. Днем был на объединенном собрании корпорации семинарии, духовного и епархиального училищ, для обсуждения общих дел. Вечером был в Мариинской гимназии и слушал доклады делегатов на Всероссийский учительский съезд В. Е. Чижова и Н. Н. Савинова. Вступил в члены учительского союза (учителей г. Перми).

Чижов Владимир Евгеньевич – преподаватель, краевед, впоследствии заведующий экскурсионным бюро в Перми.

22 апреля. Был в городской управе на собрании домовладельцев г. Перми.

23 апреля. Днем был на собрании (учредительном) служащих в государственных учреждениях г. Перми. Начал изучать всемирный язык (эсперанто-волапюк).

26 апреля. Был в Кирилло-Мефодиевском училище на митинге партии Народной свободы, где выступали большевики.

27 апреля. Был в Мариинской гимназии на диспуте и реферате Потоцкого «О самоуправлении учащихся», затем в театре на концерте Шевелева (баритона).

30 апреля. В Мариинской гимназии на собрании учительского союза, где Несслер сделал доклад о закрытии редакции «Вестника Пермского края».

Май 1917 г. Митинги.

2 мая. В Мариинской гимназии на учительском собрании слушал доклад Бочкарева о поездке на учительский съезд.

3 мая. В театре слушал лекцию А. Г. Генкеля «Идея общества в биологии».

Генкель Александр Германович (1872—1927), с 1916 по 1927 гг. – заведующий кафедрой морфологии и систематики растений Пермского университета.

4 мая. В Кирилло-Мефодиевском училище был на собрании партии Народной свободы, где решено издавать в Перми газету – орган кадетов, и послать сочувственную телеграмму П. Н. Милюкову по поводу его ухода.

5 мая. Днем был в театре на съезде учителей средней и низшей школы Приуралья и слушал доклад Бородина о идеях и задачах съезда. Вечером был на археологическом собрании, где решался вопрос о приобретении библиотеки И. Я. Кривошекова.

Кривошеков Иван Яковлевич, географ, картограф, краевед, скончался 15(28) сентября 1916 г. в Перми.

6 мая. Присутствовал на районном собрании о переписи.

7 мая. Вечером в Мариинской гимназии на концерте-митинге, где слушал представителей социал-демократов (меньшевиков) и футуриста Василия Каменского.

Каменский Василий Васильевич – поэт, художник, футурист, друг В. Маяковского.

9 мая. Участвовал во всеобщей переписи населения в качестве переписчика.

10 мая. Поправлял упавший от ветра забор в своем саду. Вечером в театре на митинге социал-революционеров, где слушал прения уральских депутатов рабочих об аграрном вопросе (большевиков и меньшевиков).

15 мая. Переписывал с представителями от рабочих и солдат продукты продовольствия в своем Данилихинском квартале. Вечером присутствовал на митинге партии Народной свободы в Кирилло-Мефодиевском училище, где проф. Успенский излагал отличие партии кадетов от прочих левых партий и проф. Матвеев говорил о коалиционном министерстве. После докладов были бурные прения и выступления Несслера, Каменева, генерала Сорокина, студента Потоцкого и др.

18 мая. В зале 1-й гимназии слушал лекцию Великопольского «О новой свободной школе».

19 мая. На учредительном собрании общества домовладельцев Данилихинского (13) района я избран товарищем председателя комитета общества.

21 мая. Троица. У обедни в Богородицкой церкви.

25 мая. Днем был на открытии съезда духовенства в епархиальном училище, вечером в театре на лекции Сумарокова «Земельный вопрос» и в 1-й гимназии на лекции проф. Успенского «Какой политический строй нужен России?» (французский).

26 мая. Вечером на заседании учительского съезда в Мариинской гимназии, где решался вопрос о постановке закона Божия в школе.

27 мая. Днем был в комиссии епархиального съезда по вопросу о существовании духовно-учебных заведений.

28 мая. Вечером был в заседании епархиального съезда, где был решен вопрос об автономии церкви при условии материальной поддержки со стороны государства.

29 мая. Был в театре на лекции А. Б. Струве о займе свободы.

30 мая. Был на епархиальном съезде, где был решен вопрос об оставлении духовных училищ и о передаче епархиального училища в ведение министерства народного просвещения.

31 мая. Был на епархиальном съезде о церковных школах.

Июнь 1917 г. Политические курсы.

1 июня. Был в театре на митинге партии народной свободы об аграрном вопросе.

2 июня. Был на съезде в епархиальном училище, где решался вопрос о существовании духовной консистории.

3 июня. Был в 1-й гимназии на лекции [М. А.] Сигова «Крестьянские союзы».

4 июня. Записался на курсы пропагандистов без обязательства пропаганды вольнослушателей, организованные земством.

5 июня. Слушал на курсах лекцию проф. Успенского о формах правления.

6 июня. Слушал лекцию проф. Успенского о федерации.

7 июня. Слушал лекцию [А. А.] Великопольского об обмене.

8 июня. Слушал лекцию Великопольского о партии социалистов-революционеров.

9 июня. Слушал лекцию Великопольского о внешнем обмене.

10 июня. Слушал лекцию Великопольского о кредите.

11 июня. Слушал последнюю лекцию Великопольского о займе свободы и государственном страховании.

12 июня. Слушал лекции А. Н. Трапезникова о 8-часовом рабочем дне и А. И. Сырцова о правах свободной личности.

13 июня. Присутствовал в театре на митинге по аграрному вопросу и слушал Калинина (к-д), Трапезникова (с-д) и Фокина (с-р).

14 июня. Слушал лекции Трапезникова об утопическом социализме, Бондарева об учредительном собрании и с.-р. Фокина по аграрному вопросу.

15 июня. Слушал последнюю лекцию Трапезникова об истории социализма в России и лекцию Малаховского о декабристах.

С. А. Малаховский – член комиссии Пермского музея по организации публичных лекций, рефератов, а также общественных чтений для народа при лекционном бюро музея.

16 июня. Слушал лекции Малаховского о революционном движении 30, 40 годов и Сумарокова по аграрному вопросу.

17 июня. Слушал лекции Малаховского о ходе революции при Александре II и III и Сумарокова по аграрному вопросу.

18 июня. Слушал последние лекции Малаховского о революции при Николае II и Подтынникова (?) о проекте проведения земельной реформы. Вечером в Екатерино-Петровском училище слушал лекцию с. р. Фокина «Роль интеллигенции в народе».

19 июня. Вечером был в театре на концерте-митинге курсистов. На митинге удалось прослушать только одного большевика [А. П.] Спунде.

20 июня. В театре смотрел пьесу «Григорий Распутин».

Июль 1917 г.

Увлечение общественной деятельностью

в должности квартального наблюдателя.

Чтение по иностранной литературе.

Август 1917 г.

23 августа. Начало учения. У меня прежние 15 уроков.

[Далее пропущена запись с подробным перечислением уроков и прочитанных книг].

29 августа. Отказался от должности квартального наблюдателя.

[В августе записи только за 23 и 29 августа].

Сентябрь 1917 г. Чтение по истории религии.

[В сентябре записей нет].

Октябрь 1917 г. Увлечение философией.

[Перечислены прочитанные книги].

Начало серьезного изучения философией.

[Эта запись без указания даты].

Ноябрь 1917 г.

В связи с погромом в Перми (4) пережил много тревожных дней. 4 ноября 1917 г. случился так называемый «пьяный погром» в Перми.

Декабрь 1917 г. Угроза тифа.

Пережил много тревожных дней в связи с обнаружением в моем доме заразы сыпного тифа, которым переболели почти все квартиранты моего дома в нижнем этаже, из которых двое (Вяткина Анна (9) и Лисашевич (?) (26) умерли. 17-го произведена дезинфекция.

[...] Мой философский горизонт чувствительно расширяется. Ницше, Фейербах, Шопенгауэр, Гюго, Бюхнер оставляют сильное впечатление.

29 декабря. Познакомился с Борисом Николаевичем Вишневым, исследователем быта пермяков, который был у меня и подарил мне на память свои литературные труды.

1918 год

1 января. Познакомился со священником Иаковом Шестаковым (под псевдонимом Яковом Камасинским), известным писателем и знатоком Пермского края, который был у меня и по моему убеждению обещал пожертвовать библиотеку, купленную им у прот. Луканина и у о. Е. Попова, в Пермское церковно-археологическое общество.

Думаю, что наступивший 1918 год будет роковым в моей жизни, т. к. 1) он начинается понедельником, как и 1879 г. – год моего рождения, 2) я именинник в этот год в воскресенье, 3) он оканчивается на 8, т. е. равен 1888, 1898, 1908 годам – знаменательным в моей жизни, 4) [нрзб.] цифра года рождения указывает также на этот год. Будучи ярым индетерминистом, я в этом случае фаталист.

Яков Васильевич Шестакова, краевед и книгоиздатель, был убит в декабре 1918 г. близ с. Хохловка при неизвестных обстоятельствах.

14 января. Присутствовал на чествовании своего сослуживца-преподавателя русского языка в духовном училище К. И. Беневоленского по случаю 25-летия его службы. Снимался с юбилеем на общей группе.

25 февраля. Закончил занятия в духовном училище вследствие занятия здания красной гвардией.

[Далее пропущен перечень прочитанной литературы].

1 июня. Поступил на общеобразовательные курсы, организованные железной дорогой, и на курсы языков немецкого, французского и английского.

3 июня. Слушал лекцию Успенского о проблемах знания.

4 июня. Начал изучать английский язык.

5 июня. Слушал лекцию Генкеля о самопроизвольном зарождении и лекцию Успенского о Сократе и Платоне.

7 июня. Слушал лекции Генкеля о морфологии растений по палеонтологии о геологических системах и Дурденевского по общественному долгу в современной демократии.

Дурденевский Всеволод Николаевич (1889–1963), доктор юридических наук, профессор, в 1917–1919 и 1920–1921 гг. преподавал в Пермском университете

15 июня. В Москве скончалась моя тетушка Мария Васильевна Верхоланцева, жена Павла Федоровича.

[Далее пропущено перечисление прочитанной в июне, июле и августе литературы].

Сентябрь.

Избран товарищем председателя курсов иностранных языков.

8 сентября. Присутствовал на реквизиции церковно-археологического музея и передаче его в Общество изучения края.

В сентябре 1918 г. выдержал экзамен на звание библиотекаря (30), прочитал 26 статей Писарева.

С 1 сентября уволен от должности преподавателя духовного училища вследствие фактического закрытия его.

В личном архивном фонде В. С. Верхоланцева сохранилось его заявление:

«В Пермский городской библиотечный совет гражданина Пермской губернии и уезда, деревни Данилихи Владимира Степановича Верхоланцева заявление.

Прошу считать меня кандидатом при баллотировке на должность заведующего одною из районных библиотек г. Перми или его помощника.

Происхожу из крестьян пригородной деревни Данилихи, имею от роду 39 лет, образование получил в Казанской духовной академии (1901—1905), с 1905 г. по настоящее время состоял преподавателем истории и географии в пермских женской гимназии М. Н. Зиновьевой, епархиальном женском и духовном мужском училищах. Знаю языки латинский, греческий, немецкий, французский, английский и итальянский. Состою библиотекарем Пермского церковно-археологического общества (бесплатно).

Владимир Верхоланцев.

16 сентября 1918 г.»

(ГАПК. Ф. 23. Оп. 1. Д. 10. Л. 186).

30 сентября 1918 г. В. С. Верхоланцев держал экзамен перед испытательной комиссией и получил следующий вердикт:

«Верхоланцев Владимир Степанович по своей предшествующей деятельности и по своим интересам подходит для работы в научной библиотеке, в частности, по Пермскому краю. С задачами и работой народных библиотек не знаком и мало их понимает. В список включен. Может занять ответственную и самостоятельную должность».

(ГАПК. Ф. р-23. Оп. 1. Д. 10. Л. 173).

Октябрь.

В октябре 1918 г. (20) избран библиотекарем Центральной Городской Педагогической библиотеки с жалованьем 480 рублей в месяц.

23 октября. Вступил в отправление обязанностей библиотекаря и начал составлять каталог.

24 октября. Вступил в члены Общества изучения Пермского края и слушал в музее доклады Язвницкого о поездке на Печору, Б. Н. Вишневого об Иконникове (библиотекаре г. Перми) и П. С. Богословского о консисторском архиве.

Принят в число студентов филологического факультета Пермского университета. Перешел на новое правописание и новый стиль. (Эта запись без указания даты).

Ноябрь 1918 г. Военное обучение.

13 ноября. Начал заниматься в архиве Пермской центральной библиотеки для того, чтобы отобрать дубликаты в педагогическую библиотеку. Начал составлять инвентарь и каталог в справочной библиотеке при ГубСовдепе (бывшая духовная консистория).

24 ноября. Слушал в музее доклады Малаховского «Забытый поэт-пермяк» (С. А. Ильин) и Сыропятова «Каменная баба».

Ильин Сергей Андреевич (1867—1914) — поэт, журналист, известный на Урале фельетонист, старший брат писателя М. А. Осоргина.

Сыропятов Александр Константинович (1882—1954), этнограф и краевед, с 1917 г. работал в Пермском музее, позднее был директором музея.

26 ноября. Зарегистрировался и явился впервые на плац для военного обучения, согласно декрету, как не достигший 40 лет.

В течение ноября прочитал 31 книгу по педагогике и библиотечному делу.

Декабрь 1918 г. Бомбардировка.

С 19 по 23 у меня в квартире был постой красноармейцев.

24 декабря. Пермь взята белогвардейцами.

24 и 25-го Данилиха и мой дом находились под обстрелом.

В течение декабря прочитал 27 книг по географии, из них 12 Реклю и Водовозовой.

1919 год

В январе перевез педагогическую библиотеку из дома Боброва в адресный стол.

В январе в моем доме постой белогвардейцев.

7 февраля. Я назначен заведующим учебно-воспитательной частью при Отделе Народного Образования с оставлением в должности библиотекаря педагогической библиотеки.

14 февраля. Рухнула крыша конюшен от снега.

18 февраля. Перевез педагогическую библиотеку в приют Богородицкой.

19 февраля. Присутствовал при встрече А. В. Колчака в соборе.

20 февраля. Перевез 61 ящик учебных принадлежностей в приют.

23 февраля. Присутствовал в университете на собрании историко-философского общества, посвященном памяти Лаппо-Данилова.

25 февраля. Познакомился с новым епископом Борисом.

9 марта. Присутствовал в университете и слушал реферат проф. Зандера о философии Киркогора (так. – Т. Б.).

9 апреля. Присутствовал на похоронах фельдшера духовной семинарии Константина Антоновича Макурина в крестовой церкви.

20 (7) апреля. Пасха. Утреню стоял в Богородицкой.

8 мая. Слушал лекцию проф. Н. Е. Румянцева о художественном рассказе.

28 (15) июня. Вышел из Перми, эвакуированный городским отделом Народного образования, 12 верст прошел пешком до кислотного завода, где сел в эшелон и поехал по горнозаводской дороге. В Мотовилихе слышал звук взрыва моста.

5 августа 1919 г. в доме В. С. Верховланцева был произведен обыск сотрудниками Пермской губчека. Протокол обыска сохранился в его личном фонде:

«Мы, нижеподписавшиеся агенты Пермской губернской чрезвычайной комиссии Мельников и [нрзб] согласно ордера губчрезкомиссии от августа 5 дня 1919 года за № 85 произвели обыск в квартире гр. Верховланцева Владимира, проживающего по Казанскому тракту в доме № 26, причем обнаружено было: НИЧЕГО. Подписи».
(ГАПК. Ф. Р-970. Оп. 1. Д. 14. Л. 1).

30 (17) июня. Приехал в Екатеринбург и поехал далее в вагоне с членами консистории К. Шестаковым, А. Сергеевым, Е. Серебренниковым и Мультиановским и Кругловым.

По-видимому, имеются в виду оперные артисты А. Н. Круглов и Н. М. Мультиановский.

2 (19) июля. Приехал в Тюмень и остановился в мужском монастыре, где настоятелем мой сотоварищ по академии архимандрит Иоанн Братолюбков.

3 июля (20). Переехал с Шестаковым и Кругловым в дом священника Константина Ребрина, где и прожил 12 дней.

12 июля (29). Петров день. В Тюменском Знаменском соборе видел служивших епископов Иринарха Березовского и Бориса Чебоксарского.

15 (2) июля. Услышав о взятии Перми 3 июля выехал с Кругловым из Тюмени в воинском эшелоне.

19 (6) июля. Приехал в Омск, пришел пешком из Куламзина 8 верст, переехал Иртыш на лодке и остановился в Омском епархиальном училище, где жил священник г. Казани И. Красовский и преподаватель Елабужского епархиального училища Никонов.

20 (7) июля. В Омском кафедральном соборе видел епископа Семипалатинского Киприана, викария Омской епархии.

21 (8) июля. Назначен делопроизводителем хозяйственного отделения высшего церковного управления.

24 (11) июля. Переехал в здание 1-й Омской женской гимназии (на Любинском проспекте), в общежитие учителей, где жили В. А. Кюнтцель, Н. Е. Бочкарев, А. И. Дрекслер-Голынец, С. В. Кузнецов и учитель Сарапульского духовного училища по рисованию.

11 августа (30). Выехал из Омска в вагоне Министерства народного просвещения, где ехали Преображенская (жена министра), Андр. Левченко, проф. Томского технологического института, проф. Казанского университета Будде и Хвостов, Кюнтцель, Дар. Антон. Новикова и уполномоченный министра Анастасьев. Омск оставил во мне впечатление города грязного и пыльного.

14 августа. Приехал в Томск и остановился в общежитии учителей в 3-й женской гимназии (дом Кухтерина на углу Нечаевской и Монастырской улиц, где жили Кюнтцель, Дьячков, Строгин).

17 августа. В Томской архиерейской домово́й церкви видел Казанского митроп. Иакова и в кафедральном соборе епископа Томского Анатолия.

18 августа. В Томском Алексеевском мужском монастыре видел Гавриила епископа Барнаульского, викария Томского.

19 августа. Преобр[ажение]. Был у обедни в старом соборе на берегу Томи.

26 августа. С эшелонам учителей выехал из Томска. В Томске, месте моего рождения, я не бывал 29 лет (с 1890 г.). Как родина, он оставил во мне приятное впечатление, возбуждая ряд воспоминаний. Дом, в котором я родился (в Уржачке, на углу, у спуска от Никольской церкви, принадлежавший бабушке моей М. И. Зеленчуковой), уже не существовал, а на месте его выстроен новый. [...] Родных своих по матери я не видал. В университете, где временно помещался эвакуированный Пермский университет, я встретил пермяков В. Е. Чижова, П. С. Богословского и С. С. Богословского. В женском монастыре видел гроб знакомого мне священника о. Федора Краснопевцева, стоящий в часовне. Был в Воскресенской, Никольской и Богоявленской церквях. В Алексеевском монастыре осматривал часовню старца Федора Кузьмича. [...] Столовался в студенческой столовой.

28 (15) августа. Выехал из Тайги в 2 ч. ночи далее на восток.

29 (16) августа. Проехал Мариинск.

30 (17) августа. В Боготолe пересел на пассажирский поезд № 21.

31 (18) августа. Проехал Ачинск и Красноярск.

1 сентября. Проехал Канск (10 ч. утра) и Нижнеудинск (12 ч. ночи).

2 сентября. Проехал Тулун и Черемхово. Из Томска я выехал в вагоне, где помещался персонал Осинского реального училища, а именно В. И. Беллавин, Викт. Филипп. Дягилев и екатеринбургские учителя Липин и Штейнман, но вследствие медленности движения эшелона в Боготолe пересел в пассажирский поезд № 21.

3 сентября. В 6 ч. утра приехал в Иркутск.

5 сентября. Был у епископа Киренского Зосимы, управляющего Иркутской епархией, учившегося одновременно со мной в Казанской академии. Ночевал у смотрителя Иркутского духовного училища Дим. Никол. Дурыштена (?).

6 сентября. Ходил в Иркутский Вознесенский монастырь, где мощи св. Иннокентия, вместе с протоиереем г. Перми о. Евгением Будриным. Это около станции Иннокентьевская, в 7 верстах от Иркутска, за Ангарой.

7 сентября. В Иркутском старом соборе, где мощи епископа Софрония, видел епископа Оренбургского Мефодия (Герасимова). Переехал в Троицкое училище, на углу Троицкой улицы против Троицкой церкви, где в общежитии жили пермские учительницы Лидия Як. Силонова, Над. Гр. Колпенская, Мария Протовна Сахар, София Степ. Котуриенко, учитель Осинского реального училища Александр Серг. Алексеев с семьями.

8 сентября. Осматривал Иркутский городской музей, где особенно интересовался отделом байкаловедения.

17 сентября. Был в Иркутском Знаменском женском монастыре (за Ушаковкой), видел могилу исследователя Ситхи Шелехова.

20 сентября. Назначен исп. обязанности заведующего высшим начальным училищем в селе Тунка Иркутской губернии и уезда, к юго-западу от Байкала 90 верст, в 120 верстах от границы Монголии, между Тункинскими белками, отрогами Саянских гор.

21 сентября. Являлся в призывной участок, для мобилизации, как не достигший 43 лет.

22 сентября. Сделался подписчиком Иркутской общественной библиотеки, из которой прочитал 13 книг.

20 октября. Панихида по Александру III в соборе. Мефодий.

21 октября. У всенощной в Казанском соборе. Зосима.

22 октября. Освобожден от призыва в войска по должности заведывающего высшим начальным училищем.

26 октября. После медицинского осмотра глаз по близорукости был признан негодным в строевые войска.

23 ноября. Выехал из Иркутска в Тунку по железной дороге до станции Култук (южная часть Байкала, 120 верст от Иркутска). Видел Байкал свободным ото льда.

24 ноября. Ехал на лошадях от Култука до Тунки 90 верст.

25 ноября. Вечером приехал в Тунку и остановился в учительской квартире Тункинском Пономаревского двухклассного училища, где живет Андрей Ив. Васильев, заведующий этим училищем.

В декабре страдал от холода в квартире, т. к. она почти не отапливалась.

Тунка по состоянию на начало XX века – это село Иркутской губернии и уезда, на р. Иркуте и при устье р. Тунки. Жителей свыше 3 тысяч: казаки, крестьяне и вполне обрусевшие буряты. Две церкви, врачебный пункт, сельское училище, казачья школа, 14 лавок, 5 винных продаж, 3 водяных мельниц, 20 кузниц. Главные занятия жителей – земледелие, скотоводство и звероловство. Меновая торговля с монголами: обмен хлеба на кожи, масло, шерсть и прочее сырье. В настоящее время Тунка – центр Тункинском района Бурятии. Село расположено в обширной Тункинской долине, окруженной Саянскими горами.

В XIX в. Тунка была местом ссылки преступников, в т. ч. и политических. Здесь отбывали ссылку декабристы; сюда были сосланы участники Польского восстания 1863 года, а в конце века в Тунку ссылали революционеров. А. Габидулина в реферате «Тунка в жизни политического ссыльного А. В. Львова, ученого и поэта» (Чтения им. В. И. Вернадского, 2002 г.) рассказывает о селе в конце XIX – начале XX вв., когда здесь отбывал ссылку уралец, екатеринбуржец Александр Владимирович Львов; а затем о Тунке в 1920-м году, когда Львов руководил здесь геологической экспедицией.

1920 г.

9 февраля. Открыл Тункинское высшее начальное училище речью об американской школе, как образцовой для России.

19 марта. Участвовал в открытии сформированной под моим руководством публичной библиотеки Тункинском Народного Дома.

22 марта. Наблюдал северное сияние в Тунке 1-й раз в жизни.

1-4 апреля. Производил перепись грамотных и неграмотных.

11 апреля (29 марта). Пасха. У заутрени в тункинской церкви.

20 апреля. Радоница. Ходил на кладбище Никольской казачьей больницы с Лидией Мих. Мацко и Евдокией Тимоф. Трухиной.

23 апреля. Получил известие из Лысьвы и Перми.

25 апреля. Ходил в Никольскую казачью станицу, был у священника Иннокентия Белова и псаломщика Александра Сем. Снегуровского. Вечером секретарствовал на собрании культурно-просветительного общества тункинском Народного Дома.

1 мая. Участвовал в манифестации.

5 мая. В 10 ч. утра выехал из Тунки в Пермь, проехал Чужиры (Гужиры?) (27 в.), Торы (9 в.), Тибельти (18 в.).

6 мая. Ночевал в Тибильтях. Проехал Быструю и Култук.

7 мая. Ночевал в Култуке; в 1 ч. дня выехал на поезде, а в 7 ч. вечера приехал в Иркутск; видел Байкал подо льдом.

8 мая. Ночевал в Троицком училище и перешел в общежитие курсантов-инструкторов в Иркутском женском институте. Был в уездном ревкоме и у Алексеевых.

9 мая. Был в соборе. В Троицкой церкви видел епископов Мефодия Петропавловского и Бориса Чебоксарского, а также протодиакона Матв. Як. Попова.

10 мая. Был в библиотеке и в Знаменском монастыре у Зеленецкого.

11 мая. Получил отпуск на два месяца, был у Л. В. Первушина.

12 мая. Купил штиблеты у Фед. Павл. Попова.

13 мая. Утром выехал из Иркутска на запад с эшелонем П. Ф. Размахнина, в котором ехали служащие Чермозского завода.

14 мая. Проехал Тулун и Нижнеудинск.

15 мая. Проехал Тайшер, Иланскую (?) и Канск.

16 мая. Проехал Красноярск, переехал Енисей, ходил по улицам Красноярска.

17 мая. Проехал Ачинск и Боготол, переехал Чулым.

18 мая. Проехал Мариинск.

19 мая. Проехал Тайгу и переехал р. Томь.

20 мая. Вознесенье. Проехал Новониколаевск.

21 мая. Проехал Барабинск и Татарск.

22 мая. Приехал в Омск.

23 мая. Выехал из Омска, переехал Иртыш, в Ишиме был обыск.

24 мая. Переехал через Тобол, проехал Ялуторовск и Тюмень.

25 мая. Проехал Камшилов.

26 мая. Приехал в Екатеринбург, осматривал город.

27 мая. Осматривал Уральский музей общества естествознания.
[Далее пропущен подробный перечень увиденных им экспонатов музея].

28 и 29 мая. В библиотеке Белинского читал Амфитеатрова «Победоносцев» и Королькова «Филарет Рижский».

30 мая. Троица. Выехал из Екатеринбурга. Проехал Невьянск и Тагил.

31 мая. Проехал Бисер и Чусовую.

1 июня. Приехал в Пермь.

5 июня. Назначен заведующим историческим отделом и библиотекой Пермского научного музея с жалованьем 2940 р.

8 июня. Вступил в отправление обязанностей библиотекаря.

9 июня. Читал в музее лекцию об истории г. Перми для слушателей курсов Народных домов.

26 июня. Осматривал выставку детских работ, устроенную пермскими детскими садами.

С 28 июня по 3 июля, во время трудовой недели, работал на Каме по выгрузке дров и выкатыванию бревен.

Июль. Начал составлять добавочную летопись г. Перми.

7 июля. Перешел от месячной к недельной системе чтения книг; предпочтение историко-библиографического метода чтения.

25 июля. Ездил в Верхнюю Курью на дачу к Зубакиным.

С 9 августа по 23 октября. Временно исполнял обязанности заведующего Пермским гос. музеем за отъездом А. К. Сыропятова.

18 августа. За всенощной в соборе видел епископа Сильвестра.

27 августа. У всенощной б. в монастыре. Служил епископ Сильвестр по Киевскому обряду с обнесением плащаницы вокруг храма.

30 августа. Осматривал живопись иконостаса пермского кафедрального собора, приписываемую Угрюмову, Егорову, Шебуеву, Боровиковскому. Нашел сходство только с Угрюмовым по декоративности обстановки.

С 1 сентября. Жалование определ[ено] в 9.720 р.

27 сентября. За всенощной в Богородицкой церкви.

1 октября. Был на именинах у Над. Дим. Поникаровой.

23 октября. Осматривал картины, привезенные для музея из Москвы Вашуровым, а именно «Голгофу» Флавицкого, «Вакханца» неизвестного художника итальянской школы, «Пастбище» Степанова, «Прощание с парком» Ан. Васнецова, Волкова «Летний день», «Бой» Виктора Васнецова, «Каир» Якобия, «Крещение римлян ап. Петром».

25 октября. Принимал книги из реквизированной Стефановской часовни. Вечером у меня был А. Г. Куляшов.

29 октября. Познакомился с профессором А. П. Дьяконовым.

Дьяконов Александр Петрович (1873—1943), профессор по кафедре всеобщей истории Пермского университета в 1917—1932 гг.

7 ноября. Осматривал вновь открытые сегодня памятники революции и павшим борцам против театра и у гостиного двора.

8 ноября. Осматривал выставку футуристов.

10 ноября. Начал заниматься по географии в школе 1-й ступени № 3-й. (8 уроков с жалованьем 3000 р.).

11 ноября. Начал собирать материалы для работы «Любовь великих людей или Психология любви».

12 ноября. Начал собирать материалы для работы «Биографический словарь деятелей и выдающихся уроженцев Пермского края». Назначен старшим сотрудником Пермского университета с жалованьем 2720 р.

«Биографического словаря» нет в личном фонде В. С. Верховланцева, поступившем на хранение в ГАПО (ГАПК). По-видимому, все, что было собрано для этого словаря В. С. Верховланцевым, вошло в «Архивную коллекцию документов «Уральский биографический словарь» А. К. Шарца (ГАПК, ф. р-790) и стало основой для этого словаря. Коллекция была создана в архиве в 1960 году из документов, переданных на хранение А. К. Шарцем (1906—1986). Причем, делать предположения можно лишь относительно того, все ли материалы Верховланцева попали в руки А. К. Шарца или их часть. То, что в коллекцию включен «Биографический словарь» Верховланцева, сомнения не вызывает: здесь множество справок, написанных от руки характерным круглым почерком Владимира Степановича. С Шарцем он познакомился в 1943 г., о чем сделана запись в летописи-дневнике: «17 июля. Знакомство с тов. предс. облисполкома Александром Кузьмичем Шарцем и Пьянковым Адриан. Афан., предс. Свердловского общества краеведения». Само по себе вклю-

чение чужой коллекции в собственный личный архивный фонд, конечно, не является предосудительным и часто практикуется. Но в данном случае речь идет о том, что Шарц никаким образом не обозначил принадлежность коллекции В. С. Верховланцеву, в сущности, присвоив себе не только собранные предшественником материалы, но также идею составления такого словаря. Сведения об этом были обнародованы на Вторых Смышляевских чтениях в 1992 г., затем опубликованы в биобиблиографическом справочнике «Краеведы и краеведческие организации Перми». Архивистам ГАПК необходимо, наконец, отметить этот факт в предисловии к описи фонда № р-790 и исправить ситуацию, восстановив справедливость по отношению к В. С. Верховланцеву.

13 ноября. Осмотрел выставку картин и фарфора, организованную музейной секцией («Распятие» Нестерова, «Горе», «Эльбрус при закате» Куинджи). Начал заниматься по истории Пермского края в Пермской общественной библиотеке.

16 ноября. Знакомство с Эмилией Васильевной Попатенко и Надеждой Яковлевной Соловьевой.

Э. В. Попатенко – дочь пермского архитектора Василия Васильевича Попатенко. По-видимому, по просьбе В. С. Верховланцева она написала статью о своем отце, которая вошла в его «Биографический словарь», а теперь включена в «Уральский биографический словарь» А. К. Шарца.

Здесь и в дальнейших записях видна методика работы Верховланцева над словарем.

17 ноября. Знакомство с Софией Сергеевной Свиридовой и Александрой Михайловной Кузнецовой.

18 ноября. Знакомство с Маргаритой Эрнестовной Берг.

19 ноября. Знакомство с Людмилой Иван. Сергеевой и [нрзб.].

29 ноября. Знакомство с проф. Влад. Эдуард. Крусманом.

В ноябре составил 85 биографий деятелей Пермского края.

Крусман Владимир Эдуардович (1879—1922), историк, работал в Пермском университете с 1917 г.

1 декабря. Начал собирать материал по истории пермского театра. Начал параллельное чтение Св. Писания на языках немецком, французском и английском для воспроизведения их по декадам.

19 декабря. Слушал лекцию Дурденевского о Спенсере.

20 декабря. Начал приводить в порядок библиотеку семинария по русской истории. Знакомство с Татьяной Петровной Кольфауз.

21 декабря. Знакомство с Бор. Аполл. Кржевским, профессором иностранной литературы.

Кржевский Борис Аполлонович (1887–1954), литературовед, историк литературы, переводчик. Преподавал в Пермском университете 1917–1922 гг.

22 декабря. Снова зарегистрирован студентом III курса общественного факультета Пермского университета.

29 декабря. Слушал лекцию Дьяконова по педагогике о Платоне.

Итоги 1920 года.

1. Открытие в Тунке высшего начального училища.
2. Участие в организации Тункинской библиотеки.
3. Возвращение из Тунки в Пермь через Иркутск, Красноярск.
4. Осмотр г. Екатеринбург и его музея.
5. Заведывание библиотекой Пермской государственного музея.
6. Временное заведывание Пермским государственным музеем.
7. Учительство (география) в школе г. Перми № 3 (Вознесенская, 60).
8. Старшее сотрудничество в историческом семинарии Пермского университета.
9. Возобновление студенческих занятий в звании студента.
10. Перевод первых 10 глав евангелия Матфея с латинского, греческого, немецкого, французского и английского.

БИБЛИОГРАФИЯ

Н. Ф. АВЕРИНА – ИСТОРИК ПЕРМСКОЙ КНИГИ

Список литературы

Составители: Т. И. Быстрых и Н. Ф. Захарова

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

«Перми посчастливилось по части истории края, – писал Д. Н. Мамин-Сибиряк. – Нужно заметить, что ни одна русская губерния не имеет такой обширной и разнообразной литературы, как Пермская, что объясняется как громадностью территории, так разнообразием и обилием всевозможных богатств». Известный российский библиограф Н. В. Здобнов вторит ему в 1927 году: «У нас нет ни одного библиографического труда, который в достаточной степени исчерпывал бы литературу об Урале хотя бы в отношении какой-либо одной отрасли знания. ...Подобными трудами сравнительно богата лишь Пермская губерния, для библиографии которой в свое время много потрудился покойный Д. Д. Смышляев».

В 1960-х – 1970-х гг. в советском книгоиздании было отмечено такое явление как «пермская книга». Новинки Пермского книжного издательства получали многочисленные премии на всесоюзных конкурсах, их везли в подарок в столицу и другие города.

Пермское книгоиздание заслуживало специального исследования, нуждалось в историке, и такой историк появился.

Нина Федоровна Аверина не сразу нашла свое призвание. Окончив школу, пыталась поступить на факультет журналистики Уральского университета, но не прошла по конкурсу, и жалеть об этом не пришлось. Учеба на историко-филологическом факультете Пермского университета стала настоящим подарком, памятным на всю жизнь. Очень интересные люди были ее однокашниками – знаменитые ныне пермские «шестидесятники», известные журналисты и писатели, ученые и общественные деятели.

Журналистика все же притягивала. Переезжая из города в город по семейным обстоятельствам, Нина Федоровна работала в газетах Салехарда, Омска, Александровска. В 1964–1966 гг. ре-

дактировала родную многотиражку «Пермский университет». По ее словам, «одной из самых активных сотрудниц была тогда Нина Горланова, приносил в редакцию стихи Леонид Юзефович, а рисунки – Анатолий Королёв...»

В 1966 г. она перешла в центральную городскую библиотеку им. А. С. Пушкина, только-только налаживающую свою работу в здании, освобожденном «Горьковкой». И поняла: вот это – ее занятие на всю оставшуюся жизнь. Книги, библиотечное дело, история пермского книгоиздания. Снова началась учеба: легко, с увлечением был окончен заочно библиотечный факультет Ленинградского института культуры, затем аспирантура. В Перми открылся собственный институт культуры, и Нина Федоровна оказалась в числе первого набора преподавателей, вела курс книговедения и истории книги, в дополнение – студенческий кружок по истории пермской книги. Наконец, начала воссоздавать репертуар пермской книги – то есть перечень всех книжных изданий, когда-либо вышедших в свет на территории Пермского края.

В 1989 г. в Пермском книжном издательстве вышла «История пермской книги» Н. Ф. Авериной. Значение этой монографии трудно переоценить: последователей у Нины Федоровны не нашлось, и другого подобного очерка нет. Появиться бы этой книге на пару лет позднее, когда в полной мере развернулись «перестроечные» настроения! А в 1989-м советские мерки еще всю влияли на редакторские решения, и дореволюционной (богатейшей!) истории пермского книгоиздания отведено в монографии меньше половины текста, остальное – советскому периоду. Но и во время подготовки «Истории пермской книги» к изданию, и много лет спустя, Нина Федоровна продолжала публиковать материалы, найденные ею в пермских и столичных архивах, в Казани и Екатеринбурге.

Обширный материал, далеко выходящий за рамки истории книгоиздания, хотелось довести до читателя. И книговед Н. Ф. Аверина стала автором нескольких трудов по истории Перми – увлекательных, популярных, очень нужных. Так появились книги «Веселый городок Егошиха», «Ворота в Сибирь», «Пермь в эпоху Модераха», «Город счастливых надежд».

В жизни нередко приходится принимать самые неожиданные решения. Никогда не думала пермячка и большой патриот своего города Нина Федоровна Аверина, что ей случится покинуть родные края. Единственный сын, надежда и опора, и лю-

бимая внучка навсегда уехали за границу. И не сразу, после многих лет раздумий она вынуждена была поехать следом. Уже седьмой год краевед и книговед Н. Ф. Аверина живет в Австралии, за тридевять земель от Перми, в другом мире. Но по-прежнему появляются в пермских краеведческих сборниках ее публикации и ждут очереди на издание подготовленные ею книги.

В 2010 году Нина Федоровна Аверина отмечает юбилей – 75-летие со дня рождения. К этой дате приурочена публикация библиографического списка ее трудов: книговедческих исследований, книг и статей по истории Перми, а также художественных произведений – воспоминаний, стихов.

Список составлен на основании краеведческого каталога Пермской областной библиотеки им. А. М. Горького и ежеквартального указателя «Литература о Пермской области», составлявшегося библиотекой вплоть до 1996 года; библиографического справочника ПГИИК «Факультет документально-информационных коммуникаций» (Пермь, 2007); в отдельных случаях на основании непосредственного просмотра газет и некоторых продолжающихся изданий.

Материал в Списке сгруппирован по хронологическому принципу. Книги внутри разделов отделены от статей, за исключением раздела «Труды Н. Ф. Авериной», где все издания даются в общем хронологическом ряду, но книги выделены полужирным шрифтом. Библиографические описания сопровождаются при необходимости краткими, уточняющего характера аннотациями.

Н. Ф. АВЕРИНА МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ

Я родилась 17 июня 1935 г. в селе Ильинском Пермской (а в те годы Свердловской) области. Краевед из Ильинского Н. Н. Кабанов в своем выступлении на XI Смышляевских чтениях (14 мая 2009 г.) сообщил: «Автор нескольких краеведческих книг Нина Федоровна Аверина, ныне проживающая в Австралии, родилась 17 июня 1935 г. в с. Ильинском, в семье Федора Васильевича Кислова (районного прокурора) и Александры Алексеевны Кисловой (домохозяйки)» (с. 198). Что касается папы – все верно. А вот назвать маму домохозяйкой кажется мне обидным.

Родившись в западно-сибирском селе Плетнево, мама с 13 лет пахала в прямом смысле этого слова, и вообще вдвоем с матерью тащила на себе обширное хозяйство. Отец семью оставил, а мама была старшей из детей. Позднее, успешно закончив в селе начальную школу, начала в ней преподавать, естественно, продолжая тянуть домашние дела. Затем отец, обособившись на строительстве Березниковского химкомбината (он был мастер на все руки), вызвал старшую дочь к себе, где мама на первых порах трудилась разнорабочей, таскала неподъемные носилки с цементом, затем начала работать электриком, а позднее – дежурной у щита Н-Силовой электростанции № 2, дослужившись до шестого разряда. Приобретенная специальность пригодилась маме в годы войны – уже в июле 1941 г. она пошла на Мотовилихинский завод в цех № 59, где и проработала дежурной у щита по шестому разряду на электростанции вплоть до сентября 1944 г., когда мы уехали в недавно освобожденный от немцев Симферополь.

Выйдя замуж в Березниках, мама не бросила работу, а уволилась лишь тогда, когда стало ясно, что папу переводят прокурором в с. Ильинское. В Ильинском родители уже ждали прибавления семейства, поэтому мама и оказалась в роли «домохозяйки». Но мне еще и года не исполнилось, как она пошла работать в районную библиотеку – заведовала ею, но очень недолго, кажется, два месяца, ибо пришлось переезжать на новое место жительства в связи с переводом отца в молодой город Асбест, недалеко от Свердловска. Мама там проработала в библиотеке Дворца культуры практически все время нашего проживания в этом городе. Из Ильинского мы уехали летом или в начале осени 1936 г.

Специалистом папа был отличным, но шел к своему профессионализму долго и трудно. Происходил он из беднейших крестьян деревни Кислово, которая ныне покоится на дне Камского моря. В семье росло десять детей (столько в живых осталось), солидное образование получил лишь один отец. Очень молодым ушел он в город, работал на Мотовилихинском заводе, учился на рабфаке, после окончания которого поступил в Московский юридический институт. Получил диплом и был послан на Урал, где, как я уже говорила, работал в Березниках, Ильинском, Асбесте, а весной 1938 г. его перевели в Пермь, где он и служил до 1944 г., в последние годы – заместителем прокурора области, пока не послали в освобожденный Крым.

Жили мы в Перми с 1938 г. до конца 1940-го на углу улиц Сибирской и Пушкина в знаменитом доме с башенкой – занимали одну комнату на первом этаже. Мама училась в школе для взрослых неподалеку, но седьмой класс закончить не удалось – накануне нового 1941-го года мы переехали в Мотовилиху, где в «доме специалистов» получили аж две комнаты (!) в благоустроенной коммунальной квартире. А потом началась война. Я все время до школы ходила в детский сад – и когда жили на Пушкина, и когда переехали в Мотовилиху. Свои детские садики любила страстно, они снились мне класса до третьего школы. В садиках мне было комфортно и интересно. Я там постоянно выступала с чтением стихов, танцами и даже была запевалой в хоре, ибо никто громче меня не мог рявкнуть: «Ах ты немец, распроклятый немчура!» Придя в школу, с удивлением обнаружила, что нет у меня ни голоса, ни слуха, и не то что запевалой, а даже рядовой хористкой быть мне не дано. Правда, танцевать и читать стихи не перестала – мы все время выступали с «концертами» в госпиталях перед ранеными.

Тяжелейшее бедствие для страны обернулось горем и для меня. Пока ходила в детский сад (в школу тогда принимали с восьми лет, значит до 1943 г.), было еще сносно. А вот когда пошла в школу... Мамин рабочий день продолжался по 12 часов – с восьми утра до восьми вечера и с восьми вечера до восьми утра, а если случалось что-то чрезвычайное, приходилось оставаться еще на одну смену. А папа в 1942 г. ушел из семьи. Так что я с семи лет была предоставлена сама себе. Мама договорилась, чтобы меня отпускали домой одну, когда детский сад закрывался, – всего-то надо было перебежать дорогу (нынешнюю Уральскую, а тогда улицу Молотова). И домой я приходила сытая. Все усложнилось неимоверно, когда я пошла в школу. Школь-

ное здание, что стояло рядом с домом, занимал госпиталь. Записали нас с подружкой куда-то далеко-далеко, в одноэтажную деревянную школу на краю города.

Темень. Окна на случай воздушной тревоги плотно зашторены. Будильника нет. Мама придет, когда я уже буду сидеть за партой. Сама себе чай на электроплитке в комнате вскипячу, сама нехитрую еду приготовлю. Но школа была переполнена, и нас с подружкой перевели в другую, тоже не близкую, называвшуюся в быту «над гастрономом» – рядом с нынешним музеем Славянова. Там я оказалась в одном классе с Т. Я. Анисимовой (тогда Томой Сазоновой). Позже снова встретилась с ней – на первом курсе университета. Приближалась победа. Госпиталь освободил здание школы, расположенное рядом с домом. Я стала учиться в ней. Так что в течение одного учебного года сменила три школы. В дальнейшем, вплоть до четвертого класса, приходилось менять по две.

В сентябре 1944 г. мы уехали в освобожденный Симферополь, через год – в Москву, затем в Челябинск, снова в Крым (Ялту, Симферополь), а с ноября 1946 г. надолго обосновались в Челябинске. Мама вышла замуж, мы купили небольшой домик на самой окраине Челябинска в районе ЧТЗ, я пошла учиться в затрапезную, казалось бы, школу-семилетку... Господи! Как я благодарна своему отчиму Данилову Анисиму Григорьевичу, не очень образованному человеку, чувашу по национальности, инвалиду войны за его доброту, радушие, преданность, любовь ко мне и к маме, а позднее прямо-таки беспредельную любовь к моему сыну! Как я благодарна своей школе-семилетке, доброте и мудрости ее педагогов, порою не имевших специального образования или только-только постигавших школьную науку на заочных отделениях! Как я благодарна своим соученикам, особенно одноклассникам – чистым душою, талантливым, жаждущим знаний! Таких ребят я не встречала больше никогда.

Учителя доверяли нам во всем. Мы сами следили за порядком в классе и школе. Сами устраивали интереснейшие собрания, митинги, иные мероприятия, в том числе и празднества. Ставили спектакли по написанным нами пьесам, репетировали, шили костюмы, развешивали афиши о предстоящем зрелище. Актовый зал набивался битком, и мы играли перед нашей непритязательной аудиторией с упоением. А какие выпускали стенгазеты! Писали стихи. Изучали по журнальным иллюстрациям, редким тогда альбомам и буклетам историю живописи, архитектуры, скульптуры, музыку – по передачам радио. Ни театра оперы и балета, ни художественной галереи в Челябинске тогда еще не было, а о телевидении никто и мечтать не мог.

А сколько мы читали, хотя книги доставали с трудом! Еще в семилетке я прочла почти всего Пушкина, абсолютно всего Лермонтова, включая юнкерские поэмы, варианты пьес, фрагменты, наброски; многие романы Тургенева, «Войну и мир» и другие произведения Толстого. Но некоторые ребята читали гораздо больше меня. Например, Гриша Туберт, позднее расшифровавший письменность этрусков.

А потом чуть не всем классом мы перешли в престижнейшую десятилетку – школу № 18 – холодную, чопорную, неприветливую, особенно к нам, окраинным. Прически – только косы, банты – только черные или коричневые... И так во всем. Если бы не наше плановское (по имени поселка) сообщество, было бы совсем скверно. Кое с кем дружу до сих пор. А многих уже нет на свете. Другие разлетелись по стране, а то и далее.

Закончив школу, в 1953 г. пыталась поступить на журфак Уральского университета. Не прошла по конкурсу, хотя многих с таким баллом, как у меня, принимали. Было страшно обидно, ибо отвечала я намного лучше других ребят, особенно демобилизованных из армии. Например, поставили мне четверку по географии, а я так любила эту дисциплину, всю жизнь по ней имела лишь пятерки, очень много читала дополнительно, отвечала – от зубов отскакивало. Но, с другой стороны, сама виновата. Девочка с косичками, не представившая ни одной публикации! Как могли догадаться о моем творческом потенциале? Ребята чемоданами вырезки из газет везли. Впрочем, ничего в жизни не дается мне с первого раза.

Когда много лет спустя в Свердловске состоялась презентация моего труда «История пермской книги», на которой присутствовало много преподавателей журфака, и я сообщила об этом факте своей жизни, аханью не было конца. Вернувшись после поражения в Челябинск, училась в драматической студии театра ЧТЗ, а на следующий год поступила на филфак Пермского университета (тогда это был единый историко-филологический факультет с двумя отделениями). Какая у нас сложилась группа! Каждый – неординарная личность, и все вместе – замечательный коллектив. Дружим до сих пор, помогаем друг другу в трудную минуту, ежегодно встречаемся за праздничным столом (увы, в последние несколько лет уже без меня!)

В 1959 году, окончив университет, я уехала к мужу в Салехард. Очень недолго работала в школе рабочей молодежи, затем в газете «Красный Север». В 1960 г. родился сын – мое самое большое достижение в жизни. Позднее напишу: «Не ищу я больше неба, не загадываю сны. Я творец одной поэмы, и моя поэма – сын».

На севере ребенок часто болел, пришлось весной 1961 г. уехать с ним на Урал к родителям мужа, который, проводив нас до места, вернулся в Салехард, ибо начиналась навигация, которую он обеспечивал, да и работал он по договору, заканчивающемуся лишь поздней осенью. Хоть и временно жили в Александровске, но я времени не теряла, пошла работать в газету «Боевой путь», тем более что за сыном был прекрасный уход и бабушки с дедом, и тетушек, и племянниц.

Замечательный редактор Тиунов дал мне полную свободу: твори, выдумывай, пробуй! Я придумывала всякие рубрики, странички, клубы по интересам, уголки сатиры и прочее, и прочее. Отдавалась работе со всей душой и энтузиазмом молодости. Приехавший в командировку из Перми В. И. Аборкин, познакомившись с подшивками газеты, дал мне рекомендацию в Союз журналистов СССР, членом которого я стала в 1961 г. После Салехарда хотели сразу остаться на Урале, но мужа уговорили переехать в Омск, где гарантировали интересную работу и благоустроенную квартиру в центре города. И обещания свои выполнили.

А вот мне с работой вначале не повезло. Устроилась на радио, а мое призвание – не слушать, а читать, смотреть. Перешла на работу в областную библиотеку им. А. С. Пушкина и вот тут поняла: это и есть мое истинно родное – жизнь среди книг, работа среди книг. Мечту свою об уральской жизни не оставляли, хлопотали о переводе туда постоянно, а тут мне и уезжать из Омска не захотелось, но было уже поздно.

С 1964 по 1966 гг. делала газету «Пермский университет». Одной из самых активных сотрудниц тогда была Нина Горланова, приносил в редакцию стихи Л. Юзефович, а рисунки – А. Королёв...

В 1966 г. я перешла на работу в Центральную городскую библиотеку им. А. С. Пушкина, тогда еще не открывшуюся для читателей. Областная библиотека в преддверии скорого выезда из дома Смышляева много лет не ремонтировала помещение. Мы вселялись по-существу в руины. Сколько под руководством директора тех лет В. Р. Кониной грязи перемесили, тяжестей перетаскали, лаками-красками надышались... Когда приходили обедать в горисполком, публика от нас шарахалась – так мы строительными запахами пропитались.

Наконец, все заблестело, засверкало, мы торжественно открылись. Но стеллажи долгое время были почти пустыми. Спасало, что вокруг находилось множество учебных заведений, в том числе и вузов, а учебниками мы комплектовались старательно. В ЦГБ я проработала ровно десять лет, заведовала читальными залами.

За это время увлеклась краеведением. Появились первые публикации. Заочно окончила (с красным дипломом) библиотечный факультет Ленинградского института культуры. Была лектором горкома комсомола. Лекции читала постоянно и самой разнообразной аудитории – от библиофилов до обитателей женской колонии. Училась на философском отделении института марксизма-ленинизма, сдала кандидатский экзамен по философии, а при классическом университете одолела двухгодичные курсы английского языка и тоже сдала кандидатский экзамен. Кстати, оба на «отлично». Так что работа в библиотеке дала мне бесконечно много. Я уж не говорю о том, сколько замечательных книг и статей за это время перечитала. А какой замечательный коллектив сложился в библиотеке, особенно в наших читальных залах! На работу ходила, как на праздник, а когда в 1976 г. перешла в институт культуры, иду, бывало, туда, задумаюсь и очнусь перед самой дверью библиотеки. Ноги сами несли по старому адресу.

В институте культуры вначале доверили мне должность лаборанта с правом чтения лекций. Начала вести курс книговедения и истории книги (преподавала его все двадцать лет обитания в вузе), но к этому обширному курсу все время добавлялось что-нибудь новенькое: история искусства, иллюстрация в детской книге, работа с читателями, проблемы централизации и т. д. Кончая лекцию, еще не знала, о чем буду говорить завтра. Прибегу после занятий в родную библиотеку, наберу полную сумку книг и до середины ночи дома составляю очередные лекции. Бедные мои первые студенты!

А тут еще поступила в заочную аспирантуру при кафедре книговедения ЛГИКА (научный руководитель – доктор филологических наук А. В. Блюм). Тему взяла краеведческую – об истории книжного дела Пермской губернии второй половины XIX века. Но невозможно говорить об истории книжного дела в губернии, не зная, какие книги и когда здесь издавались. Вот я и начала воссоздавать полный репертуар местных изданий. Правда, самая серьезная работа по воссозданию репертуара началась уже после защиты диссертации. Предполагалось, что с конца XVIII в. до конца XIX-го в губернии было издано несколько сотен книг, а оказалось – несколько тысяч, по предварительным данным – около десяти тысяч. Диссертацию я защитила в срок, хотя и пришлось часть ее писать на подоконнике в онкодиспансере, а врачи, как я узнала позднее, сулили мне жизни на полгода. Видно, диссертация меня и спасла, ибо писала я ее с огромным удовольствием.

Очень трудным был для меня период конца 1980-х – начала 1990-х гг. Мама после пяти инсультов, недвижно пролежав более трех лет, скончалась в 1989 г. (Отец умер в 1954 г., отчим – в 1975 г.). Усугубились сложности в семье. В январе 1994 г. единственный сын с семьей уехал на постоянное место жительства в Австралию. В том же 1994 г. мне снова пришлось перенести онкологическую операцию.

Но было и много успехов, радостей, удовлетворения от сделанного. Очень нравилась преподавательская работа, постепенно я набиралась знаний и опыта. Любила студентов, буквально с кровью отрывала от сердца каждый очередной выпуск. С некоторыми перезваниваюсь, переписываюсь до сих пор. Особенно близки были те, кто занимался в моем книговедческом кружке – я руководила им почти все двадцать лет работы в вузе. Изучали историю пермской книги. Получила звание доцента. На совете института избрали на должность профессора. Много занималась наукой. Часто публиковалась, ездила с докладами на научные конференции в Петербург, Новосибирск, Свердловск, Киров и другие города. В 1989 г. в Пермском книжном издательстве вышел мой труд «История пермской книги», который был награжден областной журналистской премией им. Гайдара. В 1993 г. в Петербурге издали мое исследование «Воссоздание местных репертуаров дореволюционной провинциальной книги» (оно заняло второе место на всероссийском конкурсе книговедческих работ). Выступала на местных конференциях, прежде всего – на Смышляевских чтениях при областной библиотеке им. А. М. Горького. В 2001 г. эта библиотека выпустила компьютерный вариант «Истории пермской книги», значительно дополненный обширными комментариями и репертуаром местных книг.

Всегда у меня было очень много друзей, уважаемых коллег, глубоко симпатичных мне родственников, пусть и не очень близких. Единственная дочь у своих родителей, я повторила их «опыт» – у меня один-единственный сын и единственная внучка (родилась в 1988 г.). Зато какой сын и какая внучка! Я очень тяжело переживала разлуку с ними и, едва встав на ноги после операции, полетела в Австралию посмотреть, как они там. Начиная с 1995 г. мои поездки на далекий континент стали почти ежегодными. Чтобы не страдала работа, пришлось в 1996 г. выйти на пенсию.

Долгие годы работая в архивах Перми, Москвы, Петербурга, Казани, Екатеринбургa, я собрала обширнейший материал, который остался за пределами диссертации. И принялась писать

историю Перми, начиная со строительства Егошихинского завода. Долго-долго ждали мои книги выхода в свет, и вот, наконец, четыре из них пришли к читателям, причем «Веселый городок Егошиха» опубликован дважды. Две книги изданы Пермским книжным издательством, теперь уже не существующим. Первая книга – «Веселый городок Егошиха» – была награждена дипломом конкурса «Наш автор 2004», а «Ворота в Сибирь» удалось издать при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках федеральной целевой программы «Культура России».

После закрытия Пермского книжного издательства, казалось, дальнейшим планам не суждено осуществиться. Но пришел на помощь спонсор – ЗАО «Центральный рынок» и его руководитель Реваз Дорофеевич Шенгелия, а также очень энергичный, талантливый, заинтересованный издатель – Елена Эдуардовна Сулова и возглавляемый ею коллектив удивительного издательства «Мастер». Затем начался кризис, и мы не успели издать уже имеющиеся в наличии рукописи.

Сын сразу после переезда в Австралию начал уговаривать нас последовать его примеру, прекрасно понимая, что старея, болея и получая крошечные пенсии, мы просто-напросто не выживем одни, участь наша будет печальной. Никогда не думала, что решусь покинуть страну, но обстоятельства заставили. Подал документы на переезд, мы пять лет ждали разрешения на это. И вот уже седьмой год я живу в этой прекрасной, доброй, щедрой стране. Но связей с родиной, с друзьями, с родными не теряю. Продолжаю работать над очередными книгами, благо, привезла с собой рукописи и многочисленные выписки, и краеведческие издания. Друзья и коллеги продолжают снабжать новинками и необходимыми материалами. К счастью, Интернет под рукой.

ТРУДЫ Н. Ф. АВЕРИНОЙ

1964

[Федорова Н.] Как быть с рохлями? // Пермский университет. – 1964. – 2 дек. (№ 37). – С. 2.
О физической культуре в ПГУ.

1965

[Федорова Н.] Наш Сергей Викторович // Пермский университет. – 1965. – 10 марта (№ 10). – С. 1.
О преподавателе С. В. Владимирове.

[Федорова Н.] Спасибо, Лидия Николаевна! // Пермский университет. – 1965. – 5 мая (№ 19). – С. 2.
О преподавателе Л. Н. Чечулиной.

[Федорова Н.] «Дистен» отправляется в путь // Пермский университет. – 1965. – 16 июня (№ 25). – С. 1. – (Дела комсомольские).
О студенческом отряде «Целинники».

1971

Аверина Н. Ф. У «Гималаев» книг // Товарищ студент. – Пермь: Кн. изд-во, 1971. – С. 109-119.

Очерк о библиотеке и библиографии на примере пермской Центральной городской библиотеки им. А. С. Пушкина и ее книжных фондов.

1973

Аверина Н. Ф. Писатель приходит в библиотеку // Вечерняя Пермь. – 1973. – 10 мая.

О встрече с писателем А. М. Домниным в литературном клубе «Тропинка на Парнас» в ЦГБ им. А. С. Пушкина.

Аверина Н. Ф. Революция и библиотеки: к 250-летию Перми // Вечерняя Пермь. – 1973. – 13 июля.

1974

Аверина Н. Ф. Новая встреча с Жераром Филиппом: колонка книголюбца // Вечерняя Пермь. – 1974. – 30 июля.

1975

Аверина Н. Ф. Самая популярная // Вечерняя Пермь. – 1975. – 10 марта.

Пропаганда литературы о Великой Отечественной войне в ЦГБ им. А. С. Пушкина.

1976

Аверина Н. Ф. Сколько дней был в Перми Герцен? // Вечерняя Пермь. – 1976. – 5 февр.

Аверина Н. Ф. «Пермь тиха, безмятежна...» // Вечерняя Пермь. – 1976. – 12 февр.

Писатель П. И. Мельников-Печерский и Пермь.

1978

Аверина Н. Ф. Пермская ссылка Герцена // Русская литература. – 1978. – № 4. – С. 162-165.

1980

Аверина Н. Ф. Проблемы изучения провинциального читателя второй половины XIX века // Актуальные проблемы культуры и искусства в свете постановления ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы»: тез. второй Всероссийской науч.-теорет. конф. аспирантов вузов культуры и искусства / Пермский гос. ин-т культуры. – Пермь, 1980. – С. 126-128.

Аверина Н. Ф. Пермские встречи Герцена // Урал. – 1980. – № 2. – С. 164-168.

Аверина Н. Ф. Забытое имя: [о Ф. В. Ливанове] // Вечерняя Пермь. – 1980. – 28 марта.

Аверина Н. Ф. Репертуар пермской книги. Можно ли его восстановить? // Вечерняя Пермь. – 1980. – 20 мая.

1981

Аверина Н. Ф. Проблемы восстановления репертуара пермской книги – действенного средства повышения эффективности и качества обслуживания читателей краеведческой литературой // XXVI съезд КПСС и актуальные проблемы развития культуры и искусства: тез. третьей Всероссийской науч.-теорет. конф. аспирантов вузов культуры и искусств / Уральская гос. консерватория им. М. П. Мусоргского. – Свердловск, 1981. – С. 279-281.

Аверина Н. Ф. Для всех и для каждого // Звезда. – 1981. – 27 нояб.

Об организации личной библиотеки.

Аверина Н. Ф. Приглашение к открытиям // В мире книг. – 1981. – № 9. – С. 63.

Рец. на книгу В. А. Павлова и А. В. Блюма «Рассказы об уральских книгах» (Свердловск, 1980).

1982

Аверина Н. Ф. Демократическое книжное дело Пермской губернии периода разночинского движения (проблема книгоиздания, распространения чтения): автореф. дисс. ...канд. филол. наук / Ленинградский гос. ин-т культуры им. Н. К. Крупской. – Л., 1982. – 15 с.

Аверина Н. Ф. Роль чтения в формировании политических взглядов прогрессивной части пермских семинаристов в период разночинского движения // История русского читателя / Труды Ленинградского ин-та культуры им. Н. К. Крупской. – Л., 1982. – Т. 70. – С. 47-63.

Аверина Н. Ф. Книгоиздание Пермской губернии конца XVIII – первой половины XIX века // Художественная культура Пермского края и ее связи: материалы науч. конф. 21-24 февр. 1989 г. / Пермская гос. худож. галерея. – Пермь: Пермская книга, 1982. – С. 123-132.

1983

Аверина Н. Ф. Очарованные книгой // Звезда. – 1983. – 27 мая.

Аверина Н. Ф. Первые пермские издания // Звезда. – 1983. – 27 мая.

Аверина Н. Ф. В преддверии революционного взлета // Звезда. – 1983. – 24 июня.

Книгоиздание в Перми в 50-80-е гг. XIX в.

Аверина Н. Ф. В конце века // Звезда. – 1983. – 26 авг.

Книгоиздание в Пермской губернии в 80-х – 90-х гг. XIX в.

Аверина Н. Ф. Краевые издания – пути поиска // Урал. – 1983. – № 8. – С. 123-127.

Аверина Н. Ф. На рубеже веков // Звезда. – 1983. – 23 сент.

Книгоиздание в Пермской губернии.

Аверина Н. Ф. Новое слово, новые идеи: архив «Кругозора» // Звезда. – 1983. – 28 окт.

Книгоиздательство в Перми в первые годы советской власти.

1985

Аверина Н. Ф. Проблемы воссоздания истории провинциальной книги // Проблемы книговедения и истории книги: межвузов. сб. науч. трудов / Московский ин-т культуры. – М., 1985. – С. 133-140.

Аверина Н. Ф. Забытое имя // Урал. – 1985. – № 7. – С. 175-176.

О Ф. В. Ливанове, предполагаемом корреспонденте А. И. Герцена.

Аверина Н. Ф. Служить людям // Вечерняя Пермь. – 1985. – 12 июля.

О Пермском городском отделении Всесоюзного добровольного общества любителей книги.

1986

Аверина Н. Ф. Основные направления и тенденции книгоиздания в Пермской губернии во второй половине XIX века // Книжное дело в России во второй половине XIX – начале XX в.: сб. науч. трудов / Гос. публ. б-ка им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. – Вып. 2: Из истории демократической и научной книги. – Л., 1986. – С. 65-74.

1987

Аверина Н. Ф. Пермское книгоиздание за годы советской власти: итоги, тенденции, проблемы, перспективы // Развитие социалистической культуры за годы советской власти и актуальные проблемы культурного строительства: тез. докл. обл. межвузов. науч.-теорет. конф. / Пермский гос. ин-т культуры. – Пермь, 1987. – С. 113-115.

Аверина Н. Ф. У истоков пермского книгоиздания: загадки, поиски, находки // Уральский библиофил. – Пермь: Кн. изд-во, 1987. – С. 7-24.

Аверина Н. Ф. Беречь исторические памятники // Звезда. – 1987. – 1 авг.

Аверина Н. Ф. Литературные памятники Прикамья // Вечерняя Пермь. – 1987. – 8 окт.

Об одноименной серии Пермского книжного изд-ва.

1988

Аверина Н. Ф. Книжные связи Перми и Вятки в конце XVIII – начале XX века // Первые Петряевские чтения, 88: тез. докл. к чтениям / Кировская обл. науч. б-ка им. А. И. Герцена [и др.]. – Киров, 1988. – С. 24-25.

Аверина Н. Ф. Новые тенденции в Пермском книгоиздании конца XIX – начала XX в. // Книжное дело в России во второй половине XIX – начале XX в: сб. науч. трудов / Гос. публ. б-ка им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. – Вып. 3: Книга в контексте общественного и культурного развития. – Л., 1988 – С. 120-126.

Аверина Н. Ф. Путевые очерки русских писателей о Перми и Прикамье: [вступ. статья] // В Парме / сост., предисл. и коммент. Н. Ф. Авериной; худож. Е. И. Нестеров. – Пермь: Кн. изд-во, 1988. – 398 с.: ил. – (Литературные памятники Прикамья). – С. V-XXXII.

Аверина Н. Ф. Вечно живые корни // Литературное Прикамье. – 1988. – 13 июня. – С. 7.

Аверина Н. Ф. Книги о родном крае // Звезда. – 1988. – 7 дек. О свердловском краеведе Ю. М. Курочкине.

1989

Аверина Н. Ф. История пермской книги: очерк. – Пермь: Кн. изд-во, 1989. – 223 с. – На обложке автор не указан.

Разделы: Свет памяти; Книга в строю.

Рец.: Мюллер И. «История пермской книги» // Боевой путь. – 1990. – 3 мая.

Аверина Н. Ф. К проблеме воссоздания полного репертуара местной книги // Книга и книжное дело Сибири: история, современность, перспективы развития: тез. докл. и сообщ. Всесоюз. науч. конф. по проблемам книговедения: (23-25 окт. 1989 г., г. Новосибирск). – Новосибирск, 1989. – С. 52-54.

1990

Аверина Н. Ф. Книжное дело в провинции: Пермская губерния // Книга в России: 1861—1881 гг. – М.: Книга, 1990. – Т. 2. – С. 172-184.

Аверина Н. Ф. Круг литературных знакомств Д. Д. Смышляева // Смышляевские чтения: тез. сообщ.: 12-13 дек. 1990 г. / Пермская обл. универс. б-ка им. А. М. Горького. – Пермь, 1990. – С. 16-19.

Малотиражное издание на правах рукописи.

Аверина Н. Ф. Книге преданно служить: открытое письмо ко всем представителям культуры по поводу предстоящего 200-летия издательского дела в Прикамье / Н. Ф. Аверина, А. Ф. Старовойтов, А. Г. Зебзеева // Звезда. – 1990. – 28 июня.

Письмо подписали: Н. Ф. Аверина, директор Пермской областной библиотеки им. А. М. Горького А. Ф. Старовойтов и главный редактор Пермского книжного издательства А. Г. Зебзеева.

1992

Аверина Н. Ф. Белые пятна пермского книгоиздания // Пермский край: Старая Пермь: (1723—1917): краевед. сб. / сост. Т. И. Быстрых. – Пермь: Пермская книга, 1992. – С. 128-137.

Аверина Н. Ф. Двухсотлетний юбилей пермского книгоиздания // Смышляевские чтения: тез. сообщ.: 17-18 окт. 1992 г. / Пермская обл. универс. б-ка им. А. М. Горького. – Пермь, 1992. – С. 5-7.

Малотиражное издание на правах рукописи.

Аверина Н. Ф. Книгоиздание Пермской губернии конца XVIII – первой половины XIX века // Художественная культура Пермского края и ее связи: материалы науч. конф.: 21-24 февр. 1989 г. / Пермская гос. худож. галерея. – Пермь, 1992. – С. 123-132.

Аверина Н. Ф. Двести лет пермской книги // Книжное обозрение. – 1992. – 14 авг. (№ 33).

1993

Аверина Н. Ф. Воссоздание местных репертуаров дореволюционной провинциальной книги / Российская нац. б-ка. – СПб., 1993. – 82 с.

Аверина Н. Ф. История русской книги: метод. материалы и программа курса для студентов библиотечных факультетов / Пермский гос. ин-т искусства и культуры, каф. библиотековедения. – Ижевск: Изд-во Удмуртского ун-та, 1993. – 56 с.

Аверина Н. Ф. А. И. Иконников и его семья – деятели культуры Пермского края второй половины XIX – начала XX веков // Третьи Смышляевские чтения. – Пермь, 1993. – С. 52-53.

1994

Аверина Н. Ф. «Личность осталась невыясненной...» // Вестник Смышляевских чтений. – Пермь, 1994. – Вып. 1. – С. 17-21.
Д. Д. Смышляев и Л. Н. Толстой.

1995

Аверина Н. Ф. Единомышленник великого издателя Григорий Максимович Походяшин. – Пермь: ПК «Миниатюр. кн.», 1995. – (Серия «Пермские книжники»; вып. 1).

Страницы прошлого: избр. материалы краевед. Смышляевских чтений в Перми / Пермская обл. универс. б-ка им. А. М. Горького. – Пермь, 1995. – 211 с. – Из содерж.: Аверина Н. Ф. Двухсотлетний юбилей пермского книгоиздания. – С. 21-23; А. И. Иконников и его семья – деятели культуры Пермского края второй половины XIX – начала XX века. – С. 89-91.

Аверина Н. Ф. Ф. М. Решетников и библиотека чиновников Пермской казенной палаты // История библиотеки – история страны: тез. докл. и сообщ. науч.-практ. конф., посвящ. истории библиотеч. дела в Прикамье: 16 нояб. 1994 г. / Пермская обл. универс. б-ка им. А. М. Горького. – Пермь, 1995. – С. 26-35.

1996

Чухарева Л. А., Аверина Н. Ф. Типография Я. С. Гребнева – одна из частных типографий Пермской губернии. – Пермь, 1996. – 33 с. – (Серия «Пермские книжники»; вып. 2).

Аверина Н. Ф. П. И. Мельников-Печерский и Пермский край // Вестник Смышляевских чтений. – Пермь, 1996. – Вып. 2. – С. 5-11.

Малотиражное издание на правах рукописи.

Аверина Н. Ф. Федор Решетников и судьбы книжных собраний // Библиотека. – 1996. – № 11. – С. 60-63.

1997

Аверина Н. Ф. Книжное дело в провинции: Пермская губерния // Книга в России: (1881–1895 гг.) / Российская нац. б-ка. – СПб., 1997. – С. 229-240.

206

1998

Аверина Н. Ф. Герцен Александр Иванович // Материалы по Пермской области к Уральской исторической энциклопедии. – Пермь, 1998. – Вып. 2. – С. 15.

2000

Аверина Н. Ф. История парка культуры и отдыха имени А. М. Горького // Пермские квартиры. – 2000. – № 18. – С. 23.

2001

История пермской книги: [электронный ресурс] / Пермская обл. гос. универс. б-ка им. А. М. Горького; текст Н. Ф. Авериной; сост. Г. А. Пантелеевой; автор идеи А. Ф. Старовойтов. – Электрон. дан. (6 файлов), 132 м. байтов. – Пермь: ПГОУБ; Эллипс, 2001. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

Создан к Пермскому форуму книги. Текст по изданию: История пермской книги; Репертуар пермской книги (1792–1917) / Н. Ф. Аверина.

Аверина Н. Ф. По поводу создания истории города Перми // Страницы прошлого: избр. материалы краевед. Смышляевских чтений в Перми. – Пермь: Реал, 2001. – Вып. 3. – С. 14-16.

Аверина Н. Ф. Как нам написать историю Перми? // Пермьяки. – 2001. – Сентябрь. – Спец. вып.

2005

Аверина Н. Ф. Весёлый городок Егошиха: краевед. очерк. – Пермь: Кн. изд-во, 2005. – 319 с.: ил.

Хронологические рамки очерка: XVIII в. – 1804 г.

Главы: Истоки. – Эмиссары Петра I. – «Место лутче не нашел...» – Возвращение Татищева. – От завода-крепости к центру наместничества.

Приложения: Словарик забытых и полузабытых слов; Список литературы.

Рец.: Баталина Ю. Живого города черты // Новый компаньон. 2005. 21 июня. № 21.

Быстров А. Презентация «Егошихи» // Звезда. 2005. 11 июня. № 95.

2006

Аверина Н. Ф. Пермь в эпоху Модераха: краевед. очерк. – Пермь: Кн. изд-во, 2006. – 316 с.: ил.

Хронологические рамки очерка: 1796–1811 гг.

Главы: Быт и бытие губернских жителей. – Довольно приятный город. – Не хлебом единым. – Дела духовные. – Во благо Пермской губернии. – Прощание с Модерахом.

Приложения: Словарик забытых и полузабытых слов; Литература; Перечень иллюстраций.

207

Аверина Н. Ф. Ворота в Сибирь: краевед. очерк. – Пермь: Кн. изд-во, 2006. – 320 с.

Хронологические рамки очерка: 1811–1842 гг.

Главы: Опорный край державы; Опальный сановник; Высокие помыслы обыденной жизни; Визит императора; Деяния пермского зодчества; Главный город губернии.

2007

Аверина Н. Ф. Весёлый городок Егошиха: краевед. очерк. – Пермь: Мастер, 2007. – 232 с.: ил. – (Земля моя русская – Пермь).

2008

Аверина Н. Ф. Город счастливых надежд. – Пермь: Мастер, 2008. – 222 с. – (Земля моя русская – Пермь).

Хронологические рамки очерка: 1780-е – 1790-е гг.

Главы: «Наименованный Пермь...»; У истоков будущего величия; «Должно его причислить к непоследним городам...»; Благие начинания; «Конца города ныне знать не можно...»; Пермь книжная; Под занавес века.

Приложения: Сулова Е. Э. Сохраняя духовность; Словарик забытых и полузабытых слов, необходимых для понимания текста.

Аверина Н. Ф. Пермская губерния // Книга в России, 1895–1917 гг. / Под общ. ред. И. И. Фроловой. – СПб., 2008. – Т. 3. – С. 515-530.

2009

Аверина Н. Ф. Провинциальный шедевр и его создатели: к 150-летию «Пермского сборника» // Смышляевский сборник: исследования и материалы по истории и культуре Перми. – Пермь, 2009. – Вып. 1. – С. 196-211.

Художественные произведения

Аверина Н. Ф. «Даже в двадцатом веке лес остается загадкой...»: [стихи] // Молодой человек: лит.-худож. сб. – Пермь: Кн. изд-во, 1965. – Вып. 4. – С. 272.

Аверина Н. Ф. На краю земли; «А за окнами дождь...»; «Я за время щедрое, будто осень...»: [стихи] // Молодой человек: лит.-худож. сб. – Пермь: Кн. изд-во, 1966. – Вып. 5. – С. 173-175.

Аверина Н. Ф. «Какая радость – ощутить весну...»; «Забрызжет лед голубыми осколками...»: [стихи] // Молодой человек: лит.-худож. сб. – Пермь: Кн. изд-во, 1967. – Вып. 6. – С. 239-240.

Аверина Н. Ф. «Эти тихие улицы старых, больших городов...»; «Что ни отдашь за эту синь...»; «Здесь воды – не окинешь глазом...»: [стихи] // Современники: поэзия Прикамья. – Пермь: Кн. изд-во, 1967. – С. 3-5.

Княженика: стихи. – Пермь: Кн. изд-во, 1968. – 69 с. – Из содерж.: **Аверина Н. Ф.** «Сегодня солнце празднует уход...»; «Я сижу, распахнувши сердце...»; «Когда бы я художницей была...»; «Сегодня первый зимний день...»; «Кап-кап-кап... Истекает каплями день...»; «Знать, осени, забывшей свой черед...» – С. 5-10.

Рец.: Вечтомова Е. // Звезда. – 1969. – № 3. – С. 221-222.

Горн Г. Претензия в суперобложке // Звезда. – 1968. – 27 апр.

Марьев Б. Молодые – кто они? // Урал. – 1968. – № 11. – С. 135-146.

Коноплева К. Подснежник // Книжное обозрение. – 1968. – 6 апр. – С. 11.

Аверина Н. Ф. Мой листопад: (стихи старой дамы). – Пермь, 2003. – 95 с.

Разделы: Стихотворения последних лет; Стихи для внучки; Из старых блокнотов.

[**Ефимова А. А.**] Единожды солгавши...: [повесть]. – Пермь, 2009. – 148 с.

Повесть Н. Ф. Авериной, написанная на биографическом материале, подписана ею псевдонимом: Ефимова Александра Алексеевна.

Аверина Н. Ф. Четыре степени любви. – Пермь: Пушка, 2010. – 288 с.

* * *

Аверина Н. Ф. Все главное уже свершилось...: [стихи] // Библиотека. – 1997. – № 3. – С. 124.

Составительская деятельность

Товарищ песня: сб. / сост. Н. Ф. Аверина; худож. Р. Ш. Багаутдинов. – Пермь: Кн. изд-во, 1978. – 158 с.: ил. – (60-летию ВЛКСМ посвящается).

Рец.: Левина А. Юность и песня // Комсомольская правда. – 1978. – 8 авг.

Проскурин В. От трубача до Икара // Молодая гвардия. – 1979. – 31 окт.

Комсомольская путевка: [стихи / сост. Н. Ф. Аверина; худож. В. Кадочников]. – Пермь: Кн. изд-во, 1985. – 185 с.: ил.

Во славу спорта: стихи / сост. Н. Ф. Аверина; худож. Е. Нестеров. – Пермь: Кн. изд-во, 1985. – 92 с.: ил.

В Парме / сост., предисл. и коммент. Н. Ф. Авериной; худож. Е. И. Нестеров. – Пермь: Кн. изд-во, 1988. – 398 с.: ил. – (Литературные памятники Прикамья).

Путевые очерки русских писателей о Перми и Прикамье.

Рец.: *Мюллер И.* «В Парме» // Боевой путь. – 1988. – 22 сент.
Зайцева Е. Литературные памятники Прикамья // Звезда. 1988. – 22 сент.

Старейшая на Урале / сост. Н. Ф. Аверина; Пермская обл. организация о-ва «Книга», о-во книголюбов. – Пермь, 1992. – 112 с.
О пермской типографии № 1.

Литература о Н. Ф. Авериной

В помощь книголюбам Прикамья: (метод. рекомендации по пропаганде книги) / Пермское обл. отд-ние Всероссийского добровольного о-ва любителей книги; сост.: А. Ф. Микова, Б. И. Бурштейн. – [Пермь, 1979]. – 23 с.: ил.

Из содерж.: Н. Ф. Аверина – председатель правления Пермского городского отделения общества любителей книги: [портр.]. – С. 8.

Фролова И. И. Третьи Павленковские чтения // Книга: исследования и материалы. – М., 1984. – Сб. 49. – С. 225-229.
Об участии в чтениях Н. Ф. Авериной.

Шумилова В. Н. Аверина Нина Федоровна // Краеведы и краеведческие организации Перми: биобиблиогр. справочник / Пермская обл. универс. б-ка им. А. М. Горького; сост.: Т. И. Быстрых, А. В. Шилов. – Пермь: Курсив, 2000. – С. 61-62.

Аверина Нина Федоровна // Факультет документально-информационных коммуникаций: биобиблиогр. справочник / Пермский гос. ин-т искусства и культуры; сост.: А. И. Исаченкова, Е. В. Исаченкова, Е. Н. Кислицина. – Пермь, 2007. – С. 46-51: портр.

Кабанов Н. Н. Новые архивные сведения о пермских краеведах: [в т. ч. о Н. Ф. Авериной] // Смышляевские чтения: материалы 11-й науч.-практ. конф.: 14 мая 2009 г. – Пермь, 2009. – С. 198.

Быстрых Т. И. Н. Ф. Аверина – историк пермской книги // Город в глубине России: календарь-справочник города Перми на 2010 год / МУ «Архив города Перми». – Пермь: Пушка, 2010. – С. 178-181: портр.

* * *

Петровников И. Завещал библиотеки // Вечерняя Пермь. – 1983. – 25 окт.

Об участии в Павленковских чтениях в Ленинграде преподавателей Пермского института культуры Н. Ф. Авериной и Е. Д. Харитоновой.

Наговицина Л. Жить интересно: [о преп. каф. библиотековедения ПГИК Н. Ф. Авериной] // Вечерняя Пермь. – 1984. – 12 апр.

Фролова И. И. Третьи Павленковские чтения // В мире книг. – 1984. – № 3. – С. 50.

Об участии в чтениях Н. Ф. Авериной.

Фролова И. И. Четвертые Павленковские чтения // В мире книг. – 1986. – № 2. – С. 78.

Об участии в чтениях Н. Ф. Аveriной.

Павлов В. А. Люди и книги: опыт «инвентаризации» уральского книгознания // Урал. – 2003. – № 2. – С. 203-233.

Баталина Ю. Из Австралии – с любовью // Новый компаньон. – 2007. – 13 марта. – № 9. – С. 8.

Ёжиков И. Из Австралии с любовью // Пермьки. – 2009. – Янв. – № 10: ил.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

ГАПК – Государственный архив Пермского края.
ГАПО – Государственный архив Пермской области.
ГАСО – Государственный архив Свердловской области.
ГОПАПО – Государственный общественно-политический архив Пермской области.
МУ – Муниципальное учреждение.
МУК ОМБ – Муниципальное учреждение культуры «Объединение муниципальных библиотек г. Перми»
ПГВ – Пермские губернские ведомости.
ПГИИК – Пермский государственный институт искусства и культуры.
ПГСХА – Пермская государственная сельскохозяйственная академия им. академика Д. Н. Прянишникова.
ПГУ – Пермский государственный университет.
ПГХГ – Пермская государственная художественная галерея.
ПЕВ – Пермские епархиальные ведомости.
ПОКМ – Пермский областной краеведческий музей.
ПУАК – Пермская ученая архивная комиссия.
РГАДА – Российский государственный архив древних актов.
УОЛЕ – Уральское общество любителей естествознания.
РГИА – Российский государственный исторический архив.
ЦГАДА – Центральный государственный архив древних актов СССР.
ЦГИА – Центральный государственный исторический архив СССР.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абашев Владимир Васильевич, доктор филологических наук, заведующий кафедрой журналистики Пермского государственного университета.

Аверина Нина Федоровна, ученый-книговед, кандидат филологических наук, автор научных трудов по истории пермского книгоиздания.

Быстрых Татьяна Ивановна, специалист в области библиотечного краеведения, заслуженный работник культуры РФ.

Власова Елена Георгиевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики Пермского государственного университета.

Захарова Нэля Федоровна, заведующая информационно-библиографическим отделом Центральной городской библиотеки им. А. С. Пушкина г. Перми.

Корчагин Павел Анатольевич, старший научный сотрудник Пермского филиала Института истории и археологии УрО РАН, кандидат исторических наук.

Краснопёрова Наталья Васильевна, индивидуальный предприниматель, краевед-любитель.

Нечаев Михаил Геннадьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры государственного управления и истории Пермского государственного технического университета.

Ситников Михаил Григорьевич, краевед.

Субботин Евгений Павлович, Президент Пермского общества «Арабеск».

Чагина Екатерина Викторовна, старший преподаватель кафедры декоративно-прикладного искусства Уральского филиала Российской Академии живописи, ваяния и зодчества (г. Пермь), кандидат искусствоведения.

Шилов Анатолий Владимирович, кандидат исторических наук, доцент Пермского государственного университета.

Ярома Ольга Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и социологии Пермской государственной сельскохозяйственной академии (ПГСХА) им. академика Д. Н. Прянишникова.

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя	3
----------------------	---

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ ПЕРМИ

Абашев В. В. Д. Д. Смышляев: автопортрет на фоне Палестины	5
Корчагин П. А. О так называемом «губернаторском мостике» в Перми	13
Ярома О. В. Пермский городской голова: статус, деятельность, личность (конец XIX в. – январь 1917 г.)	21
Чагина Е. В. О проекте памятника императору Александру II для города Перми	28
Краснопёрова Н. В. Первый пермский губернский агроном В. А. Владимирский	48
Власова Е. Г. Чудь в «ученых путешествиях» по Уралу конца XVIII века	58
Нечаев М. Г. Церковные библиотеки на Урале в начале XX века	65
Быстрых Т. И., Шилов А. В. Краеведы Перми. История издания биобиблиографических справочников	78

ПУБЛИКАЦИИ ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ МАТЕРИАЛОВ

Корчагин П. А. Пермские чиновники начала XIX века	94
О строительстве бани в Перми. Заявление пермского купца Д. Е. Смышляева в пермскую городскую думу	125
Субботин Е. П., Ситников М. Г. Блохины – родственники Смышляевым	127

Сведения о родственниках Д. Д. Смышляева в его «Духовном завещании». Публикация Е. П. Субботина ...	137
Воспоминания В. А. Игнатьева «Старая Пермь». Публикация А. В. Шилова	141
В. С. Верховланцев и «Краткая летопись» его жизни. Публикация Т. И. Быстрых	150

БИБЛИОГРАФИЯ

Н. Ф. Аверина – историк пермской книги. Список литературы. Составители Т. И. Быстрых и Н. Ф. Захарова	
От составителя	189
Материалы к биографии (Н. Ф. Аверина)	192
Труды Н. Ф. Авериной	200
Художественные произведения	208
Составительская деятельность	209
Литература о Н. Ф. Авериной	210
Условные сокращения	212
Сведения об авторах	213

КРАЕВЕДЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

«СМЫШЛЯЕВСКИЙ СБОРНИК»

**ИССЛЕДОВАНИЯ И МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ
И КУЛЬТУРЕ ПЕРМИ**

Второй выпуск

Составитель и редактор Т. И. Быстрых
Ответственный за выпуск: директор МУК ОМБ Е. Н. Клешнина.

Компьютерная верстка и
обработка иллюстраций *А.Г. Щелканова*

Гарнитура «Pragmatica».
Формат 60X84 $\frac{1}{16}$. Усл. печ. л. 14.
Бумага ВХИ 80 г/м²

Тираж 200 экз.

Книга отпечатана на оборудовании
ООО «Абрис»
т. 8 (342) 293-32-37, 294-59-19.